

Годъ 9-й.

Кн. XXXV

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЪНІЕ.

Издание Этнографического Отдѣла

Императорского Общества Любителей Естествознанія,
Антрапологии и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1897, № 4.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. А. Янчукा.

МОСКВА.

Высочайше утв. Т-во Скороп. А. А. Левенсона. Комиссионеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества
Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Петровка, д. Левенсонъ.

1897.

Печатано съ разрешения Совета ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознания,
Антропологии и Этнографии.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

I. Обычное право («адатъ») киргизовъ Семирѣченской области. II. Союзъ родителей и дѣтей. III. Союзъ родственниковъ. IV. Союзъ родовой. <i>Н. Иразиева</i>	1
II. Къ исторіи народнаго театра. I. Живой вертепъ. <i>А. Н. Малинки</i>	37
III. Очерки Пошехонья. I. Семейные нравы и обычаи: 1. Отношеніе къ женщинѣ; бракъ. 2. Увеселенія. <i>А. В. Балова</i>	57
IV. Изъ материаловъ по этнографіи якутовъ. II. Очерки общественной жизни: 1. Рабство. 2. Умыканіе. <i>М. Овчинникова</i>	77
V. Памяти А. Ф. Гильфердинга. (Къ 25-лѣтней годовщинѣ его смерти). <i>А. М. Лободы</i>	89
VI. Федоръ Иваиновичъ Буслаевъ (1818—1897). <i>В. Щепкина</i>	99
VII. Смѣсь:	
«Вони» Весьѣгонскаго уѣзда, Тверской губ. Запис. <i>Ю. Готье</i>	112
«Причѣты» Ношкоинскаго уѣзда, Ярославск. губ. Запис. <i>Я. Ильинскій</i>	120
«Кики» Рижскаго уѣзда, Рязанской губ. Запис. <i>Ал. Виноградовъ</i>	122
Къ легендамъ и новѣрьямъ о змѣяхъ. Сообщенія <i>М. К. Васильева, Н. Пузырева, С. Шарова</i> и др.	125
Къ исторіи собирания русскихъ былинъ. Сообщ. <i>Н. М. Менделѣсона</i> и <i>А. Е. Грузинского</i>	128
Народные толки 1897 г. Сообщила <i>М. Дикаревъ</i>	132

VIII. Критика и бібліографія:

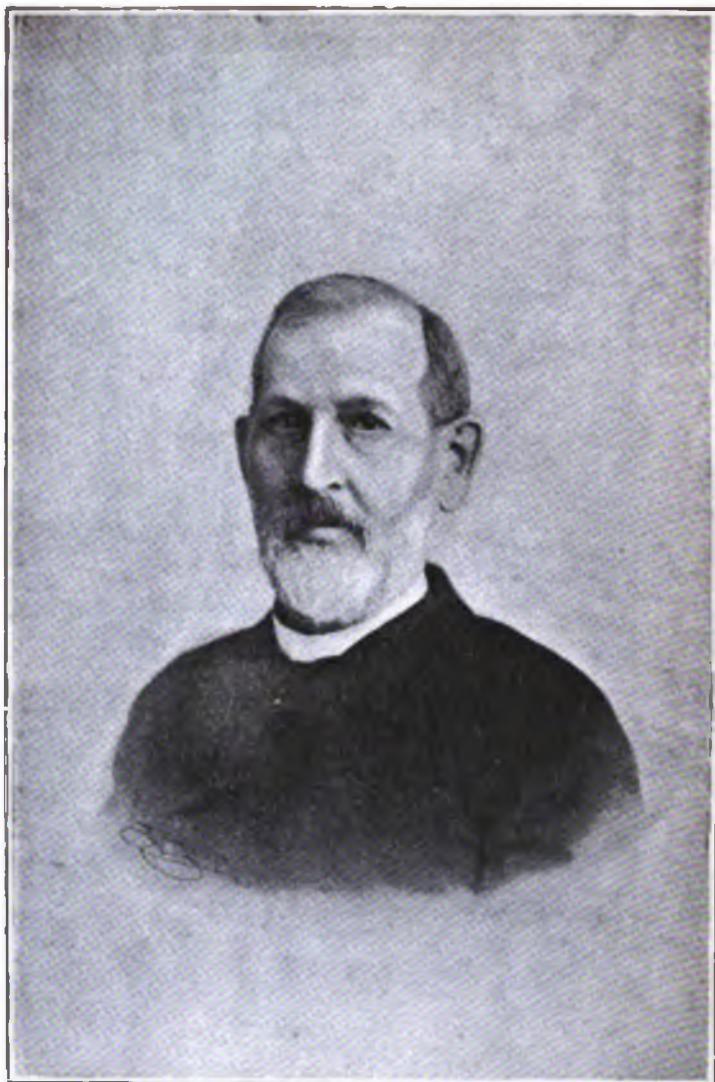
1. Книги, повременныя ученые издания 134—163
 А. Мюлльеръ. Исторія ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ. Перев. съ нѣм., подъ ред. Н. А. Мѣдникова, т. III и IV. Л. Крымскаго (134).—Н. Я. Никифоровскій. Простородовая примѣты и повѣрья. Суевѣрные обряды и обычаи, легендарные сказанія о лицахъ и мѣстахъ. Собр. въ Витебской Вѣлоруссіи. Ен. Ляцкало (137).—А. Е. Бурцевъ. Сказки, разсказы и легенды крестьянъ сѣверного края. А. Соболевскаго (141).—Н. А. Смирновъ. Русскія народныя пѣсни позѣйшаго времени. Д. С. (142).—Труды VIII Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ 1890 г., т. III. Подъ ред. П. С. Уваровой. Н. Х. (144).—Извѣстія И. Академіи Наукъ. Т. IV и V (147).—Извѣстія Вост.-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Геогр. Общества, 1896 г. Т. XXVI (150).—Кавказская жизнь. Вып. I (1896 г.). Хах-оса. (152).—Anthropologie, 1896 (152).—Globus. 1896 (155).—Internationales Archiv für Ethnographie. 1896. Bd. IX (159).—Mittheilungen der Anthropolog. Gesellschaft in Wien, 1896. Bd. XXVI (160). Периодическо Списание на болгарското книжовно дружество въ Срѣдецъ. Кн. XLIV, XLV, XLVIII, XLIX—L, LI, LII—LIII, LIV.
2. Газеты и журналы. 164—174
 3. Новости этнографической литературы. 175—183

IX. Извѣстія и замѣтки:

- Заѣданія Приамурскаго Отдѣла И. Р. Геогр. Общества 11 и 13 ноября 1897 г. (Честновасіе Н. Л. Гондатти) 184
 Красноярскій музей. Л. Масюкевича. 188
 Автобіографіи этнографовъ (А. А. Диваевъ, С. А. и П. А. Цилакторскіе). 191

Приложеніе: портретъ Ф. И. Буслаева.

Объявленія.

О. И. БУСЛАЕВЪ.

(1818 — 1897).

ОБЫЧНОЕ ПРАВО („АДАТЬ“) КИРГИЗОВЪ СЕМИ- РѢЧЕНСКОЙ ОБЛАСТИ.¹⁾

II. Союзъ родителей и дѣтей.

I. Права и обязанности личныхъ. Власть родителей.

Власть родителей неограничена и простирается даже на жизнь дѣтей. Конечно, въ здравомъ умѣ никто не рѣшился убить свое дитя, развѣ только нечаянно, но, какъ бы то ни было, дѣтоубийца не преслѣдуется ви въ накомъ случаѣ и даетъ отвѣтъ одному Богу.

Родители считаются естественными защитниками своихъ дѣтей. Отецъ ищетъ за обиду малолѣтнихъ и за убйство дѣтей. Замужнихъ дочерей защищаетъ мужъ, а отъ мужа отецъ.

Сообразно такой власти и заботамъ, дѣти должны безусловно подчиняться родителямъ, почитать и уважать ихъ. Непокорнаго сына родители наказываютъ сами, а не въ силахъ будуть справиться—сзываютъ родственниковъ, и всѣ сообща расправятся, выдерутъ и нагайками. Затѣмъ родственники стараются примирить сына съ отцомъ, заставляя первого просить прощенія. Жалобы дѣтей на родителей по обычаю не должны приниматься, кромѣ жалобы о томъ, что отецъ не женить и не отдаляетъ, ибо родители вольны во всѣхъ своихъ поступкахъ. Неисправимаго сына отецъ прогоняетъ, собравъ родственниковъ и объяснивъ вмѣ причины, предоставляемъ ему жить, гдѣ и какъ угодно. Выдѣлъ прогнанного зависитъ вполнѣ отъ воли отца; впрочемъ, это одинаково и по отношенію всѣхъ дѣтей за исключениемъ только женитьбы, то есть прогнанного сына можетъ и не женить. Отецъ дастъ ему, сколько вадумается, а и не дастъ, то простятъ никто не смеетъ. При неповиновеніи дочери одна только мать и другія родственницы наказываютъ. Отецъ рѣдко вмѣшивается въ женское дѣло. Непокорная дочь, однако, не выгоняется,—вѣ выгодно; ее стараются поскорѣе сбыть съ рукъ, выдавъ замужъ.

1) См. Этнogr. Обозр., XXXIV.

Власть родителей простирается и на выборъ мужа для дочери и жены для сына. Согласія дѣтей родители могутъ и не спрашивать; все это предоставлено обычаемъ ихъ личному усмотрѣнію, чѣмъ они и пользуются, говаривая дѣтей еще въ колыбели. Сынъ, если не былъговоренъ въ малолѣтствѣ, всегда женится съ согласія отца. Да это и понятно, такъ какъ, не дай отецъ скота, сыну не чѣмъ заплатить и калымъ. Даже и отдѣленіи-сыновья при вторичной женитьбѣ спрашиваютъ отца, хотя вполнѣ моглибы обойтись безъ его позволенія и согласія. По относшенію замужества дочери власть отца еще болѣе неограничена. Взрослый сынъ могъ бы и не жениться на выбранной отцомъ дѣвушкѣ, но взрослая дочь должна непремѣнно выйти за того, кому отдалъ ее отецъ. Теперь администрація, смягчая нѣсколько обычаи и дозволяя дѣвушкѣ выходить и за невыбранного отцомъ, заставляетъ—конечно въ огромномъ мезиниствѣ случаетъ—родителей принимать симпатіи дочери къ свѣдѣнію.

Съ женитьбой и выдѣломъ сыновей и выходомъ дочерей замужъ власть родителей значительно ограничивается. Напримеръ, наказаніе отдѣленаго сына и замужней дочери не всегда уже возможны; отображеніе скота у отдѣленаго сына вовсе невозможнo, и при непочтительности его отцу остается отказаться отъ негоднаго и не помогать ему въ нуждѣ. Но случаи неуваженія, непочтительности рѣдки; вообще говоря, у киргизъ почетъ, оказываемый дѣтьми, очень великъ; отецъ и мать принимаются, какъ дорогіе почетные гости. Зато и отецъ при нуждѣ не жалѣтъ средствъ для дѣтей. Богачи платятъ за нихъ огромный калымъ и даютъ такое же приданое. Поминки по умершимъ устраиваются возможно пышно, и призы на байгѣ поглощаютъ иногда много скота и денегъ. Я, напримѣръ, знаю о призахъ въ 2—3 тысячи, и это еще не изъ большихъ, бывали въ 6—7 тысячъ рублей.

2. Права и обязанности по имуществу.

а) Выдѣль дѣтей.

Сыновей выдѣляютъ только послѣ женитьбы, при чѣмъ бѣдные киргизы никогда не выдѣляютъ какъ по неимѣнію средствъ дать новую юрту, такъ и потому, что раздѣливъ скотъ, ни отецъ, ни сынъ не могли бы существовать. Но кроме бѣдныхъ и богатыхъ, случается, не выдѣляютъ дѣтей. Богачъ иногда завѣщаетъ сыновьямъ не раздѣляться, и они свято исполняютъ волю отца. Живутъ хотя и совершенно отдѣльно другъ отъ друга, а имуществомъ пользуются сообща, при чѣмъ старшій изъ нихъ распоряжается на правахъ главы. Дѣтей своихъ выдѣлять можно по общему согласію.

Примѣръ этому виденъ на Атханѣ (бывшій младшій помощникъ Ко-
пальского уѣзданого начальника) и Даркембай. Они владѣли имуществомъ
сообща; Атханъ, какъ старшій, распоряжался самостоятельно. Изъ этого
имущества, по согласію Атхана и Даркембая, выдѣлена часть сыновьямъ
перваго: Балкану и Иркембаю при ихъ женитьбѣ. Затѣмъ у Атхана еще
пять сыновей, дочь и двѣ жены. Юргы жесть отдельныя, во скота нѣть
ни у одной. У Даркембая тоже есть дѣти. Послѣ смерти Атхана весь
скотъ перешелъ въ распоряженіе Даркембая; ни Сеильханъ, 20-лѣтній
сынъ Атхана, ни прочие его братья, кажется, не будутъ раздѣляться;
Сеильханъ же и Даркембай не раздѣляются ни въ какомъ случаѣ.

Помимо этихъ исключений, богатые и средняго состоянія киргизы всегда выдѣляютъ женившихся сыновей. Размѣръ выдѣла
обыкновенно зависитъ отъ воли отца, и если отдѣленный недоволенъ,
то говорить родственникамъ, эти отцу, и если послѣдній прибавить—ладно, не прибавить—тоже ладно; участіе род-
ственниковъ кончается, да и отдѣленный не можетъ требовать
отъ отца ничего больше.

Чтобы вполнѣ правильно и ясно понимать выдѣль, необходимо
помнить обычай, приведенный въ имущественныхъ правахъ
супруговъ, то есть отецъ выдѣляетъ сына лишь изъ имущества,
давнаго во владѣніе матери отдѣляемаго. Количество скота, да-
ваемаго выдѣляемому, хотя и зависитъ отъ воли отца, но обык-
новенно оно приблизительно равно всему количеству скота,
данного матери выдѣляемаго, раздѣленному на число сыновей
отъ той же матери. Напримеръ, если въ пользованіе женѣ дано
200 головъ и у неї 4 сына, то при одновременномъ выдѣльѣ
каждый изъ троихъ первыхъ получитъ бы по 40 головъ, а
остальные 80 головъ остаются въ пользованіе меньшаго сына и
юрты. Младшій сынъ не выдѣляется никогда, ему достается все
оставшееся отъ выдѣла братьевъ, и онъ живетъ постоянно съ
матерью. Поэтому на долю младшаго приходится всегда болѣе
скота, да еще юрта, домашнее имущество и зимовка.

Доли выдѣляемыхъ, конечно, не равны, ибо въ промежуткѣ
между выдѣломъ количество скота можетъ уменьшиться или уве-
личиться, и доля послѣотдѣляемаго можетъ быть болѣе или
менѣе доли старшаго брата. Впрочемъ, если выдѣленный обѣд-
нѣлъ или если послѣ его выдѣла богатство отца значительно
увеличилось, то и ему отецъ дастъ еще скота.

Отдѣленный сынъ можетъ жить и кочевать вмѣстѣ съ отцомъ;
а если жены ихъ не ладятъ, то сынъ кочуетъ въ другомъ мѣстѣ.

Дочерей не выдѣляютъ никогда, вся забота о нихъ: выдать
замужъ, приготовить приданое, а затѣмъ, когда у ней родится
ребенокъ, отецъ дарить ей скотъ.

Калымъ за сыновей платится изъ имущества, даннаго ихъ
матери; калымъ за дочерей поступаетъ тоже въ имущество матери.

По смерти отца и при опекѣ матери выдѣлъ производится по ся усмотрѣнію, такъ же какъ и при жизни отца. Если же опекуномъ будетъ родственникъ отца, то имущество дѣлится на части строго равныя въ моментъ выдѣла. Впрочемъ, иногда младшему все-же достается немного болѣе скота, да юрта съ имуществомъ.

б) Опека.

Опекуномъ долженъ быть непремѣнно ближайшій по старшинству родственникъ. Само собою разумѣется, что безтолковымъ, глупымъ, опека не поручается. Даже воля умирающаго не можетъ измѣнить порядка опеки; кому бы онъ ни поручилъ опеку, все равно его не слушаютъ, и опека переходить къ ближайшему родственнику. Отказъ отъ опеки дозволенъ, и тогда опекуномъ становится слѣдующій родственникъ.

Опекунъ беретъ къ себѣ дѣтей умершаго, скотъ, имущество. На его обязанности лежитъ: одѣвать, кормить и заботиться о сиротахъ, какъ о своихъ собственныхъ дѣтяхъ, что обыкновенно и исполняется, такъ какъ опекунъ не отдѣляетъ сиротъ отъ своихъ дѣтей. Какъ только сироты подрастутъ и женятся, ихъ выдѣляютъ. Выдѣлъ лежитъ на обязанности и совѣсти опекуна; никто въ это не вмѣшивается, если только опекаемые въ ладахъ съ опекуномъ. Если же сироты не вѣрятъ опекуну и ссорятся съ нимъ, то раздѣлъ производится при помощи родственниковъ сиротъ.

Отчета по опекѣ никому не дается; если бы случился обманъ, и сироты узнаютъ, то ищутъ съ опекуна черезъ бievъ.

Скотъ, въ моментъ выдѣла женившагося сироты, дѣлится на равныя части по числу сиротъ; младшему иногда все-же оставляютъ немного болѣе прочихъ, да отцовскую юрту съ имуществомъ. Дочери не имѣютъ права на имущество отца, и если бы случилось, послѣ раздѣла имущества, остьаться дѣвушкамъ-сироткамъ, то онѣ переходять къ младшему или другимъ отдѣленнымъ братьямъ; могутъ остьаться и у опекуна, хотя это бываетъ крайне рѣдко. Въ послѣднемъ случаѣ опекунъ все-же не оставляетъ у себя скота для пропитанія сиротокъ; онѣ оставляютъ лишь женское платье, которое и идетъ послѣ съ ними въ приданое. Калмыкъ въ этомъ случаѣ идетъ опекуну. Точно также поступаетъ и братъ, взявший сестеръ отъ опекуна. Однимъ словомъ, калмыкъ идетъ тому, кто воспиталъ и выдалъ дѣвушку. Однако, надо здѣсь сказать, богатые и даже небогатые честные киргизы калмыкъ за сиротку обращаются ей въ приданое. Если сироты дѣвушки будутъ выданы замужъ ранѣе выдѣла опекуномъ ихъ братьевъ, то калмыкъ поступаетъ въ общую массу наслѣдства. Опекунъ за свою заботу о сиротахъ не пользуется никакимъ вознагражде-

ніемъ. Права его къ опекаемымъ—права отца; онъ защищаетъ ихъ, женить. Если умреть мать, то обь опекѣ нѣть и рѣчи, дѣти продолжаютъ жить у отца, подъ его надзоромъ. Если умреть мужъ, а вдова, имѣя сыновей, выйдетъ за ближайшаго родственника, то съ ней переходитъ весь скотъ и дѣти, а новый ея мужъ становится опекуномъ съ правами, указанными выше. Это при малолѣтнихъ все дѣтихъ. Если же у вдовы есть взрослый женатый сынъ, то иногда скотъ отца и имущество остается въ распоряженіи взрослого, который и становится опекуномъ; у него же остаются и весь его братья. Мать же съ дочерьми переходить къ новому мужу безъ всего. Впрочемъ, если дѣти очень малы, то всѣ они—значить и сыновья—идутъ съ матерью. Возможно, что съ матерью не идутъ даже дочери: это если онѣ не хотятъ жить у отчима, и тогда мать идетъ къ новому мужу одна.

У киргизовъ бываютъ и такие случаи: вдова, выйдя вторично замужъ, все-же живеть съ дѣтьми отъ первого брака и управлять наслѣдствомъ, новый же ея мужъ живеть у себя, навѣщаю ее по временамъ. Если по смерти мужа вдова не выйдетъ замужъ (возможно только тогда, когда есть сыновья), то вступаетъ въ права умершаго и распоряжается всѣмъ: растить дѣтей, заботиться о нихъ и скотѣ, женить сыновей, выдастъ дочерей и вообще распоряжается такъ неограниченно, какъ распоряжался бы и ея мужъ, будь онъ живъ.

Понятно, каждая изъ отдѣленныхъ женъ опекаетъ только своихъ дѣтей и распоряжается только даннымъ ей скотомъ.

Имуществомъ сумасшедшаго, до совершеннолѣтія сыновей, управляетъ жена, а если жены нѣть—ближайший родственникъ.

Въ случаѣ расточительности мужа жена можетъ обратиться къ родственникамъ его, которые и принимаютъ мѣры. Мѣры эти сначала состоятъ въ увѣщаніи, наказанія нагайками, а не поможетъ—въ отобравіи имущества, которое передается въ распоряженіе женѣ или одному изъ взрослыхъ сыновей. Если бы мужъ и не согласился на такое ограниченіе его правъ, то на это не обращаютъ вниманія, и вслѣдъ считаетъ обязанностью удержать его порывы, считая его болынъ. Конечно, если мужъ исправится, то опять становится неограниченнымъ главой юрты.

в) Наслѣдство.

Имущество умершаго киргиза есть собственность его сыновей, внуковъ, а нѣть ихъ—его братьевъ и такъ далѣе. Умирающій, при всемъ желаніи, не можетъ нарушить этотъ обычай, то есть онъ не можетъ лишить наследниковъ наследства, и если даже и завѣщаетъ свое имущество кому-либо, то завѣщаніе не исполняется, а все поступаетъ въ собственность прямыхъ наследниковъ.

На наследство имѣютъ право одни мужчины; поэтому послѣ отца наследуютъ сыновья, жены же и дочери никогда. Отдѣленные при жизни отца сыновья не имѣютъ никакихъ правъ на наследство, если только есть другіе не отдѣленные. Если же послѣднихъ нѣтъ (это возможно только въ случаѣ смерти меньшаго), то все имущество умершаго переходитъ къ отдѣленнымъ сыновьямъ и дѣлится между ними поровну. Вдовъ же, если онѣ не выходятъ замужъ, и сестеръ они берутъ къ себѣ, кормить и одѣвать ихъ, а послѣднихъ и замужъ выдаютъ. Если у умершаго было нѣсколько отдѣленныхъ женъ, то сыновья наследуютъ только имущество своихъ матерей.

Младший сынъ не выдѣляется никогда и живеть съ матерью; поэтому по смерти отца онѣ и получаетъ все оставшееся отъ выдана своихъ братьевъ. Если у одной изъ отдѣленныхъ женъ умершаго сыновей нѣтъ, то имущество и скотъ переходитъ къ дѣтиимъ прочихъ женъ, имѣющихъ сыновей, и дѣлится между ними поровну.

Сыновья умершаго киргиза вступаютъ вполнѣ въ права отца, и если бы, напримѣръ, ихъ дядя умеръ бездѣтнымъ, то они наслѣдуютъ имущество на тѣхъ же правахъ, какъ бы наследовалъ и ихъ отецъ. Если бы у умершаго бездѣтнаго дяди былъ еще братъ, то имущество дѣлится между этимъ братомъ и племянниками, при чемъ послѣдніе получаютъ долю нѣсколько меньшую противъ доли первого. На вдову умершаго дяди—тетку племянники имѣютъ, однако, менѣе правъ, чѣмъ имѣлъ бы ихъ отецъ, будь онъ живъ. Именно, тетка помимо племянниковъ переходить къ слѣдующему ихъ дядѣ, и только если всѣ братья умершаго откажутся или число вдовъ болѣе числа братьевъ, то иногда и племянники берутъ ихъ. Однако, при жизни своего отца тетку берутъ рѣдко—стыдятся.

Имущество киргиза, пропавшаго безъ вѣсти, дѣлится между наследниками точно такъ же, какъ бы по смерти его. Однако, если пропавшій вѣрнется, то получаетъ все обратно, но безъ женъ, если онѣ вышли замужъ.

Имущество сумасшедшаго наследуется сыновьями, которые и должны заботиться о больномъ отцѣ. За неимѣніемъ сыновей вдова и имущество сумасшедшаго переходятъ къ ближайшимъ родственникамъ.

Однимъ словомъ, наследство дѣлится между не отдѣленными сыновьями, нѣтъ ихъ—между отдѣленными; если сыновей и ихъ потомства нѣтъ, имущество переходитъ къ братьямъ и ихъ потомству и такъ далѣе (дядямъ и ихъ потомству, дѣдамъ)—все къ мужчинамъ. Женщины не имѣютъ никакихъ правъ на наследство.

III. Союзъ родственниковъ.

1. Права и обязанности.

а) Личные.

Всѣ члены союза равноправны и вполнѣ самостоятельны, не завися одинъ отъ другого. Отношения ихъ между собой совершенно свободны, какъ равнаго къ равному. Главенства нѣть. Мнѣніе старѣйшаго родственника не обязательно, равно какъ и подчиненія ему не существуетъ.

Правда, хороший добрый старецъ пользуется общимъ уважениемъ, но не властью. Уважаютъ въ немъ старость, но эта же старость причиной тому, что мнѣнія его по дѣлу почти что не спрашиваются, считая непримѣнимымъ нынѣ.

Кромѣ старцевъ уважаютъ и другихъ, даже подчиняются имъ-которымъ, но это не значитъ, что они имѣютъ на уваженіе и почетъ какое-либо право по происхожденію; въ нихъ уважаютъ личность или положеніе. Тѣ киргизы, коихъ администрація зоветъ почетными, уважаются и своими; совѣты ихъ, мнѣнія исполняются часто въ точности, но, присмотрѣвшись къ такимъ личностямъ ближе, видимъ большей частью, что уваженіе и подчиненіе оказывается собственно не имъ, а ихъ положенію, богатству и т. п. Такія личности большей частью міроѣзы, кулаки; имъ подчиняются, ихъ слушаютъ, терпятъ, кланяются изъ расчета, а не за добро, никогда ими не оказываемое.

Вмѣшательства родственниковъ въ частныя дѣла другъ друга нѣть и не допускается, развѣ только этого вмѣшательства будеть просить одинъ изъ нихъ. Собрания родственниковъ случаются: при раздѣлѣ пахотныхъ земель, при примиреніи ссорящихся родственниковъ, при наказаніи и примиреніи непокорнаго сына съ отцомъ, при дѣлѣ наслѣдства, при распределѣніи наряда на отбываніе какой-либо повинности, при рожденіяхъ, садѣbachъ, похоронахъ, байгахъ и тому подобное. Общихъ совѣтовъ передъ тѣмъ или другимъ дѣломъ не бываетъ, развѣ только дѣло касается всѣхъ родственниковъ, напримѣръ при искахъ жуна; одинъ спрашиваетъ совѣта другого, болѣе опыта, но не по обязанности, а потому—умъ хорошо, а два лучше. Родственникъ, пріѣхавшій въ юрту другого, имѣть право на угощеніе и пріютъ. Впрочемъ, киргизы вообще гостепріимны. Гость дарь Бога и его слѣдуетъ накормить, не жалѣя средствъ. У нихъ принято считать, что все, дѣляемое для гостя, дѣляется для Бога. Гостепріимствомъ пользуются такъ широко, что не обходится иногда и безъ комическихъ сценъ: гости объѣдаются хозяевъ на чрезвычайныхъ съѣздахъ; отказать грѣшно, ну хозяева и бѣгаютъ подальше отъ грѣха и гостей. Обидѣть родственника, украсть у него лошадь

не считается особенно тяжкимъ грѣхомъ и наказуется одинаково съ обидой и воровствомъ у посторонняго.

Единственный неоспоримыи права родственниковъ—право на вдовъ, имущество, на помощь при поминкахъ, при платежѣ куна-по ощѣкѣ и тому подобное. Бездѣтия, не имѣющая сыновей, вдова—собственность родственниковъ умершаго мужа. По обычаю, она обязана быть женой старшаго брата и вообще ближайшаго по старшинству родственника умершаго. Исключение бываетъ для вдовъ старухъ, которымъ предоставляется свобода жизни безъ нового замужества. Въ пожизненное пользованіе наслѣдники оставляютъ немногого скота, юрту и необходимое имущество. Иногда въ пользованіе такихъ старухъ оставляютъ все, чѣмъ владѣлъ ея мужъ. (Напримеръ, послѣ смерти киргиза Бексента, три его брата не взяли ничего изъ его имущества, а оставили все въ пользованіе вдовы Наутекъ и двухъ ея дочерей). Если имѣющій права на вдову молодъ, то она при желаніи ждетъ его совершенно лѣтія, а не желаетъ ждать—выходить за слѣдующаго. Не захотеть старшій братъ взять вдову, беретъ слѣдующій, соблюдая очередь по старшинству лѣтъ. Само собой разумѣется, что по общему согласію братьевъ они могутъ и не придерживаться старшинства лѣтъ и отдать вдову тому, кто болѣе въ ией нуждается или къ кому она сама болѣе благоволитъ.

При иѣсколькихъ вдовахъ каждый береть по одной; одинъ не можетъ взять всѣхъ безъ согласія прочихъ братьевъ. Если число вдовъ болѣе числа братьевъ, то беруть племянники и слѣдующіе родственники. То же случается, если братья умершаго откажутся отъ вдовы. Бываетъ, что братья и сами съ общаго согласія отдаютъ вдову за того или другого изъ ея племянниковъ (по мужу, конечно).

Примѣры: 1) Киргизы Алменъ, Кулманъ и Кулдулды Кошетеровы родные братья. Младшій Кулдулды умеръ, оставилъ трехъ вдовъ, двѣ юрты, 100 лошадей, 6 верблюдовъ, 300 барановъ и 5 коровъ. Алменъ взялъ вдову съ юртой и половину скота; Кулманъ взялъ другую вдову съ юртой и остальную половину скота; третью же вдову взялъ сынъ Алменя—Бійбитъ и съ нею получиль лошадь, верблюда, постели, одежду ея и сѣдло, данныя ей въ приданое.—2) Киргизы Козурбургской волости Кулуке, Беккулы и Каңгучукъ родные братья. Младшій Каңгучукъ умеръ, оставилъ сына и вдову. Послѣдняя съ согласіемъ Кулуке и Беккулы вышла за сына Кулуке—Игилика, конечно безо всего.

Старшій изъ братьевъ береть и старшую вдову, болѣе же молодыхъ выходить за слѣдующихъ. Причемъ старухи, остающіеся свободными, въ счетъ не идутъ.

Конечно, симпатія къ той или другой вдовѣ нарушаютъ порядокъ старшинства. Въ тѣхъ случаяхъ, когда вдова, несмотря ни на что, не пожелаетъ выйти за имѣющаго на нее право, а поже-

ласть за другого, хотя бы и отдаленаго родственника, то ее уже не неволять; но если обойденный не доволенъ такой свадьбой, то ищеть со счастливца убытки, калымъ.

Напримѣръ, киргизы Конурбургской волости Чаунъ и Алпысная ближайшіе родственники киргиза Машай. Послѣдній умеръ, оставивъ бездѣтную вдову Тумпай. Она не шла ни за Чауни, ни за Алпыснай, а по желала выйти за Чуючалы дальнаго родственника Машай. Тогда Чаунъ предъявилъ къ Чуючалы искъ, и біи присудили ему 12 лошадей. Между тѣмъ Тумпай раздумала и вышла за Алпыснай. Чаунъ ничего не имѣлъ противъ этого брака потому и не искалъ. Въ данномъ случаѣ съ Чуючалы было присуждено 12 лошадей, но присуждаются и мѣаѣ, напримѣръ девятку отъ лошади и даже лошадь и халатъ, смотря по близости родства.

Если же вдова выйдетъ за посторонняго, то присуждаются полныи калымъ, который и дѣлится поровну между наслѣдниками; приданаго они, конечно, не даются.

Съ бездѣтной вдовой, переходящей къ ближайшему родственнику, идетъ юрта съ имуществомъ кромѣ товаровъ и девицъ. Юрта эта не входить въ общую массу наследства. Впрочемъ если наследники ссорятся, то раздѣлять и юрту. Скотъ же и прочее дѣлится поровну между всѣми братьями, а если скота нѣтъ, то взявший вдову и юрту долженъ дать своимъ братьямъ подарки: кому лошадь, верблюда, халатъ и тому подобное.

Обрядность заключенія брачнаго союза съ вдовой отлична отъ обрядности женитьбы на дѣвушкѣ, по этому считаю не лишнимъ ея описание. А такъ какъ смертью киргиза начинаются собранія родственниковъ, которыми производится выдача замужъ вдовъ, а подчасъ и дѣлѣть наследства, то и описание я начну со смерти и похоронъ.

Киргизъ умеръ. Тотчасъ-же даютъ знать всѣмъ родственникамъ. Собираются сыновья умершаго, братья и другие родственники и посторонніе съ женами. Пріѣзжаетъ и позванный мула. Начинается обмываніе, производимое 3-мя, 5-ю или даже 9-ю непремѣнно посторонними киргизами. Затѣмъ трупъ завертываются въ бѣлую матерію, кладуть въ юртъ на устланную травой землю, и опускаютъ занавѣсь. Мулла начинаетъ читать молитвы съ началью обмыванія и читаетъ вплоть до похоронъ. Плакать по умершему вмѣняется въ обязанность всѣмъ родственникамъ—мужчинамъ, женщинамъ и дѣтямъ. Киргизы хоронять покойника въ день смерти, но если онъ умеръ ночью или во вторникъ, то похороны отлагаются до слѣдующаго дня (нѣкоторые не хоронятъ еще въ пятницу и субботу) и въ этомъ случаѣ собравшіе не разѣжаются, а тутъ и ночуютъ. Ихъ угожаютъ наследники изъ скота умершаго. По повѣрю киргизъ, угоженіе собравшихся на счетъ умершаго пріятно послѣднему. При выносѣ тѣла изъ юрты,

вокруг головы покойника обносят чашку съ пшеницей, рисомъ или просомъ, которое потомъ высыпаютъ въ казань и его ъѣть только наследники. Тѣло несутъ на носилкахъ; въ могилѣ открываютъ покойному лицо и, положивъ предъ глазами бумагу съ написанной молитвой, засыпаютъ. Затѣмъ, прочитавъ молитву, всѣ возвращаются. Мулла читаетъ молитвы въ теченіе семи—иногда болѣе—дней; его кормятъ ближайшиe родственники, всѣ же остальные разѣѣжаются. Муллѣ за чтеніе молитвъ до похоронъ платить различно; богатые даютъ лошадь покойника съ сѣдломъ и прочиe приборомъ, бѣдные что придется. Въ седьмой день сзываютъ родственниковъ на счетъ покойника. Размѣръ угощенія различенъ и заключается обыкновенно въ предѣлахъ отъ 10 кобыль до барана. Въ этотъ день отдаютъ обмыvавшимъ трупъ полную одежду покойника, напримѣръ шубу, чекмень, халатъ, три рубашки, поясъ, сапоги и шапку. Богатые даютъ больше, даже втрое всего этого. Женщину обмываютъ, конечно, женщины же, и имъ платить тоже одеждой умершей; шубу, два халата, двѣ рубашки, поясъ, бельемчи. Расчитываютъ и муллу за чтеніе; ему даютъ изъ имущества умершаго девяtkу отъ верблюда и менѣе, напримѣръ одного барана или капъ проса. Въ сороковой и сотый дни опять поминки: снова сзываютъ родственниковъ умершаго и угощаютъ; рѣжутъ много скота: 20 кобыль, 50 барановъ и т. п., бѣдные по возможности. Обыкновенно въ 40-й и 100-й день и вообще не позже года бываетъ иногда байга, призы на которую берутся частью изъ имущества умершаго, частью же даютъ родственники умершаго (по лошади и болѣе). Цѣль этихъ подарковъ дать возможность получше помянуть покойника. И каждый родственникъ, въ свою очередь, при нуждѣ получаетъ такую же помощь, которая отъ нѣкоторыхъ даже обязательна, напримѣръ отъ тѣхъ, за кого заплаченъ кунъ. Призы на байгахъ иногда очень велики и превышаютъ даже наличныe средства, такъ что ихъ выплачиваются иногда постепенно. (Байга на поминкахъ по умершемъ сынѣ бія Испера).

Черезъ годъ наследники послѣдній разъ собираютъ родственниковъ, обязанность которыхъ выдача вдовъ и дѣлежъ наследства, если наследники ссорятся. Собравшись, родственники помышлаются въ юртѣ. Киргизъ, желающій взять вдову, рѣжетъ собственаго барана, угощаетъ и говорить собравшимся: „я хочу взять за себя бабу“. Общество посыпаетъ спросить согласія вдовы, ожидающей рѣшенія своей судьбы въ другой юртѣ, и при согласіи мулла тотчасъ же и обвищаетъ. При отрицательномъ отвѣтѣ вдова приглашается къ собравшимся, ее уговариваютъ и въ концѣ ковцовъ уломаютъ.

Покончивъ съ вдовой, родственники приступаютъ къ раздѣлу имущества между наследниками. Конечно, если послѣдніе взаимно согласятся, то участіе родственниковъ не допускается, но такъ

какъ всячому охота получить побольше, то полюбовный дѣлежъ не всегда бываетъ. При неудовольствіи на раздѣлъ родственниковъ наследники могутъ обратиться къ бюо.

Если послѣ умершаго остались сыновья, то и они собираются родственниковъ и послѣ угощенія говорять имъ: „если мать не захочетъ выходить замужъ, то мы будемъ кормить и заботиться о ней, а захотеть—ея воля“. Ее тутъ-же спрашиваютъ и поступаютъ сообразно ея желанія, неволить же въ этомъ случаѣ нельзѧ. Какъ вдова переходить къ брату умершаго мужа, точно такъ же и девушка невѣста переходитъ къ брату умершаго жениха. Заплаченный калымъ и задатокъ держитъ ее на привязи. Да же если у жениха нѣтъ братьевъ, то и тогда она не получаетъ свободы, а переходитъ къ дядѣ или двоюродному брату умершаго. Въ этомъ случаѣ отецъ умершаго жениха получаетъ заплаченный калымъ съ того, кому достается девушка.

О правахъ родственниковъ по опекѣ, наказанию непокорнаго сына, изверга мужа и прочее сказано ранѣе.

б) Имущественные права родственниковъ.

Выше уже говорено, что женщинамъ отказано въ правѣ имѣть собственность. Это право принадлежитъ исключительно мужчинамъ. Поэтому и здѣсь я буду говорить только о правахъ мужчинъ. Собственно слѣдовало бы начать съ наследства, но о немъ все сказано выше. Какъ дѣлать наследство братьи умершаго, такъ дѣлать и прочие родственники, когда оно имъ достается. Общий порядокъ наследства: 1) сыновья, внуки, правнуки и такъ далѣе; 2) братья, племянники и ихъ потомство; 3) дяди и ихъ потомство, и такъ далѣе. Вторая категорія наследуетъ, когда нѣтъ никакого изъ первой, третья — когда нѣтъ никого изъ первой и второй. Въ каждой степени наследство дѣлится между всѣми поровну. Хотя дѣлежъ наследства поровну, несомнѣнно, обычный и общій, но встрѣчаются киргизы, убѣжденные въ справедливости иного порядка раздѣла наследства, завѣщанного будто бы дѣдами и отцами. Они убѣждены, что старшій наследникъ можетъ взять, сколько заблагоразсудится. Къ сожалѣнію, мнѣ удалось узнать всего одинъ примѣръ такого дѣлежа.

Киргизы Аидбозумовской волости Аидіаръ, Бексентъ, Токсентъ и Далба — родные братья. Бексентъ умеръ еще во время владычества китайцевъ, оставилъ жену — Наутекъ — и двухъ дочерей. Наутекъ стара, братья не взяли ее и въ пожизненное ея пользованіе оставили все, чѣмъ владѣлъ Бексентъ. Потомъ умеръ Далба, оставилъ жену (бездѣтную), 10 коровъ, лошадь и юрту съ имуществомъ. Аидіаръ, какъ старшій, взялъ вдову съ юртой, лошадь и 6 коровъ; Токсентъ удовольствовался 4 коровами. Въ настоящее время живъ лишь Токсентъ, ему 61 годъ. На мой вопросъ

—за что его такъ обидѣли при дѣлѣ? онъ отвѣтилъ: „Я не обиженъ. Мы съ братомъ разъѣхались сами. Старики говорили намъ, что старшій братъ береть что и сколько захочеть, осталъное идетъ младшему. Послѣ смерти Наутекъ и я возьму много, а сыновьямъ Алдіара дамъ немногого.“

Переходу теперь къ вопросу о платѣ за кровь — „кунь“.

Убийство въ настоящее время влечетъ за собой только имущественные расчеты. (Прежде возможно было требование крови, но объ этомъ ниже). Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ вмѣсто денежныхъ расчетовъ дѣло кончается выдачей дѣвушекъ, но вѣдь онъ идуть вмѣсто скота и, стало быть, на это надо смотрѣть какъ на имущественную сдѣлку. Затѣмъ, въ виду принадлежности дѣтей отцу, жены — мужу и такъ далѣе, искъ куна, по обычаю, зависитъ отъ усмотрѣнія самого ближайшаго родственника или естественного защитника убитаго, помимо котораго, конечно, при жизни его, никто не можетъ жаловаться на убийство. Напримеръ: если отецъ не желаетъ искать кунъ за сына, то и никто другой не долженъ искать. Послѣ смерти отца дѣло измѣняется и сыновья убитаго или братья могутъ начать искъ. Откажутся и они искать, опять слѣдующіе родственники могутъ вмѣшаться въ дѣло только по смерти брата и такъ далѣе. (Примѣръ: дѣло Бургутена.)

Какъ ни ясно и опредѣленно такое постановление обычая, тѣмъ не менѣе не надо забывать, что убийство касается всѣхъ родственниковъ вообще, и часто настоящія послѣднихъ и помимо брата или другого ближайшаго родственника заставляютъ предъявить искъ. Здѣсь все дѣло заключается въ силѣ, которою пользуется въ волости ближайшій родственникъ убитаго: вліятельность онъ — и всѣ молчатъ, нѣтъ — и всѣ соединенными силами заставляютъ его искать, а то обойдутся и безъ его согласія. Для ясности приведу одинъ изъ примѣровъ, которыми киргизы разъясняли мнѣ обычаи по иску куна. Ближайшіе родственники убитаго два брата. Старшій не желаетъ искать кунъ, младшій же лаетъ. Если старшій пользуется вліяніемъ въ волости, то народъ на его сторонѣ, и другой братъ, оставленный всѣми, поневолѣ подчиняется и молчитъ. Наоборотъ, если младшій вліятельнѣе первого и народъ приметъ его сторону, то искъ состоится непремѣнно, хотя бы и безъ участія старшаго.

Въ настоящее время обыкновенный размѣръ куна:

Въ Вѣренскомъ уѣздѣ.

за мужчину — 200 лошадей, 100 за мужчину — 200 лошадей.:
барановъ. лошадь по выбору ист- за женщину — 100, иногда 50 лошадей
ца (чаган'атъ) и верблюдовъ; — Тоже и у Атбановъ бывшаго Южна-
за женщину — половина куна за го участка.
мужчину.

Въ Косальскомъ уѣздѣ

Однако, кунъ въ этихъ размѣрахъ присуждается не часто; при рѣшевіи принимается во вниманіе множество условій, существенно вліяющихъ на присужденное количество скота. Главной причиной этому являются обстоятельства совершения убийства, то есть большая или меньшая виновность убийцы. Напримѣръ: если киргизъ убить въ дракѣ, имъ же начатой и вызванной, убить ворью во время грабежа, убийца родственникъ убитому и тому подобное, то полный кувъ никогда не присуждается. Привести всѣ причины, вліяющія на уменьшеніе размѣровъ куна, конечно, нельзя; эти причины отчасти будутъ видны изъ приводимыхъ ниже примѣровъ, здесь же я скажу лишь, что даже количество времени между убийствомъ и искомъ вліяетъ на размѣръ куна; напримѣръ, если въ этотъ промежутокъ времени отецъ, сынъ, братъ убитаго почему либо не искали, то послѣ ихъ смерти слѣдующему ближайшему родственнику не присуждаются полнаго куна.

Кунъ увеличивается: 1) убытками—розыскъ виновныхъ, починки, байга и тому подобное; 2) оскорблениемъ трупа—собаки, волки, птицы обѣдять, а это указываетъ, что виновные недостаточно позабочились о трупѣ (кунъ за Чипканбая), и 3) баралта.

Убийство доказывается, кроме сознанія конечно, показаніями свидѣтелей, а если ихъ нѣтъ, истецъ выбираетъ изъ общества отвѣтчика (изъ цѣлой волости) четырехъ человѣкъ на присягу. При кунѣ за женщину на присягу выбираютъ только двухъ человѣкъ.

Когда станетъ очевиднымъ, что присяга будетъ принята и, стало быть, отвѣтчикъ оправданъ, то истецъ часто вступаетъ въ добровольную сдѣлку съ отвѣтчикомъ при посредствѣ присяжныхъ. Начинаются общія совѣщанія (понятно, въ случаѣ не вымыщленнаго иска), и обыкновенно истецъ отказывается отъ иска, мирясь съ отвѣтчикомъ и получивъ съ него, по рѣшенію присяжныхъ, 4 верблюдовъ и 4 лошадей, болѣе или того менѣе. Поелѣ такой сдѣлки дѣло считается оконченнымъ, и присягу уже не принимаютъ. Если станетъ очевиднымъ, что присягу не примутъ, то стороны всетаки очень часто вступаютъ въ соглашеніе; имъ помогаютъ всѣ участвующіе въ дѣлѣ, особенно присяжные, которые главнымъ образомъ и являются вершителями судьбы, и истцу по мировой сдѣлкѣ даютъ 100 или болѣе или менѣе лошадей. Дѣло опять таки считается конченнымъ безъ привода выбранныхъ къ присягѣ вѣрѣнїе сказать, недопустивъ выбранныхъ до отказа отъ присяги.

Мировыя сдѣлки, конечно, бываютъ и при всякомъ положеніи дѣла, но въ только что приведенныхъ случаяхъ онѣ имѣютъ особый смыслъ и значеніе: онѣ какъ бы избавляютъ отъ присяги, а стало быть и отъ возможности согрѣшить, которой хорошие киргизы вообще избѣгаютъ. Кунъ платить убийца и самая близкая родня его. Добровольная помощь со стороны остальныхъ

родственниковъ бываетъ всегда, хотя бы убийца былъ очень богатъ. А если бы у убийцы и родни не было средствъ, то платить всѣ родственники—близкіе больше, дальніе меныше—по раскладкѣ бородатыхъ и исочетныхъ киргизъ. Если убийство случилось при дракѣ, въ которой принимала участіе вся волость, или въ дракѣ, возникшій за нарушение правъ рода, волости, то кунь платится всей волостью по раскладкѣ, производимой стариками и лучшими людьми при участіи народа. Зачинщики драки, однако, платятъ немнога болѣе другихъ.

Кунь платится всей волостью и въ томъ случаѣ, если убийца неизвѣстенъ и достовѣрно лишь, что убийство совершиено членомъ этой волости. Кунь выплачивается не однѣмъ только скотомъ и деньгами, а и всѣмъ, чѣмъ придется: не хватить у убийцы средствъ, у него или его сына, брата берутъ за недоплаченное дѣвшую, которая и дѣлается женой наслѣдника убитаго. Взамѣнъ полнаго куна присуждаются 2—4 дѣвшушки съ подаркомъ „куиттъ“, и разсчетъ по куну тѣмъ и кончается.

Просватанныхъ дѣвшушекъ, понятно, не присуждаются и не даютъ.

Большихъ подробностей привести здѣсь нельзя, такъ какъ невозможно предвидѣть всѣ комбинаціи уплаты, и достаточно сказать, что въ уплату принимается рѣшительно все. ¹⁾ Въ прежнее время платили и джотымъами.

По полученіи куна начинаются новые расчеты и раздѣлъ полученного между родственниками.

Получившій кунь не можетъ воспользоваться имъ одинъ. Онъ долженъ дать часть волости, то есть своимъ сородичамъ. При полученіи полнаго куна роду отдается почти половина, которая и дѣлится по 2—3 головы на каждыя 50 юртъ. Въ свою очередь здѣсь идетъ новый раздѣлъ и обыкновенно получаютъ бородачи и почетные. Изъ остальной половины дается часть ближайшимъ родственникамъ. Поскольку дать—зависитъ отъ усмотрѣнія получившаго кунь, но не дать нельзя, и не получившіе жалуются лучшимъ старымъ людямъ, а эти заставляютъ дать по 1—2 лошади и болѣе до девятки отъ верблюда, смотря по близости родства. Остающаяся затѣмъ часть дѣлится между сыновьями убитаго, а если ихъ нѣтъ—между братьями. Но не надо забывать, что расходы на поминкахъ похоронахъ и т. п. значительны, и потому наслѣдникамъ достается не много.

Если мужъ убить жену, то кунь ищетъ и получаетъ отецъ послѣдней; дѣти убитой ничего не получаютъ. Если же жену убить не мужъ, а кто либо другой (родственникъ мужа или посторонній—все равно), то кунь дѣлится поровну между отцомъ и мужемъ убитой (дѣло Тастана Алматинской волости отцу за кость).

¹⁾ Я былъ очевидцемъ уплаты четверти куна супругѣ, матерѣ, супругомъ.

За просватанную дѣвушку кунъ получаетъ отецъ, а жениху предоставляется на выборъ—или взять сестру убитой, или получить обратно калымъ.

Въ иныхъ случаяхъ убийствоничѣмъ не наказывается. Это если отецъ убьетъ сына или сына отца. Въ послѣднемъ случаѣ сына однако бывать, считая дуракомъ. При убийствѣ брата братомъ: при жизни отца кунъ отнюдь не платится; если отца нѣтъ, то до суда все же не доходить, и убѣйца платить именемъ убитаго или другимъ роднымъ, если дѣтей у убитаго нѣтъ. Главное же наказаніе въ этихъ случаяхъ—обязательная и крупная помощь при поминкахъ.

Кромѣ убийства кунъ ищется и заувѣчье: выбитый глазъ, сломанную руку, ногу, раны. Высшій размѣръ куна:

За глазъ—100 лошадей.

За руку—25 или три девятки (одна отъ верблюда и двѣ отъ лошади).

За ногу—50 лошадей.

За каждый палецъ—по девяткѣ отъ верблюда.

За легкую рану на головѣ—лошадь и халать, тоже и вообще за побои.

За всѣ подобные поврежденія у женщины присуждается половинный размѣръ куна.

Въ случаяхъувѣчья, какъ и при убийствѣ, размѣръ присуждаемаго различенъ, и причины уменьшенія тѣ же: виновность изувѣченаго, неумышленноеувѣчье и т. п.

Лишніе глаза считаются самыми тяжкимиувѣчью; лишеннаго обоихъ глазъ считаются мертвымъ и присуждаются полный кунъ.

Все выше сказанное о размѣрѣ куна и прочее относится до настоящаго времени, въпрежнее же время какъ размѣръ куна былъ иной, такъ и получение куна сопровождалось обрядностями, а такъ какъ это еще не вывелось, и нынѣ, хотя изрѣдка, все же доводится наблюдать, то я считаю не лишнимъ привести здѣсь все, что удалось узнать.

Полный составъ куна за мужчину въпрежнее время:

6 „джаксы“=125 лошадей;

100 „колбыы“ то есть лошадей съ волосами;

100 „джунды“ барановъ—съ шерстью;

1 „читимес’ат“—бѣгунецъ по выбору истца;

8 лошадей по выбору истца (канд’атъ);

1 „кара—клем“—коверъ;

1 „кара нэр“—верблюдъ;

1 „кара—тоя“—шуба;

1 „кара—кунг“—невольница или вмѣсто нея 25 байталъ;

Девятка отъ лошади (выкупъ за юрты);

5 красныхъ халатовъ, носимыхъ въ теченіе года дѣвушками—дочерьми убитаго, а если ихъ нѣтъ—дочерьми родныхъ;

5 черныхъ халатовъ, носимыхъ женами или замужними родственницами убитаго;

Девятка отъ }
 лошади и } взамънъ заплаченныхъ мулѣ за чтеніе молитвъ;
 одна лошадь }
 До девятки отъ лошади за копаніе могилы.
 Сверхъ всего этого закалывалось 9 кобылъ на угощеніе истцовъ.
 Уплачивалось: 4 верблюда и 4 лошади—бѣлыѣ для восьмерыхъ судей;
 2 лошади — двумъ киргизамъ: сдающему и принимающему скотъ въ уплату куна;
 1 быкъ; у него отсѣвался хвостъ въ знакъ оковчанія скоры.

Многое изъ этого состава куна платится и нынѣ, какъ увидимъ въ приводимыхъ ниже примѣрахъ. Но кромѣ этого въ прежнее время присуждали еще на обмываніе крови. Каждое убийство, если тотчасъ же не принесена повинная, вело за собой, да и теперь бываетъ довольно часто, баранту. Эта баранта имѣла особую цѣль, выражаемую уже самимъ названіемъ „канжуаръ“ (мыть кровь) и „канджугды“ (обмытая кровь), то есть родственники убитаго барантовали съ цѣллю обмыть кровь убитаго. Сколько бы ни отбарантовали скота: десятки или сотни головъ, но при разборѣ дѣла обѣ убийствъ и при опредѣленіи размѣра куна о барантѣ въ прежнее время не велось преній, и дѣло о ней передавалось „салавату“. Все отбарантованное не возвращалось обратно. Въ случаяхъ, когда баранты не было, біи опредѣляли и на „канжуаръ“ нѣсколько головъ скота. Нормы на это однако не было. Въ число скота, присуждаемаго на обмываніе крови, входила и плата за „казанчайлы“ и „джарги“.

„Казанчайлы“—обмываніе котла. Обмываніе умершаго должно быть произведено чистой водой, а такъ какъ чистой посуды, въ которой бы можно согрѣть воду, нѣтъ, то обыкновенный казанъ выжигаютъ, чистить и моютъ, а затѣмъ уже грѣть въ немъ воду для обмывавія трупа. Конечно, если бы человѣка не убили, то не понадобилось бы и мыть казанъ, а убили—плати и за это. „Джарги“: принявъ отбарантованный скотъ домой, родственники убитаго рѣжутъ кобылу, коня или корову (изъ барантованныхъ), варятъ и ёдятъ. Иногда приглашаются на это угощеніе и другихъ родныхъ, не ъздившихъ на баранту. Понятно отсюда, что при отсутствіи баранты родственники лишились бы скота для „джаргы“, ну имъ и присуждаются. (По иску куна съ Тыкебая въ 1880 году въ канджуаръ было присуждено 15 лошадей).

Теперь опишу порядокъ и обрядность, которыхъ придерживались, при полученіи куна.

Тотчасъ послѣ убийства и принятія мѣръ къ сохраненію трупа виновный сообщаетъ родственникамъ убитаго о случившемся. По прїездѣ выдаетъ имъ тѣло, „кара нар“ (верблюда, на которомъ повезутъ трупъ), „нараклем“ для покрытия убитаго, „каратон“ и прочіе халаты. Спустя иѣкоторое время, посылается въ родиѣ убитаго подарокъ—девятка отъ верблюда (эта девятка на-

зывается „тарту“ — повинная) съ просьбой пріѣхать для расчетовъ и получения куна.

Въ назначенный день пріѣзжаютъ родственники убитаго; для нихъ все уже готово: юрты, угощеніе. Подъѣзжая къ выставленнымъ юртамъ, они бросаются съ крикомъ „баврымъ“ и удариютъ по юртамъ саблями и другимъ оружіемъ. Убийца и его родня просить не ломать юрты и платить девятку отъ лошади.

Начинается разборъ дѣла, опредѣляется размѣръ и составъ куна. Постороннему человѣку, слушающему рѣшеніе, даютъ лошадь („джер-тыншарь“). Затѣмъ сгѣдуетъ угощеніе, а послѣ него разечетъ. Джигвтамъ, сдающему я принимающему скотъ, даютъ по лошади. По окончаніи расчетовъ, изъ табуна убийцы приводится быкъ, и хороший почетный киргизъ отсѣкаетъ у него половину хвоста въ знакъ окончанія расчетовъ и ссоры. Быкъ послѣ операции конечно убѣгааетъ, за нимъ гонятся, и кто первый захватить, тому онъ достается.

И въ настоящее еще время, особенно въ болѣе отдаленныхъ отъ администраціи волостяхъ, доводится наблюдать этотъ порядокъ получения куна, но уже не часто. Нынѣ большей частію кунъ выплачивается деньгами, а хотя и скотомъ, то безъ особыхъ обрядностей. Право, жаль старины; она имѣла конечно смыслъ и ея обряды не замѣнить деньгами. Обряды эти имѣли цѣлью и сближеніе, послѣ нихъ враждѣ уже не было мѣста. Это пожалуй важнѣе всего, такъ какъ убийство могло (да и теперь еще бываетъ не рѣдко) вести за собой сильную баранту, при которой страсти такъ разгораются, что примиреніе, примиреніе полное особенно желательно. Но всегда ли примиреніе достигается деньгами? И думаю — нѣтъ. Самолюбіе родовитей убитаго удовлетворялось вѣдь не только уплатой, но и почетомъ, съ которымъ принимали ихъ виновные. Послѣдніе просили даже прощенія. И это имѣть большое значеніе въ глазахъ кочевника.

Прежде даже отличалось убийство случайное, не намѣренное отъ убийства обдуманного, вызванного местью. За первое кунъ, за послѣднее же могли требовать крови. По рассказамъ стариковъ, когда виновный въ обдуманномъ убийствѣ присыпалъ подарки (девятка отъ невольницы или болѣе), то родня иногда, не смотря на украшиванія, отказывалась отъ подарковъ куна и требовала крови. Исполненіе этого требованія заключалось въ следующемъ: въ извѣстный день родня убитаго въ произвольномъ числѣ членовъ дѣлала нападеніе на убийцу. Послѣднему разрешалось взять изъ своего рода лучшаго бѣгуна и спасаться бѣгствомъ. Погоня продолжалась только одинъ день, и если убийца удавалось ускользнуть, то на завтра все кончается, онъ ничѣмъ уже не обязанъ, вина считается искупленной; въ противномъ случаѣ — при поимкѣ виновнаго — его убивали и тѣмъ кончали всѣ расчеты.

Лучшимъ разъясненіемъ вопроса о кунѣ служать примѣры рѣшеній, къ изложенію которыхъ я перехожу.

1) Въ Борохудзирской волости, Кошальского уѣзда, среди рода Конурбургъ, живутъ 35 юртъ рода Айтъ. Изъ нихъ 30 юртъ отдѣленія Багай и 5 юртъ отдѣленія Сады. Всѣ эти 35 юртъ простые киргизы. Старшія же лица, самые влиятельные и почетные киргизы этихъ двухъ отдѣлений въ Айтбозумовской волости Южнаго участка Кульдзинскаго района. Лица эти: бій Илигедай отдѣленія Сады и старшина Байбота-отдѣленія Багай.

Весною 1880 года старшаго изъ Сады, кочующихъ въ Борохудзирской волости, киргиза Чишканбая убили киргизы Борохудзирской же волости отдѣленія Багай—Адбанбай съ товарищами. Желая скрыть прееступленіе, убѣйцы зарыли трупъ въ землю, но въ торопяхъ зарыли-то не глубоко, и чрезъ нѣкоторое время до него добрались собаки и порядкомъ попортили трупъ. Собаки указали дорогу и людямъ. Тѣло нашли; скоро открыли и виновныхъ, которые сознались и, пославъ въ Южный участокъ сообщить о случившемся Илигедаю и Байботѣ, просили ихъ, какъ старшихъ своихъ родовицей, пріѣхать для улаженія дѣла и полученія куна. Илигедай съ своимъ братомъ Джетенемъ, Байбота, управитель Айтбозумовской волости Адильбекъ (рода Айтъ) съ 54 киргизами (отдѣленій Сады, Багай, Кыстыкъ, Альджанъ) отправились въ Борохудзирскую волость къ Багаимъ. Для пріѣзжихъ заранѣе было выставлено 10 юртъ, и едва они подъѣхали какъ Багай дали прибывшимъ Сады лошадь и халатъ, прося не разбивать юртъ. Въ этотъ же день виновные дали въ угощеніе прибывшихъ 5 фунтовъ чая и 5 барановъ. Для опредѣленія размѣра куна созвали хорошихъ киргизъ изъ всѣхъ отдѣлений Борохудзирской волости, которые и присудили заплатить: въ кунъ 2050 рублей и 9 лошадей; за невыдачу трупа и небрежное зарытіе, благодаря чему собаки осквернили тѣло, 9 верблюдовъ и 9 лошадей. Кроме того присудили, чтобы Багай дали: а) по лошади четыремъ джигитамъ, пріѣхавшимъ съ Илигедаемъ, б) семи киргизамъ, обмыавшимъ трупъ, по лошади, в) за копаніе могилы 2 лошади и г) за чтеніе молитвъ 2 лошади.

Кунъ раздѣлили такъ:

Сыновья убитаго Чишканбая получили 800 рублей, 9 верблюдовъ и 18 лошадей. Почетныя лица рода Конурбургъ, Борохудзирской волости, получили 100 рублей. Четыре юрты отдѣленія Сады Борохудзирской волости получили 150 рублей. Отдѣленіе Багай Айтбозумовской волости получило 100 рублей. Между пріѣхавшими съ Илигедаемъ раздѣлили 900 рублей.

2) Въ началѣ 1879 года киргизъ Вѣренскаго уѣзда Чунжинской волости—Чингыспай Байгозинъ съ тремя товарищами поѣхалъ въ Борохудзирскую волость Кошальского уѣзда. О цѣли поѣздки говорять равно: Борохудзирцы говорятъ что Чингыспай пріѣхалъ воровать скотъ, Чунжинцы—поѣхалъ на розыскъ украденныхъ верблюдовъ.

Призналь-ли Чингыспай своего верблюда у киргиза Борохудзирской

волости Уркумбая, брата управителя Борохудзирской волости Алимжана, или хотѣлъ его украсть—неизвѣстно, но достовѣрно, что у него связалась драка съ Уркумбаемъ и во время драки Чингыснай, по словамъ Чунжинцевъ, былъ сильно раненъ ударомъ палки, по словамъ же Борохудзирцевъ—умеръ отъ паденія съ лошади на ледъ.

Отъ чего бы ни умеръ Чингыспай, во его товарищѣ схватили и связали; трупъ же помѣстили ва дерево, закрыли кошмами и приставили карауль, чтобы никто не повредилъ его. Въ это самое время отецъ Уркумбая и Алимжана, Капсалямъ, гостили у киргиза Чунжинской волости Тугульбая. Боясь, чтобы Чунживцы не задержали Капсалама, Алимжанъ послалъ своего джигита сказать отцу, что его требуетъ уѣздный начальникъ. По возвращеніи Капсалама, Алимжанъ послалъ къ управителю Чунжинской волости Джаманке извѣстіе о случившемся, отославъ ему же и трехъ товарищѣ умершаго. Прибыли родственники Чингыспая, получили трупъ и, положивъ его на верблюда и закрывши ковромъ, уѣхали, отказавшись взять „кара-тонъ“, говоря: „не знаемъ, что еще скажетъ общество“. (Верблюдъ и коверь—кара наръ и караклемъ—были даны Уркумбаемъ). Братья похоронили трупъ, спрятавши погинувшихъ съ байгой, стоявшей, говорять, 2000 үублей на одни только призы, да 30 кобыль на угощеніе.

Чтобы объяснить дальнѣйшія событія, необходимо предположить (впрочемъ, Чунживцы увѣряютъ, что это было именно такъ), что Борохудзирцы,—согласившіеся сначала платить кунъ и пославшіе съ этой цѣлью подарки: ямбу и 500 рублей для того, чтобы остановить баранту, имѣвшую цѣлью обмыть кровь убитаго,—реадумали платить кунъ, уверяя, что Чингыспай умеръ, упавъ съ лошади во время драки, возникшей съ нимъ, какъ съ воромъ. Чунживцы усилили баранту, Борохудзирцы, конечно, не отставали, и взаимная баранта длилась въ теченіе полутора года. Надо, однако, думать, что Борохудзирцы потерпѣли уже въ началѣ большие убытки, потому что прибѣгли къ помощи Борохудзирского воинскаго начальника, давшаго имъ казаковъ Семирѣченского войска, и прошли Чунживцевъ прикончить баранту, обязуясь уплатить кунъ. Но ничего не помогало, а на просьбу быть полученнъ гордый отвѣтъ: „Кунъ намъ не слѣдуетъ, вы вѣдь сами говорили, что Чингыспай убить на воровствѣ“.

Баранта продолжалась, несмотря на вышательство администраціи. Наконецъ, понукаемыя администрацией, стороны рѣшили разсчитаться на чрезвычайномъ съездѣ въ выселкѣ Пощутроимъ (20 августа 1880 года). Переговоры сначала вели бїи, открыли ихъ Утебай (бїй Чунжинской волости), требуя въ кунъ 20000 рублей. Борохудзирцы отказались, говоря: „не слыхали о такомъ кунѣ“. Утебай сказалъ „Мало? прибавляемъ еще одну ямбу“. Капсалямъ спросилъ: „какъ быть съ двумя стами головъ лошадей, у него украденныхъ?“ и получивъ отвѣтъ: „въ Канджауръ ихъ“, сказалъ: „не дамъ, такъ какъ хотя это и нашъ обычай, но ни разу не слыхалъ повторенія его при русскихъ“. Вообще переговоры велись вяло; всякий чувствовалъ, что не бѣмъ окончить это дѣло. Бїи са-

ми созывали свое бэсийе; въдль въ этомъ дѣлѣ затронуты были интересы до 1000 семей, и біи, не имѣя особаго вѣнчія, не могли взять на себя и права постановить какое-либо общее рѣшеніе, могутшее удовлетворить всѣхъ. Ну по неволѣ и разошлись.

Но дѣло все же надо было окончить, ибо имѣлось серьезное настороженіе власти. Тогда Джаманке и Аккынъ, посовѣтовавшись, пригласили самыхъ выдающихся киргизъ обѣихъ сторонъ и, обсудивъ дѣло сообща, постановили: „Киргизы обѣихъ волостей клятвенно покажутъ, кто сколько угналъ скота. Если добыча Чунжинцевъ превысить добычу Борохудаирцевъ на 400 и болѣе головъ скота, то күнъ не взымывается и дѣла предаются соловату. Если жъ разница менѣе 400, то доплатить до 400.“

Ну какъ бы посмѣли біи постановить такое рѣшеніе? да если бы и постановили, то можно ли было ручаться, что обѣ волости выполнять ихъ рѣшеніе? А между тѣмъ это постановленіе именно такого свойства, что необходимо безусловное подчиненіе ему, иначе пострадаютъ интересы многихъ.

3) Торгоуты, китайские подданные, угнали у кашыхъ киргизъ до 500 головъ лошадей. Это было въ 1880 году.

Воспользоваться добычей имѣ, однако, не пришлось, ибо киргизы доказали воровъ и возвратили всѣхъ лошадей кромѣ 15, съ которыми торгоуты успѣли скрыться.

Въ отместку киргизы угнали, спустя нѣкоторое время, у торгоутовъ до 600 лошадей. Но и они не воспользовались добычей. Дѣло было такъ: когда киргизы сочли себя безопасными отъ преслѣдований, то остановились отдохнуть; лошадей своихъ распустили и занялись приготовленіемъ пищи. Въ это время на нихъ налетѣли торгоуты, и киргизы, растерявшись отъ неожиданности, успѣли захватить только часть лошадей — головъ 100 — и уѣхать. Во время суматохи всякой хваталь какую попало лошадь, лишьбы поскорѣе скрыться. Одному киргизу Сегизасаровской волости — Труспеку не посчастливилось однако. Онъ схватилъ было корыту, но ее отнялъ его товарищъ той-же волости Байсеитъ Каумевъ, говоря: „это моя, она жирна, и я по прѣвѣтъ домой рѣшилъ ее забрать“. Труспекъ схватилъ другого коня, но и этого отнялъ Байсеитъ. Между тѣмъ торгоуты были уже тутъ, и киргизы съ частью добычи скрылись. На мѣстѣ отдыха остался только несчастный Труспекъ. Онъ побѣжалъ было пѣшкомъ въ горы, но вула остановила его; онъ упалъ. Чрезъ нѣсколько мгновеній Труспекъ поднялся и побѣжалъ было опять, но вторая пуля убила его наповалъ. Все это видѣли товарищи несчастнаго. Торгоуты, захвативъ оставшихъ лошадей, скрылись. Они взяли, вѣреятъ, и трупъ убитаго, потому что киргизы, вернувшись, не нашли его. Но прѣвѣтъ домой никто изъ киргизъ, бывшихъ на баравтѣ, не зашелъ въ юрту убитаго Труспека и не сказалъ, чтосталось съ нимъ. Однако, истинна сдѣлалась скоро известной, и родственникъ убитаго — Биндо-Адбановъ предъявилъ къ Байсеиту исѣкъ — „кунъ“. Стороны выбрали судьями: Байбо — бія Ходжаке, почетнаго киргиза Касабулата и киргиза Татыбека, а

Байсентъ—бывъ Джансентъ, Дадая и управители Конурбургской волости Кеспера. Изъ всѣхъ шести судей только Касабулатъ и Джансентъ Сегизаровской волости, всѣ остальные Конурбургской и Айтбозумовской волостей.

Допросивъ истца и отвѣтчика (хотя послѣдній и не сознался въ отъятіи лошадей у Труспека, но не только суды, а и всѣ киргизы знали, какъ было дѣло), суды удалили ихъ и начали совѣщаніе. Инѣнія раздѣлились: Ходжаке настаивалъ на присужденіи половины куна, другіе—трехъ девяточка аманъ, говоря: „Байсентъ виновенъ не въ убѣйствѣ, а лишь въ томъ, что 1) не помогъ товарищу въ бѣдѣ, 2) не привезъ домой трупа и 3) не явился къ семье убитаго и не рассказалъ дѣло“. И наконецъ третіи доказывали, „что если убѣйства не было, то о кунѣ и аманѣ не можетъ быть и речи; слѣдуетъ же выскать лишь все то, что Байсентъ привель съ баранты (5 лошадей), ибо онъ все же виновенъ въ неоказаніи помощи и въ оставлѣніи трупа“.

Долго суды спорили, во тѣмъ не менѣе не пришли ни къ какому соглашенію и рѣшили поручить Касабулату и Джансенту окончить это дѣло, такъ какъ оно затрагиваетъ интересы только ихъ рода. Всю ночь эти двое совѣщались и наконецъ постановили: „выскатьъ отъ Байсента одну девятуку отъ верблюда, 5 лошадей и ружье за то, что онъ не употребилъ всѣхъ средствъ выручить трупъ и привезти его домой“. Такое легкое наказаніе было вазначено лишь во вниманіе родства видовнаго съ убитымъ. Къ постановленію этому всѣ прочіе суды приложили печати. Стороны остались вполнѣ доволены приговоромъ.

4) Осенью 1876 года киргизъ Тойжанъ Сегизаровской волости прѣѣхалъ къ управителю Конурбургской волости Кесперу, какъ должностному лицу, кочевавшему поблизости, и объяснилъ, что его сына Измаила убилъ киргизъ Сегизаровской волости Бургутенъ. Кесперъ поѣхалъ. Въ юртъ Бургутена онъ засталъ магого народу и тутъ же лежалъ убитый Измаиль. На вопросъ Кеспера: „правда ли, что Измаила убилъ Бургутенъ?“ всѣ отвѣтили: „правда“ и рассказали: „Бургутенъ, приѣхавъ въ юрту, засталъ Измаила съ своей женой и, подозрѣвая связь, убилъ его“. Бургутеня связали и передали аульвому его старшинѣ Аймамбету. Послали и за управителемъ Сегизаровской волости.

Послѣ Измаила остались жена и малевнія дѣти. Искъ куна могъ предъявить лишь отецъ убитаго, во онъ отказался искать, говоря: „Бургутенъ мы всѣ считаемъ не въполномъ умѣ, дурачкомъ, поэтому и дѣло я предоставлю Богу“. Жена Бургутена воспользовалась этимъ и заявила русской власти, что она боится жить съ сумасшедшими, который можетъ и ее убить, и просила развода. Ей разрѣшили, но чтобы родъ не потерялъ женщину, то би Сегизаровъ постановили: „въ теченіе 3 мѣсяцевъ она должна выйти за кого-либо изъ Сегизаровъ“. Она выбрала Вукуша Бектурова—далніяго родственника Бургутена и Измаила—и вышла за него. Калыма Бекушъ не заплатилъ Бургутеню, потому что адѣль вмѣшалась русская власть, нарушившая своимъ приказаніемъ обычай.

Прошло 5 лѣтъ. Тойжанъ умеръ. Родные убитаго пожелали искать

кунъ, и братъ убитаго Джанузакъ язился истцомъ. Стороны выбрали бievъ, которые, принимая во внимание родство сторонъ, опредѣлили взыскать съ него: 100 лошадей (25 пятилѣтникъ, 25 четырехлѣтникъ, 25 трехлѣтникъ и 25 двухлѣтникъ). Бійлыкъ 100 рублей. Съ своей стороны, и отецъ Бургутеня—Берду—искаль съ Букуша калымъ за невѣсту. Ему бік опредѣлили получить съ Букуша 30 лошадей (8 пятилѣтникъ, 7 четырехлѣтникъ, 7 трехлѣтникъ и 8 двухлѣтникъ). Уплата куна за Измайлова: Берду заплатилъ 51 лошадь; его племянники Кашке, Алыбай Түни и Бабалы Байгызовъ дали по 7 лошадей; двоюродный племянникъ Бектай далъ 4 лошадей; остальные родственники дали 24 лошади.

5) Для устройства въ 1880 году летучаго сообщенія Куульджи съ Музартомъ, между прочимъ, и Конурбургская волость должна была выставить 2 джигитовъ, каждый о дву-коны. Джигиты обязаны были имѣть только по одной собственной лошади, а запасныхъ давало общество.

Предъ отправлениемъ джигита, когда понадобилась запасная лошадь, старшина Тыкебай позвалъ къ себѣ киргиза Койбаса и, отобравъ у него лошадь, отдалъ джигиту, тотчасъ же уѣхавшему. Койбасъ остался недоволенъ такимъ дѣйствиемъ старшины и выбѣжалъ изъ юрты, говоря: „догоню джигита и отберу лошадь, ибо очередь не моя“. За нимъ вышелъ изъ юрты братъ Тыкебая—Алдыбай съ цѣлью удержать Койбаса. Сидѣвшіе въ юртѣ Тыкебая пять человѣкъ киргизъ не обратили вниманія на такое обыкновенное дѣло и продолжали разговоръ. Вскорѣ послышался крикъ, и сидѣвшіе въ юртѣ, вскочивъ, увидѣли Койбаса лежащимъ безъ памяти у ногъ Алдыбая. Вережно перенесли Койбаса въ юрту Тыкебая и тотчасъ же послали извѣстіе роднѣ умирающаго. Пріѣхалъ братъ его Тойгельтыръ, началь было спрашивать Койбаса, что съ нимъ, но отвѣта не получилъ, ибо послѣдній не приходилъ въ себя.

Распорядились отправить Койбаса домой, гдѣ онъ и умеръ изъ другой день. При обмыванії тѣла замѣтили большиѳ синяки вокругъ шен и на обѣихъ сторонахъ верхней части живота, изъ рта трупа текла матерія, голова не держалась. На основаніи этихъ данныхъ заключили „Алдыбай задушилъ Койбаса, топталъ ногами и свернулъ голову“.

Прежде чѣмъ предать тѣло землѣ, управитель Конурбургской волости послалъ старшину Токторбая спросить Тыкебая, сознается ли онъ, что его братъ задушилъ Койбаса? Хотя Тыкебай и ни слова не сказалъ о виновности Алдыбая, все-же далъ для передачи роднѣ умершаго: каранарь, караклемъ и каратонъ. По полученіи вещей Койбаса похоронили и тутъ же начали дѣлать памятникъ, средства на который попросили у Тыкебая (онъ далъ 100 рублей и на прокормъ рабочихъ 18 барановъ и калѣгъ проса).

Переговоровъ о размѣрѣ куна еще не вели, ожидая бія Испера, старшаго въ родѣ Майли (Тыкебай и Койбасъ—оба Майли). Пріѣхалъ Исперь, собралось до 200 человѣкъ родовичей. Стороны выбрали судей, которые, по допросѣ свидѣтелей, признали убийство доказаннымъ и опредѣлили, чтобы Алдыбай уплатить:

- а) 200 байталь или 2000 рублей,
 б) 2 джаксы,
 в) 15 лошадей въ Коннушаръ,
 г) на поминки лошадь, корову и 8 барановъ,
 д) вместо каракунъгъ 156 рублей.
 е) мулъ за чтение молитвъ 4 лошади,
 ж) двунту джигитамъ 2 лошади,
 з) лошадь и верблюда, которыхъ Тыкебай лично долженъ подарить сыну
 Койбаса по привѣдѣ въ юрту послѣдниго.

}
 или за все это
 360 рублей.

Уплата этого куна: два двоюродныхъ племянника дали 275 рублей; шесть троюродныхъ племянниковъ дали 248 рублей; 511 рублей заплатили киргизы отдѣленія Джаксылыкъ (Тыкебай этого отдѣленія; Джаксылыкъ—сынъ Майли); остальное заплатили почти поровну Тыкебай, Алдыбай и Алишъ Тартановы—родные братья.

6) Киргизъ Кигизбай Тойчубековъ принесъ свое сѣдло для починки къ мастеру киргизу Умбетаю Ибееву. Послѣдній тотчасъ же взялся за дѣло и просилъ Кигизбая помочь ему, именно просилъ держать сѣдло. При работѣ Умбетай кечаянно ударилъ Киглабая по пальцу и отрубилъ часть первого сустава съ ногтемъ и кожу съ мясомъ вдоль всего пальца. Хотя сѣдло Умбетай и починилъ, не взявъ платы за работу, но Кигизбай заявилъ біямъ искъ, и они постановили, чтобы Умбетай уплатить Кигизбаю 1 рубль 50 копѣекъ.

7) Киргизъ Сегизаровской волости Турагъ вырвалъ клокъ волосъ изъ бороды киргиза Конурбургской волости Кургаспая. Свидѣтелей не было, почему би опредѣлили: дать присягу одному изъ общества Турапа (по выбору истца.) Не примется присяга—Турагъ заплатить Кургаспая 5 р.

8) Киргиза Конурбургской волости Тонды, щахшаго въ гости, поймали каракириги Иссыкъ—Кульского уѣзда. Отнявъ лошадь, воры бросили связанныго Тонды въ степи. Дѣло было зимой, и Тонды отморозилъ 4 пальца на лѣвой руцѣ. По разборѣ дѣла обычный судъ присудилъ въ пользу Тонды 20 лошадей.

9) Киргизъ Конурбургской волости Музадубай въ дракѣ съ киргизами лишился глаза. Ему присудили только 50 лошадей, потому что „самъ былъ виноватъ, выѣшившись въ драку“.

10) Осенью 1876 года на уроцишъ Тогуртъ-тагау, около юрты киргиза Конурбургской волости Чокомана стояла юрта калмыка рода Дурбунъ-сүмунъ Черинъ. Послѣдній пасъ коровъ и каждый вечеръ пригонялъ ихъ къ юртѣ. Одна изъ коровъ, пріученная кормиться въ юртѣ, однажды вечеромъ, когда большинства никого не было, запала въ юрту Чокомана и опрокинула казанъ съ пищей на маленькаго сына Чокомана. Ребенокъ страшно обварился и умеръ. Народный судъ (4 бія и 4 зяги) постановили: дать присягу 4 калмыкамъ по выбору Чокомана и если присягу не примутъ, то Черинъ уплатить Чокоману 50 лошадей. Мотивы рѣшенія: „За убийство слѣдовало присудить полный кунъ, но Черинъ не самъ убилъ и виновекъ лишь въ небрежности, потому слѣдовало бы присудить половину куна (100 головъ), но мы присуждаемъ 50, оставляя остальные 50 головъ на ответственности Чокомана, такъ какъ и онъ виновенъ, допу-

ская корову кормиться въ юртѣ". Зянги Калмыкъ не согласились начасть съ такимъ взглазомъ, говоря, что если Черинъ виновенъ въ небрежности, то о кунѣ не должно быть и рѣчи и вынуждены приговорить „ампъ“ (въ 1—2 лошади), во послѣ согласились со взглазомъ киргизскихъ біевъ.

До принятія присяги, когда сдѣжалось известнымъ, что трое примутъ присягу, а относительно четвертаго было еще неизвестно—Чемезмай и Черинъ примирились на двухъ лошадяхъ.

11) Въ 1876 году на Сарканскомъ чрезвычайномъ съѣзда киргизъ Сергиопольского уѣзда Узенбай искалъ кунъ за мужчину и женщину съ киргиза Кошальского уѣзда Бекчона. Свидѣтелей не было, и біи предложили истцу выбрать на присягу 6 человѣкъ (4 за мужчину и 2 за женщину). Пятеро присяжныхъ присягу приняли, а шестой не принялъ. Поэтому и на основаніи опредѣленія куна за мужчину 2000 рублей и за женщину 500 рублей, біи и опредѣлили взыскать съ Бекчона Чингожина въ пользу Узенбая 416 рублей, то есть часть, приходящуюся на непринявшаго присягу.

12) Киргизъ Кошальского уѣзда Бонай искалъ кунъ съ киргиза Сексембай за убитаго имъ киргиза Бекчона Ибраимова. Убійство было доказано 4 свидѣтелями, и біи постановили: Сексембай уплатить 200 лошадей.

Но Сексембай на Сарканскомъ чрезвычайномъ съѣзда искалъ съ киргиза Балхашъ—Лепсинской волости Баубека Мураина кунъ, утверждая, что киргиза Бекчона Ибраимова убилъ не онъ, Сексембай, а Баубекъ, и просилъ взыскать кунъ и убытки. Сексембай представилъ суду 4 свидѣтелей, и біи опредѣлили взыскать съ Баубека 100 лошадей и 3258 барановъ, если елова свидѣтелей будутъ подтверждены присягой людей по выбору отѣзгчика. Присяга была принята и Сексембай получить все присужденіе.

Кромѣ куна родственники несутъ имущественную ответственность и по разсчетамъ за воровство одного изъ своихъ. Однако, сязательность платить за вора родственника является только въ случаѣ несостоятельности виноваго. Само собою разумѣется, что сначала платить родня, потомъ и прочие. Другихъ случаевъ имущественной ответственности неѣть, и за исключеніемъ разсчетовъ по куну и воровству родственники не обязаны платить за грѣхи одного изъ своихъ.

в) Пріемыши.

Киргизы отдаютъ своихъ дѣтей только въ знакъ особой дружбы, уваженія къ близакому и большей частью бездѣтному родственнику. Воспитаніе и прочія заботы всепѣло лежать на обязанности воспитателя; родители не вмѣшиваются, такъ какъ вмѣшательство можетъ быть сочтено за недовѣріе. Калымъ за воспитанницу получаетъ пріемный ея отецъ, родителямъ же дѣвушки передается только часть подарковъ, подносимыхъ женщомъ, а именно „илю“ и часть (до половины) „сют'акы“. Если роди-

телей нѣтъ въ живыхъ, то все остается у воспитателя. Равнъимъ образомъ сиютаки не передается родителямъ, если воспитатель дать имъ подарки при полученіи дѣвушки.

Права пріемыша въ новой семье—права сына. А такъ какъ пріемышей почти исключительно отдаютъ лишь бездѣтнымъ родственникамъ, то они и наследуютъ все имущество воспитателя. Если же сынъ отданъ былъ не бездѣтному родственнику, то права его за имущество воспитателя значительно ограничены. Въ этомъ случаѣ по смерти воспитателя возможны слѣдующія два положенія: а) жевать пріемышъ, отдѣленъ онъ при жизни пріемшаго отца, и тогда наследство получаютъ лишь родные дѣти, и б) если воспитатель умеръ, всѣ успѣнье женить и выдѣлить пріемыша, то эту обязанность выполняютъ родные дѣти умершаго. Они платятъ за названного брата калымъ, женить и даютъ ему немного скота, не болѣе четвертой части изъ доли меньшого сына умершаго. По смерти единственного названного брата (бездѣтнаго) всѣ достается пріемышу. Если же братьевъ нѣсколько, то пріемышъ ничего не получаетъ. Вдовы названныхъ братьевъ достаются пріемышу только тогда, когда число ихъ болѣе числа братьевъ.

Почти таія же права имѣть пріемышъ и на имущество свое-го родного отца; онъ наследуетъ все, если не осталось другихъ его братьевъ и ихъ дѣтей. Въ противномъ же случаѣ ему даютъ не болѣе четвертой части изъ доли его меньшего неотдѣленаго брата. По смерти единственного родного брата, не оставившаго мужскаго потомства, все получаетъ пріемышъ. Во всѣхъ осталъ-ныхъ случаяхъ ему ничего не достается. На вдовъ родныхъ братъ-евъ онъ имѣть права, какъ самый послѣдній изъ братьевъ. Сы-новья пріемыша, понятно, сохраняютъ всѣ права отца.

Теперь посмотримъ, какія права имѣютъ на пріемыша воспи-татель, отецъ и ихъ потомство. Для яснаго пониманія необходимо помнить, что пріемышу все дано воспитателемъ; поэтому по смерти его все идетъ къ воспитателю и его роднымъ дѣтямъ. По-рядокъ раздѣла одинаковъ сть раздѣлами между родными братья-ми. Семья родного отца получаетъ наследство только въ случаѣ, если послѣ воспитателя не осталось потомства. Кунь за бездѣт-наго пріемыша получаетъ воспитатель, давая огцу не болѣе $\frac{1}{3}$.

Если киргизъ возьметъ на воспитаніе внука (сына дочери—джи-енъ), то не даетъ ему выдѣла, и внукъ, женившись на средства дѣда, уходить къ своему отцу, отъ котораго и получаетъ юрту и выдѣль. На наследство дѣда внукъ уже не имѣть никакихъ особыхъ въ качествѣ пріемыша правъ.

IV. Союзъ родовой.

Родъ въ былое время былъ политической единицей, значеніе которой опредѣлялось численностью членовъ.. Постоянныя усобицы между родами вели къ притесненію слабыхъ. Отсюда понятно, что тяготы членовъ другъ къ другу,, сплоченность рода вызывается необходимостью защиты своихъ правъ отъ притязаній со- сѣдей. Съ нашей властью эта защита оказалась ненужной, и родъ распался. Я говорю о распаденіи общихъ родовъ (Найманы, Джалаиры, Дулаты, Албаны), союзъ же членовъ мелкихъ родовыхъ группъ, понятно, остался какъ въ силу общности интересовъ, такъ отчасти и въ силу родства. Наши волости, за небольшими исключеніями, не болѣе какъ родовая отдѣлѣя, и это обстоятельство вполнѣ разъясняетъ многія явленія, необъяснимыя при не- знаніи его. Напримѣръ, какъ объяснить почему не привился судь одного бія, аульного бія отвѣтчика? А объясненіе просто, никто не можетъ быть судьей въ собственномъ дѣлѣ. Аульный бій отвѣтчика уже въ силу только родовой солидарности, не говоря о другихъ причинахъ, не можетъ вообще отнести справедливо къ интересамъ истца, члена другой волости, иной родовой группы. Почему нарушеніе правъ члена одной волости ведеть къ общей барантѣ между волостями? Почему волость, спокойная сегодня, завтра, вслѣдствіе иногда одной личной ссоры двухъ—трехъ киргизъ раз-ныхъ подотдѣлений, раздѣляется на партии по подотдѣленіямъ? Это объясняется все той же родовой связью: свой своему по че- волѣ братъ, какъ же не защитить и не вступиться? вѣдь и юному иной разъ понадобится защита. Впрочемъ, родовую соли- дарность между членами даже общихъ родовъ (Дулаты, Джалаиры) можно еще наблюдать и вынѣ. Напримѣръ, на чрезвычайныхъ сѣѣдахъ между разными уѣздами—значитъ между разными родо- ми—киргизы каждого уѣзда предварительно обсуждаютъ мѣры, дабы противникъ не одолѣлъ.

Выше я сказалъ, что волость—родовое отдѣленіе. Въ свою очередь отдѣление дѣлится на меньшія родовые группы, и каждая изъ нихъ все равно умѣеть крѣпко стоять за свои права и доро- жить ими. При выборахъ, напримѣръ, доводится наблюдать такой фактъ: волостной управитель хорошъ, его сѣѣдовало бы оставить въ должностіи ; но если въ волости есть значительная числен- ность родовая группа, обиженнага прошлыми выборами, то какъ бы ни хорошъ былъ управитель, а выберутъ нового изъ рода, обойденного на прежнихъ выборахъ, съ цѣлью удовлетворить ро- довое самолюбіе членовъ его. Неудовлетвореніе же самолюбіи или игнорированіе, при перевѣсѣ численности противниковъ, всегда ве-

деть къ разстройству волости. Начинаются ссоры, кляузы, выдумываются разныя небылицы и все съ одной цѣлью отомстить за унижение своего рода. Хотя родъ (отдѣлениe, родовая группа—все равно, даѣтъ я буду употреблять одно слово—родъ) и не можетъ заставить каждого изъ своихъ членовъ сдѣлать это или обязать присоединиться къ общему решенію, но членъ въ силу необходимости долженъ стоять за своихъ, иначе потеряетъ симпатіи и они такъ или иначе отомстятъ ему. Въ ежедневной же, будничной, такъ сказать, жизни всякий членъ занять собственнымъ дѣломъ и ничѣмъ не обязанъ по отношению къ другимъ. Права членовъ родового союза на имущественную помощь при уплатѣ куна и обратно— права рода на часть куна, полученнаго членомъ, криведены выше.

Наслѣдство послѣ члена, ие оставившаго наслѣдниковъ родственниковъ, достается роду. Но ему трудно получить это наслѣдство, если умершій жилъ въ другой волости. Минъ удалось узнать лишь одинъ подходящій примѣръ, да и то не подробно (рѣдкость такихъ случаевъ понятна, у киргизъ родство большое). Въ Нижне-Аксуской волости въ 1868 году умеръ киргизъ рода Каптагай отдѣлешія Чаппа, оставилъ бездѣтную вдову и скотъ. Наслѣдниковъ не было, и представитель рода Каптагай, Арасанский волостной управитель Толкунъ, предъявилъ права на вдову и скотъ для раздѣла между членами "Чаппа" (это отдѣлениe въ Арасанской волости). Говорятъ, біи и киргизы сильно спорили и ссорились, и Чаппа выиграли дѣло только благодаря особому влиянию, коимъ пользуются многие Каптагаевцы. Вдову отдѣление выдало за киргиза Саурука, а скотъ раздѣлили между старшими членами отдѣления.

На барантѣ, байгѣ и т.п. родовичи сзываются на помощь особымъ крикомъ—ураномъ. Уранъ рода—имя его общаго родственника: Албанъ и т. п. Уранъ волости—имя наиболѣе почтенаго предка, напримѣръ въ Айтбозумовской волости уранъ—Раймбекъ, въ Конурбургской—Утей и т. п. При дракѣ между членами волости уранъ—родовое имя дерущихся. Впрочемъ, часто бываетъ, что отдѣлениe беретъ ураномъ не имя своего родоначальника, а имя какого-либо батыря или уважаемаго предка. Напр. у киргизъ рода Айтъ уранъ Калыбекъ, у рода Бозумъ уранъ Алмерекъ и т. п. Иногда и стыдъ мѣшаетъ взять имя родоначальника ураномъ. Напр. въ родовомъ отдѣлении Кыстыкъ это имя никогда не служило ураномъ. Уранъ были: Ескине, Танатъ и другіе, а теперь Малай. Это обстоятельство въ связи съ легендой о происхожденіи Кыстыковъ. Легенда такова: у одного киргиза рода Айтъ постоянно останавливались на ночлегъ проѣзжие сарты и татары. Одинъ изъ нихъ сошелся съ дочерью хозяина, которая и родила мальчика, названнаго Кыстыкъ. Чтобы скрыть вину дочери отъ отца, ребенокъ былъ брошенъ въ степи. Кто-то нашелъ его

к воспитать. Отъ этого ребенка и явились Кыстыки. Справедливая легенда или явть—все равно, но Кыстыки вѣрять ей и сердятся, когда смыются надъ ихъ происхожденiemъ. Стыдясь происхожденія, они и не употребляютъ имя Кыстыкъ ураномъ.

При смыщанныхъ бракахъ, барантахъ крпчать имя или уранъ предводителя. Напримеръ, при барантахъ и дракахъ подъ предводительствомъ Тезека уранъ всегда Аблай (это уранъ Тезека.)

Определение правъ на земли и льготки.

Право пастбибы скота на извѣстномъ пространствѣ опредѣляется принадлежностью къ родовой группѣ, которою это пространство издавна занято. Пользованіе лѣтними пастбищами свободно для всѣхъ (общія „джаліяу“, т. е. пастбища Джалаировъ, Албаковъ по рѣкѣ Текесу, Дулатовъ въ городахъ Альтау). Зимнія пастбища раздѣлены по волостямъ и только въ случаѣ ссоры по ауламъ. Зимнія пастбища принадлежать лицу и переходить по наслѣдству, какъ и прочее имущество киргиза: зимовка отца достается младшему сыну. Право на пахотную землю пріобрѣтается трудомъ, приложеннымъ для орошенія, разсѣстки и тому подобное; почему участкомъ пашни пользуются на правахъ собственности, и ие пашущіе могутъ отдавать свои участки въ аренду за вознагражденіе. Даже члены другихъ волостей не могутъ быть лишены права на участокъ, если только ими былъ приложенъ трудъ на проведение арыка.

Въ проведениі арыковъ (оросительныхъ каналовъ) могутъ участвовать даже отдельные члены чужихъ родовъ, если попросить; но за позволеніе они должны, предъ работой, заколоть большого жирнаго барана и угостить. Угощеніе это, называемое „Кань-куи“, впослѣдствіи служить доказательствомъ правъ на земли по этому арыку. Арыки вообще проводятся мелкими родовыми группами, но тамъ, гдѣ нужно больше руку и средства, проводить цѣлую волость, даже нѣсколько волостей (арыки изъ рѣки Биона проведены Арасанскою и Біенъ-Куяндинскою волостями). Ежегодныя починки арыковъ требуютъ немало труда, почему пропускъ воды по арыку, какъ окончаніе труда, празднуется. Празднество состоитъ въ угощеніи, которое устраивается родовыми группами по очереди. Право собственности пріобрѣтается еще засадкой участка деревьями и постройкой жилыхъ или хозяйственныхъ зданій.

Охранительные обычай.

О наказаніяхъ за нарушеніе личныхъ правъ говорено выше; здѣсь же остается лишь сказать, что народный обычай знаетъ仅有 одинъ видъ наказавій имущественный въ видѣ штрафа (аңгъ). За обиду словомъ обыкновенный аңгъ—лошадь и халатъ. За оби-

ду дѣйствіемъ размѣры приведены ранѣе. Нарушеніе имущественныхъ правъ наказывается тоже аипомъ. Размѣры различны, прежде обыкновенный аипъ за кражу скотины—три, а теперь девять головъ. Впрочемъ, вмѣшательство администраціи въ недавнее еще время до того сбило кочевниковъ съ толку, что нынѣ общаго аипа почти нѣть (въ Вѣренскомъ уездѣ за кражу одной скотины присуждается восемь). Возвстановленіе въ правахъ достигается судебнѣмъ приговоромъ, а иногда въ случаяхъ несомнѣнныхъ возвращеніе захваченной зимовки, увезенной жены—распоряженіемъ власти. Наказанія понятно налагаются только біями.

Обрядность суда біевъ. Доказательства.

По обычаю, разбирать дѣло можетъ всякий, къ кому бы стороны ни обратились. Въ прежнее время обращались къ тѣмъ, кому вѣрили, что возможно было только въ случаѣ принадлежности сторонъ къ одной родовой группѣ. Этотъ выслушивали, спрашивали свидѣтелей, старался примирить стороны. Недостигалось примиренія, назначалъ очистительную присягу или приговаривалъ къ уплатѣ, если свидѣтельскія показанія были надежны и достаточны. До нашего завладѣнія степью процедура рѣшеній была такова: рѣшившій дѣло давалъ прутъ и разрубалъ его по окончаніи суда; это означало конецъ дѣла. При неудовольствіи на судъ одного шли къ другому. Съ теченіемъ времени способности, привычка къ дѣламъ или вліятельность некоторыхъ личностей повели къ тому, что родичи за разборомъ дѣла обращались только къ нимъ, и такимъ образомъ кругъ біевъ ограничился немногими. Крупныя дѣла обсуждались во время народныхъ собраній (байга, поминки) вліятельными сородичами. Само собой разумѣется, обсужденіе было общее родичами обѣихъ сторонъ.

Такія рѣшенія, не опираясь ни на какую власть, не могли, конечно, имѣть ни обязательности. Они или исполнялись безъ понужденій, изъ боязни лишиться симпатій и поддержки своихъ, или же вовсе не исполнялись, и тогда истцу оставался одинъ исходъ—насиліе. Первый судъ имѣлъ характеръ суда третейскаго, основанного на довѣріи къ выборному, стоявшему въ одинаковомъ (родовомъ) отношеніи къ обоимъ тяжущимся. Основаніе второй формы суда—равноправность. Эту послѣднюю форму нельзя не называть обычной, ибо въ прежнее время только она одна прекращала распри между родовыми группами. Ей поневолѣ приходилось подчиняться, иначе свои же могли отступиться, а это грозило разореніемъ. И въ настоящее время на практикѣ встречаются только эти формы суда: для сторонъ одной родовой группы свой бій, для всѣхъ прочихъ случаевъ—свободный выборъ по ровну съ обѣихъ сторонъ. Правда, бываютъ разбирательства дѣль всѣми біями волости (по спорамъ о землѣ и т. п.), но такие слу-

чай не часты. Мѣсто засѣданія бія—его юрта и всякое другое мѣстопребываніе бія. Судь—гласный; присутствуютъ всѣ желающіе. Истецъ является съ отвѣтчикомъ, или послѣдняго зоветъ самъ бія. Бій вызываетъ и свидѣтелей, хотя вообще они пріѣзжаютъ съ своей стороной.

Собрались. Бій выслушиваетъ истца, отвѣтчика, свидѣтелей; старается примирить тяжущихся. При неудачѣ постановляетъ рѣшеніе, а если дѣло сложное—откладываетъ приговоръ на нѣкоторое время для собранія справокъ. Или бій предлагаетъ истцу выбрать кого-либо для принятія за отвѣтчика очистительной присяги. Приговоръ записывается въ книгу и выдается копія.

Такой же порядокъ соблюдается въ обычномъ видѣ. Въ немъ біи, по выслушаніи сторонъ и свидѣтелей, удаляютъ ихъ, чтобы не было помѣхи совѣщанію. Если понадобится предложить новые вопросы, стороны вновь требуются, а послѣ опять удаляются. Хотя вмѣнательство во время совѣщанія біевъ и не допускается, но вѣдь яѣть запрещенія, которое бы не нарушилось. Такъ и это. Тяжущіеся сидятъ недалеко и при невыгодномъ оборотѣ преіней вмѣшиваются въ нихъ. Выборъ лица для дачи очистительной присяги ограниченъ нѣкоторыми условіями; точно такъ же не всякий можетъ быть и свидѣтелемъ. А такъ какъ знаніе этихъ условій необходимо, то я и разберу случаи, могущіе встрѣтиться на практикѣ.

Если на вопросъ біевъ отвѣтчикъ признается въ своей виновности, то остается только установить размѣръ вознагражденія. Такимъ образомъ „тарту“—повинная—служить однимъ изъ жалемыхъ и несомнѣвныхъ доказательствъ. Но сознаніе бываетъ не часто, въ большинствѣ случаевъ его яѣть, да яѣть и свидѣтелей; въ такихъ случаяхъ, а ихъ огромное большинство, дѣло кончается очистительной присягой. Біи, установивъ размѣръ вознагражденія, предлагаютъ истцу выбрать на присягу кого либо изъ общества отвѣтчика. Назначаютъ и аулъ или родовое отдѣленіе, изъ которого слѣдуетъ сдѣлать выборъ. Въ мелкихъ искахъ ипремѣнно назначается ауль отвѣтчика. При искахъ куна очистительная присяга дается 4-мя киргизами по выбору изъ всей волости,—это за убийство мужчины; за женщину присяга дается 2 киргизами; при искахъ „джесира“ выбираются на присягу тоже 2 человѣка. При крупныхъ искахъ число присяжныхъ соразмѣряется съ суммой иска: за 1000 рублей должны принять двое, за 2000 четверо изъ цѣлой волости. При кунѣ за глазъ 2 человѣка, за 2 глаза—4 человѣка.

Истецъ можетъ протестовать противъ назначенія выбора изъ указаваго біями аула только въ случаѣ, если онъ, истецъ, съ этимъ ауломъ въ „спорѣ“ („спартъ“, какъ говорятъ киргизы). Точно такъ же и отвѣтчикъ можетъ протестовать, если на присягу выбранъ человѣкъ, находящійся съ нимъ, отвѣтчикомъ, въ

спорѣ. Что такое „споръ“, трудно объяснить примѣромъ, поскольку можно обобщить разъясненіе киргизали этого слова—это есть ссора, дошедшая до тѣхъ предѣловъ, когда человѣкъ не разбираетъ средствъ, чтобы насолить врагу. Такая сильная ссора извѣстна въ аулѣ, волости всѣмъ и каждому, извѣстна она и бѣямъ.

Поэтому при несправедливомъ заявленіи тяжущихся о спорѣ съ присяжнымъ бїи предлагають выбрать на присягу другого: если же знаютъ, что заявленіе ложное, то не обращаются на него и вниманія. Когда бїи не вполнѣ убеждены въ справедливости или несправедливости заявленія о спорѣ, то сейчасъ же должны удостовѣриться чрезъ почетныхъ людей и при справедливости должны назначить другой аулъ для выбора на присягу или предложить истцу на присягу другого, но не отца, сына и не братьевъ киргиза, находящагося съ отвѣтчикомъ въ спорѣ. Въ послѣднее, впрочемъ, время практика разрѣшаетъ тяжущимся отводъ присяжныхъ и въ случаѣ недоказанности „спара“; но отвести можно не болѣе одного человѣка изъ аула, а изъ цѣлой волости только двухъ.

Не позволяетъ выбирать на присягу своего очень хорошаго знакомаго (тамыръ, худа) и, близкихъ родныхъ, родственниковъ (случай возможный лишь, если тяжущіеся одного родового отдаленія): отца, сыновей, братьевъ, племянниковъ, бажа, буле, джіенъ.¹⁾ Если отвѣтчикъ заявитъ о подкупѣ присяжного истцемъ, то бїи прежде дознаютъ фактъ подкупа и при доказанности подкупа отмѣняютъ выборъ, предлагая истцу избирать на присягу другого. Другихъ причинъ для отвода присяжныхъ нѣть. Если избранный на присягу находится далеко отъ мѣста суда, то бїи назначаютъ время и мѣсто присяги: обыкновенно въ юртѣ, то есть въ присутствии одного изъ бievъ, волостного управителя и другихъ почетныхъ киргизовъ. Сообщать постановленіе суда выбранному на присягу—дѣло отвѣтчика; его же забота и доставить присяжнаго къ назначенному сроку. Ко времени принятія присяги стороны должны сами явиться, не явятся—не ждутъ. Непріѣздъ присяженаго къ сроку считается за отказъ отъ присяги и съ отвѣтчиказыскивается все присужденное. Впрочемъ, если бы присяжный и присутствовалъ на судѣ, все таки присягу назначаютъ чрезъ день, два и болѣе. Это дѣлается съ двоякой цѣлью: дать возможность присяжному примирить стороны или при неуспѣхѣ собрать справки, безъ которыхъ нелогично принять или отказатьться отъ присяги. Администрація, незнакомая съ этимъ фактамъ, требуетъ

1) Киргизы, живущіеся на двухъ дѣвушкахъ—сестрахъ, считаются иккото-рымъ образомъ родственниками, и родство это называется „бажа“. Дѣти этихъ двухъ паръ состоять между собой въ родствѣ „буле“ Дѣти (буле) къ кажду (отцу матерей)—„джіенъ“; дѣль къ нимъ—„нагаши“ . Отцы супруговъ между собой—„худа“.

немедленного привода къ присягѣ, чѣмъ, конечно, подрываетъ значение присяги, все же непустой и для кочевника.

Формулѣ присяги нѣтъ. Біи спрашиваютъ присяжнаго: признаешь ли присягу? получивъ отвѣтъ, дѣлаютъ „бату“ и заносятъ отвѣтъ въ книгу. При отказѣ отъ присяги истцу выдается копія. Въ случаяхъ, когда присяга отбирается не во время суда, отбирающій сообщаетъ суду о результатахъ, и судь дѣлаетъ отмѣтку въ книжкѣ. Киргизы избѣгаютъ принятія присяги: нехорошо, стыдно, говорять они; повторюто присяжные употребляютъ всѣ усилия къ примиренію сторонъ, въ случаяхъ справедливаго иска торгуются за отвѣтчика, и на чёмъ поладятъ съ истцомъ, то отвѣтчикъ и обязанъ платить, хотя бы его согласія и не спросили. По окончаніи переговоровъ съ истцомъ, рѣшеніе присяжныхъ записывается въ книгу, и къ нему біи только прикладываютъ свои печати. Дѣло считается конченнымъ безъ привода уже къ присягѣ. Иногда въ книгу записывается просто мировая, — а то запишутъ, что и присяга принята, хотя бы на самомъ дѣлѣ этого и не было, а расчетъ ужъ дѣлается по рѣшенію присяжныхъ. На эти случаи не мѣшало бы обратить вниманіе; они вполнѣ въ обычай и ничего незаконнаго, безпрѣдѣльного въ нихъ нѣть, а между тѣмъ администрація иногда призываетъ такія сделки преступными. Если впослѣдствіи одна изъ сторонъ узнаетъ, что присяжный былъ подкупленъ другой стороной и докажетъ это суду біевъ, то виновную въ подкупе сторону біи приговариваютъ къ уплатѣ всего присужденного первымъ рѣшеніемъ съ убытками,—это если присяжныхъ подкупилъ отвѣтчикъ; если же подкупилъ истецъ — обязываются его возвратить все полученное съ убытками. Подкупленный присяжный приговаривается къ уплатѣ аипа, смотря по размѣру дѣла, отъ 5—4 девяносто до лошади и халата. Аипъ получаетъ тотъ, чьи права были нарушены подкупленіемъ. Но не одинъ аипъ служитъ наказаніемъ подкупленного, несравненно болѣе тяжелое наказаніе заключается въ ограничении нѣкоторыхъ правъ: его не принимаютъ свидѣтелемъ ни въ какихъ дѣлахъ, не допускаютъ и до присяги: однимъ словомъ, ему болѣе не вѣрятъ. Если очистительная присяга за отвѣтчика принята, а послѣ его виновности обнаружится, то истецъ вновь ищетъ. Принявший присягу требуетъ тоже аингъ, и ему обыкновенно присуждаются лошадь и халатъ. Если дѣло окончилось непринятіемъ очистительной присяги и отвѣтчикъ поплатился, впослѣдствіи же найдется настоящій виновный, то заплатившій по первому рѣшенію ищетъ съ него, и ему присуждаютъ все заплаченное съ убытками.

Иногда, крайне рѣдко, истецъ предлагаетъ самому отвѣтчику принять присягу въ доказательство своей правоты, и наоборотъ, отвѣтчикъ предлагаетъ истцу доказать искъ принятіемъ присяги. Въ обоихъ случаяхъ дѣло кончается этими присягами.

Въ прежнее время—у Албановъ и въ настоящее время я быть очевидцемъ такихъ присягъ—были разныя формы присяги. Напримеръ, требовалось обойти три раза вокругъ могилы уважаемаго человѣка, поцѣловать саблю, ножъ, дуло ружья и тогда уже сказать, принимаетъ ли присягу. Но въ какой бы формѣ ни отбиралась присяга, единственное и необходимое условіе—принять ее въ присутствіи хорошаго человѣка, заслуживающаго полнаго довѣрія, котораго для этой-то, цѣли и назначають бы, если присяга принимается не при нихъ. Назначеніе формы присяги зависить отъ лица, выбирающаго присяжнаго. Эта форма сообщается біямъ.

Вотъ какъ проста и немногословна обычная присяга киргизъ; для нихъ она, конечно, имѣеть значеніе, хотя бы традиціонное. Кажется, логично было бы придерживаться этихъ формъ и теперь, но къ сожалѣнію на практикѣ не всегда это соблюдается. Часто отъ киргиза требуютъ присяги на коранѣ. Не мнѣ, конечно, разъяснить вредъ привитія корана, но думаю, что лучше бы не примѣнять его. Я не вдаюсь еще въ разборъ другой стороны присяги по корану, то есть не вдаюсь въ разборъ того, сильнѣе ли она дѣйствуетъ на кочевника и вызываетъ ли она болѣе правдивое показаніе. Лично самъ я имѣю данныя сомнѣваться въ этомъ (киргизъ не понимаетъ даже ни одного слова изъ печатной присяги) и считаю общую форму присяги болѣе доступной пониманію и болѣе святой для кочевника. Да, думаю, и всякий знающій киргизъ согласится, что для массы коранъ ровно ничего не значить.

Свидѣтелями; отводъ ихъ. Доказчики.

Свидѣтелемъ можетъ быть всякий, кроме сумасшедшихъ, малолѣтнихъ и женщинъ. Дѣти до 15 лѣтъ не допускаются въ качествѣ свидѣтелей, не допускаются и на присягу. Затѣмъ, кроме неимѣющихъ права быть свидѣтелемъ, некоторые киргизы теряютъ это право: уличенные въ принятіи присяги за вознагражденіе. Киргизъ, находящійся въ „спарѣ“ съ тѣмъ, противъ кого направлено его свидѣтельство, не допускается свидѣтелемъ. Равнымъ образомъ не принимаются во вниманіе показанія его отца, сыновей, братьевъ. Если другихъ свидѣтелей и нѣтъ, то дѣло решается такъ, какъ бы свидѣтелей и вовсе не было. Справедливость заявленія о „спарѣ“ съ свидѣтелемъ проверяется такъ же, какъ сказано въ отдѣлѣ о присягѣ. Затѣмъ остальныхъ киргизъ можно раздѣлить на двѣ категоріи: 1) такихъ, показанія которыхъ непремѣнно должны быть подтверждаемы присягой, и 2) такихъ, показанія которыхъ достаточны для постановленія приговора.

Къ первой категоріи относятся: а) родственники, худа, буле, бажа, джіень, нагали, той стороны, которая выставляется ихъ. Справедливость показанія ихъ непремѣнно должна быть под-

тврждена присягой, даваемой одному изъ ихъ общества по выбору стороны, противъ которой свидѣтель выставленъ. Впрочемъ, здѣсь встрѣчаются и исключенія: если такой свидѣтель извѣстенъ всѣмъ за правдиваго, честнаго, то противная сторона сама даже не требуетъ присяги; и б) порочные, вообще ненадежные люди, а также и всѣ прочие киргизы, нравственныхъ качествъ которыхъ не приобрѣли извѣстности. Ко второй категоріи относятся почетные, уважаемые люди, киргизы, извѣстные своей честностью, правдивостью. Впрочемъ, надо здѣсь сказать, что въ Вѣрненскомъ уѣздѣ съ 1879, а въ Копольскомъ, кажется, съ 1880 года сдѣлано общее постановленіе подтверждать присягой показанія всякихъ свидѣтелей, такъ что раздѣление свидѣтелей на категоріи теперь уже не имѣеть, пожалуй, значенія. Присяга за свидѣтеля удостовѣряетъ лишь то, правду ли онъ говорилъ суду. Поэтому если присягу примутъ—присуждаются истцу, не примутъ—отказываются въ искѣ. Показаніе подкупленного свидѣтеля не принимается во вниманіе, и дѣло рѣшается, какъ бы свидѣтеля и не было.

Скажу теперь нѣсколько словъ о доказчикѣ и его роли. Доказчикомъ называютъ того, кто 1) за вознагражденіе, или и безъ него, берется разыскать вора и вообще виновнаго въ данвомъ дѣлѣ, и 2) зная виновнаго, требуетъ отъ потерпѣвшаго вознагражденія, опредѣляя его, торгуясь въ цѣнѣ, и обязуется открыть имя виновнаго. При этомъ вообще бываетъ всегда такъ, что если доказчикъ одного родового отдѣленія съ тѣмъ, кого хочетъ выдать, то ставить потерпѣвшему непремѣнныемъ условіемъ держать въ секрѣтъ его, доказчика, имя, стыдясь роли предателя своихъ родичей и ихъ укоровъ, отчасти же и побаиваясь ихъ. А такъ какъ иногда другихъ улику у потерпѣвшаго нѣтъ, и дѣло стало быть, должно окончиться присягой, то доказчикъ заранѣе указываетъ, кого слѣдуетъ выбрать на присягу, обыкновенно изъ своихъ близкихъ. Такъ и дѣлаютъ. Присяга, конечно, не принимается, ибо виновность отвѣтчика присяжному извѣстна. Если доказчикъ не одного рода съ отвѣтчикомъ, то лично доказываетъ виновность его.

Вотъ и всѣ обычные виды доказательствъ, практикуемыхъ въ народномъ судѣ. Нельзя не видѣть, что изъ всѣхъ доказательствъ присяга практикуется въ огромномъ большинствѣ случаевъ; это, пожалуй, даже единственный видъ доказательствъ. Отсюда не трудно ужъ прійти къ убѣждѣнію о громадномъ значеніи присяги и тѣмъ необходимѣе оставить за ней обычныя освѣщенныя зѣка-ми формы, отнюдь не навязывая кочевнику ничего туждаго.

Біи за свои труды получаютъ плату—бійлыкъ. Плата эта 10 % съ присуждаемаго. Бійлыкъ платить отвѣтчикъ сверхъ присужденнаго; а такъ какъ взысканія вообще тянутся крайне долго, то біи требуютъ бійлыкъ съ истца и только по полученіи его выдаютъ кошю рѣшенія. Истецъ же получаетъ бійлыкъ съ отвѣтчика.

Теперь въ заключеніе отдала о народномъ судѣ нѣсколько словъ о чрезвычайныхъ съѣздахъ. Хотя проектъ и имѣлъ въ виду эти съѣзы лишь для крупныхъ дѣлъ, но на практикѣ они обратились въ судища всевозможныхъ даже самыхъ мелкихъ дѣлъ. Причины вполнѣ понятны: легкость выбора біевъ вообще и возможность воспользоваться лучшими силами. Да кромѣ того здѣсь возможенъ выборъ свободный, не стѣсняемый предѣлами утвержденныхъ біевъ.¹⁾ Послѣднее обстоятельство крайне важно, ибо официальные біи часто не имѣютъ никакого вліянія на своихъ сородичей и приговоры ихъ особенно въ сложныхъ дѣлахъ не удовлетворяютъ никого. На чрезвычайныхъ же съѣздахъ для обсужденія такихъ дѣлъ выбираются самые вліятельные родови-чи, и только при ихъ помощи и исполнимы такие, напримѣръ, приговоры, какъ постановленный по дѣлу между Борохудзирской и Чунжинской волостями. (см. выше о кунѣ). Однородное почти постановленіе окончилоссору между Байджигитами и Албанами въ 1880 году). И утвержденные біи, конечно, сумѣли бы постановить такое рѣшеніе, но вѣдь дѣло не въ постановлениіи, а въ исполненіи, и вотъ тутъ-то авторитетъ рѣшавшихъ, вліяніе на своихъ и необходи-мы. Понятно, не одинъ авторитетъ и вліяніе помогаетъ въ этихъ случаяхъ; помогаетъ уже самый сборъ массы родовичей и посто-роннихъ, дѣлающій возможнымъ общее обсужденіе и сближеніе сторонъ.

Если для киргизъ уѣзда необходимъ чрезвычайный съѣздъ, то для киргизъ разныхъ уѣзовъ эта необходимость доходитъ до крайнихъ предѣловъ: только на немъ одномъ кочевникъ иного уѣзда и можетъ разсчитывать на удовлетвореніе. По понятіямъ киргизъ, чужой уѣздъ—иное государство и притомъ не рѣдко враж-дебное,²⁾ и если въ своемъ уѣздѣ труднѣко получить искомое, то самое мелкое полученіе съ киргиза другого уѣзда, достигается еще съ большими трудомъ и большими издержками. Нужно вести своего бія; отвѣтчикъ, его отчасти и біи по понятной причинѣ уклоняются отъ разбора, и приходится просить содѣйствія уѣз-наго. Время между тѣмъ идетъ, растигутъ и расходы. А то иной еще, придерживаясь проекта, непремѣнно обязываетъ соблюсти постепенность суда, начиная съ аульного бія.

Ну а на чрезвычайныхъ съѣздахъ это достигается легче, потому, что и власти тутъ-же, есть кому заступиться. Кромѣ того, многие киргизы часто и не являются на съѣзы для избѣжанія

¹⁾ Въ чрезвычайного съѣзда это не позволяетъ, и по малобѣ одной изъ сторонъ рѣшеніе отынется безъ всякихъ разсужденій.

²⁾ Причины этому, помимо родового начала, заключаются, по моему мнѣ-нию, и въ неоднаковомъ отношеніи власти къ народному суду. Всякий отно-сится по своему, считая свой взглядъ болѣе правильнымъ или болѣе цѣлесо-образнымъ. Киргизы вполнѣ правы, говоря: „новый уѣздный, новый закъ (за-конъ)“, и поневолѣ теряются въ обилии этихъ законъ.

расходовъ при мелкихъ искахъ, а поручаютъ свои дѣла тому, кому нужноѣхать. Иной разъ и доводится наблюдать, что одинъ и тотъ же киргизъ представляетъ собой 5—6 своихъ товарищевъ. Формальностей при этомъ не соблюдаются никакихъ; если-же относиться строже и требовать довѣренность, то и она сейчасъ-же явится: мулла есть, написать недолго, и бумагу для этого возьмутъ у нась же, а свой старшинъ всегда засвидѣтельствуетъ такую подложную довѣренность. Да, право, къ этому нельзя строго и относиться; стоитъ вникнуть въ суть дѣла, стоитъ сообразить, возможно-лиѣхать за нѣсколько сотъ верстъ за бараномъ, лошадью не имѣя увѣренности въ непремѣнномъ полученіи, и поневолѣ будешь смотрѣть сквозь пальцы на такія продѣлки, лишь бы онѣ вели къ облегченію участія кочевника.

О формѣ и обрядности суда на чрезвычайномъ съездѣ сказать нечего: судъ обычный, поровну съ обѣихъ сторонъ, и обрядность его, доказательства описаны выше. Существуетъ, правда, третейский судъ („третій“ по вазванію кочевника), но онъ бываетъ рѣдко, и все его отличіе отъ обычного—выборъ сторонами однихъ и тѣхъ же біевъ въ нечетномъ числѣ. Въ случаяхъ, когда біи не придутъ къ общему решенію, сторонамъ предлагается выбрать посредника, и тогда дѣло решается уже по большинству голосовъ.

Н. Изразцовъ.

КЪ ИСТОРИИ НАРОДНАГО ТЕАТРА.¹⁾

I. ЖИВОЙ ВЕРТЕПъ.^{1).}

ДѢЙСТВІЕ I

(Иродъ съ мантии, въ коронѣ, со скипетромъ и державой въ рукахъ сидитъ на тронѣ).

Иродъ. Воя, воя! престаньте ко мнѣ двоя въ тотъ же часъ!

(Спекуляторъ и Донской Казакъ входятъ).

Спекуляторъ. Что, царю Гироду, требуешь?

Иродъ. Пойдите вы въ нѣкоторыя страны, отыщите мни нѣкоторыхъ бабъ, что варылы грыбкинъ(?).—

(Спек. и Д. Казакъ уходятъ; Спек. возвращается).

Спек. Нѣту тутъ бабъ, шобъ варылы грыбкинъ.

(Входитъ Казакъ и Рахиль въ ребенкомъ, сдѣланіемъ изъ соломы; Казакъ пикой дѣлаетъ на караулѣ; спекуляторъ правой рукой хватается за мечъ. Рахиль кланяется публикѣ).

Спек. Что, царь, велыши,—отпустить, или казнить?

Иродъ. Не велю отпустить, а велю казнить.

(Рахиль падаетъ на колени).

Рахиль О царю! пощады невинную душу!

Иродъ. Какое отпущение! Сія Рахыля

Одно смущеніе! Младенца родила,

И младенецъ сей

Родился для погибели моей

1) Записано въ г. Нѣжинѣ, со словъ николаевскаго солдата А. Збронскаго, родомъ подольщанина.

и хотіль скоренить изъ собственного царства моего. Но надѣюсь, какъ былъ царомъ, такъ и буду.

(*Спекуляторъ вонзаетъ мечъ въ ребенка, поднимаетъ его сверхъ и бросаетъ подъ ноги Ироду; за ширмами подражаютъ плачу ребенка.*).

Иродъ. Радуюсь и веселюсь! Музыка, играй! Возьмите Рахилью, прочь отъ меня отведите!

(*Казакъ и Спек. уводятъ Рахилью; за ширмами поютъ*):

Не плачь, Рахилья:	Тѣломъ убіенне,
Дыты твое жыве,	Но душа спасенна.

(Является Смерть съ косою).

Смерть. А полно тебѣ, цару Героду, на семъ свити жыты, чаю—
пуншу пыты, а времѧя тебѣ иты въ адъ вѣчно жыты.

(*Иродъ мечется въ разныя стороны. Смерть косою ударяетъ его по шен; онъ падаетъ. Являются два Служителя.*).

1-й Служ. Трахъ таразахъ! Десь тутъ нашбго Ирода голова?

2-й Служ. Трахъ таарыше! Десь тутъ нашего цара Ирода ту-
лубыше? (Уносятъ Ирода).

ДѢЙСТВІЕ II.

(Выходитъ Наполеонъ въ бѣлыхъ штанахъ, ботфортахъ, мун-
дирѣ и треуголькѣ).

Наполеонъ (*жланяется публике*).

Вотъ, русскій господа,
Я приехалъ къ вамъ сюда.
Вы знаете, кто есть таковъ?
Я есть французскій король,
По имени-прозванью Наполіонъ;
На престолѣ сидяю
И вси земли забираю.
Этой уголъ смотрѣть на Москву,
Этой на Полтаву.
А я возьму трость и державу,

И почтуть меня королёмъ,
Земнымъ богомъ.

(Является горбатый, старый Мужикъ, одетый въ лохмотья).

Мужикъ. Даи Богъ драствовать, мой паночку?

Напол. Ты кто такій?

Муж. Мы паны ваши, а вы свыни наши; какъ мы у васъ сино
рубалы, а дрова косылы, и чести не заслужылы?

Напол. Ты откуда, дуракъ мужыкъ, взялся?

Муж. Чогд мій паночку?

Напол. Ты скажи мыни, съ какой ты деревни?

Муж. Деревни? О, чого мій панъ захотивъ? Я съ такой дерев-
ни, што дубы да березы да широкій листь; изъ такой я дерев-
ни. Прощайте!

Напол. Дуракъ мужыкъ! Я не того тебе спрашываю.

Муж. А чого, мій паночку?

Напол. Хто у васъ въ деревни найстаріе?

Муж. О, чого мій панъ захотивъ! У нась колысь-то у дерев-
ни баба тютюнныца табакъ терла, такъ ужа давно ноги задерла.
Отбѣ была самая найстаріе

Напол. Дуракъ мужыкъ! я тебе не того спрашываю.

Муж. А чого, мій паночку?

Напол. Ты скажи мыни, что у васъ въ деревни найсильніе?

Муж. Ага! найсыльніе! У нась колысь-то въ деревни була че-
реда, а въ череди былъ бугай, якъ иде, такъ и весь скотъ пе-
ребѣє. Отбѣ была самая найсыльніе.

Напол. Дуракъ мужыкъ, я не того тебе спрашываю.

Муж. А чого, мій паночку?

Напол. Ты скажи мни, съ какого ты поколиння?

Муж. Ага, поколиння! Я съ такого поколиння: на святого
Андрюса да рубавъ дрова, не попавъ по полинню, да по колин-
нию, да мни вышо носа наросло. (Суетъ палку подъ носъ Наполеону
тотъ, хватается за штаны).

Напол. Я тоби, дуракъ мужыкъ, какъ зайиду, да зайиду...

Муж. Та зайидъ, зайидъ, мій паночку: моя жинка велику кад-
ку буракивъ намочыла, буде вать угощаты. А затымъ прощайте!

(Музыка.)

ДѢЙСТВІЕ III.

(Донской Казанъ въ казачьемъ костюмѣ).

Д. Казакъ (кланяется) Голя, голя! я козакъ изъ чистого поля. Я козацкой натуры: пропился одѣ погъ я до шкуры; на мнѣ куртка и шаровары изъ свинячои шкуры; шабля ири боку, самъ безъ окѣ, спереди скоды на свиню, а заѣди — на ежака. Чы нехожъ я, господа, на козака? (Поворачивается кругомъ).—Добре мене, господа, вчорась у гостяхъ шалували, такъ положили спать коло лавы; а я спьяну проспався и въ печку вбраўся и приконилъ мыни предивный сонъ, будто я йивъ пырогъ съ ковбасой, а саломъ заѣдавъ. Когда я проспался, у меня повный ротъ попело да уропыля напхався.—Дождался, господа, у Бога ласки: пойти у смакъ святои паски. Крестосль воскресь!

Голосъ (изъ-за ширма). Брешы, якъ песь!

Д. Каз. Чы то бакъ я поиылывся, оть на эту дивчину зады-
вывея. Дивчино сердце, што ты на мене поглядаешъ? вѣрно, лю-
быты маешъ? Ты иды за мене, буде тоби добре въ нашей школи—
акъ на татарскомъ полі: до обида спаты, а до вечора ёсты жда-
ты. А я тоби за тое пошлю шубу съ вовенивъ, изъ лысыцъ, изъ-
prusакивъ, блондышъ, зъ блохъ, зъ воншай, шобъ була шуба дов-
ша, а жукомъ опушты, чтобъ про празыкъ проносыты.—Оть
неякъ не поддурышъ враговои дивчини! Заспивати зъ горя да
украинской писни:

Да немае лучче,

Да немае краще,

Ой якъ у насъ на Українѣ,

что не повыдышъ ни жида, ни лаха, ни того прыскового сына
татарина.

(Является Жидъ).

Жидъ. Сорохціяне, борохціяне, цы не бацилы, цы не вылалы,
якъ на сынемъ мори зиды потопали?

Д. Каз. Ты де, бисывъ жыду, взялся?

Жидъ. Охъ! я, паноцку, на сабасъ исовъ, и до васъ зайсовъ
А якъ васъ звать?

Д. Каз. Хведоръ.

Жидъ А я йивъ гугиль зъ медомъ.

Д. Каз. Дай-же, бисынь жыду, сабашковои горилки напыться.

Жидъ. Охъ, панодку! моя сабаскова горилка черезъ три дни разбирае.

Д. Каз. Брешешъ, бисынь жыду! Козакъ пье—душа миру знае.

Жидъ. Извольте, панодку, звольте! (*Вынимаетъ изъ кармана бутылку; казакъ пьетъ.*)

Д. Каз. О такъ, напысь сабашковои горилки да и повальвся.

(*Падаетъ; Жидъ осматриваетъ его карманы.*)

Жидъ. Отъ якъ зыдки ковачевъ надуваютъ: сабашковою горилкою наповаютъ, а теперь съ корманѣцка проши выбываютъ.

(*Казакъ поднимается.*)

Д. Каз. А у насъ отъ какъ надуваютъ, да бойборою потягають! (*Бьетъ жисда.*)

Жидъ. Ну, ву, бей! ну, буде!

ДѢЙСТВІЕ IV.

(Лыцарь и Дѣвушка).

Лыцарь (*обнимаетъ девушки*).

Ужъ ты, дѣвица моя прелестна,
Лицомъ бѣла, хараша!
Только жизнь моя нещасна,
Што влюбился я въ тебя.

Дѣвица. Охъ ты, лыцарь молодой,
Неженатый, холостой!
Не люблю я тыбо,
Не пойду за тыбе.

Лыцарь (*отталкиваетъ ее*).

Среди войны, войны кровавой
Истреблю тебя, любовь,
И разарву твое сырое племеня
За невѣрную любовь.
Охъ, Богъ!
Прыны мой вздохъ,
Отдай туда,
Хто приметь безъ труда,
Понесы тому,

Хто мылостивъ сердцу моему.
Щасливъ я быль,
Какъ васъ любилъ;
Отъ васъ отставъ,
Нешастнымъ ставъ,
Куда бѣжать,
Тоску-скуку дивать?
Пойду съ гбра въ чистое по-
ле.

(Стреляет изъ револьвера въ дѣвицу, та падаетъ. Занѣсъ опускается)

(За ширмой поютъ:)

Померла наша надежда
 И скончалася любовь,
 Ручки къ сердю изложила,
 Вся покрыта полотномъ.
 Громко пѣвчая занѣла;
 На кладбище понеслы;
 На кладбище проносылы,
 Зазвонили въ колокола;
 Въ гробъ-могилу й-опущали,
 Застогнала вся земля;
 Вся силены (иселеная) исказала,
 Что погибшая душа.—
 Подойды, милой, поближе,
 Близъ могилы икъ моей,
 Уроны, мылый, слѣзою
 Въ концы гробу моего;
 Попросы, мылой, у Бога,
 Чтобы душу возвратить.
 Возвратить души не можна,—
 Знатъ, на вѣки въ земли спать,
 Дружка себи ожидать.—

Хороша была да красива и наче граблямы вся морда поцарапана. А что зла была покійница—безъ миры! Туда ій дорога!

ДѢЙСТВІЕ V.

(Цыганъ и Цыганка).

Цыганъ. Люды добры, люды мылы. Не бачылы, не выдалы, не йихалы цыгане: кобыла биленька, на ногу кривенька, а защи седила цыганочка молоденька? Нема еи туть, або туть?

(Является цыганка).

Цыганка. Ты чого туть исъ фандою ¹⁾ распоряжаёсся?

Цыганъ. Де ты, сучья дочка, де ты скрывалася?

¹⁾ Шатель.

Цыганка. Ходыла на трейте село сырцову добывать.

Цыгани. Сучья дочко, не лъныся, попросы хорониенько, да поклоныся нызенько: паны любы, паны мылы што-ныбудь на ручку скинуть.

Цыганка (къ публике). Люде добры, выручить иене отъ этой фанды, на ручку бросьте.

(Ходитъ съ тарелкой и проситъ у зрителей вознаграждения, а Цыгань по временамъ подгоняетъ ее плетью).

(Занавѣсь падаетъ).

Страсть римлянъ ко всякаго рода зрѣлищамъ, которая для нихъ были такъ же необходимы, какъ и насущный хлѣбъ (вспомнимъ обычный крикъ народа рапет *et circenses!*), не прекратилась и послѣ распространенія тамъ христіанства. Толпы гистріоновъ по прежнему находили себѣ вездѣ радушный приемъ. Несмотря на суровыя мѣры, которая принимало духовенство противъ мимовъ, этихъ веселыхъ, разгульныхъ любимцевъ народа, и противъ ихъ часто весьма циническихъ выходокъ,—скоморошество не легко было сломить. Видя безупрѣшность всѣхъ своихъ мѣръ, направленныхъ къ уничтоженію въ народѣ страсти къ зрѣлищамъ, духовенство рѣшило наконецъ само удовлетворять эту страсть, давая, по крайней мѣрѣ, иной матеріаъ для зрѣлищъ, оно рѣшило замѣнить представленія скомороховъ, выходившія часто за предѣлы приличія до крайняго цинизма, другими зрѣлищами изъ событій Священной исторіи. Такое стремленіе духовенства — съ одной стороны, уничтожить безнравственные зрѣлища, а съ другой— объяснять простому народу истины новой вѣры и нѣважайшія событія Священной исторіи посредствомъ наглядныхъ представлений— это стремленіе и было причиной возникновенія духовной драмы, мистеріи.

Почтеніе къ тѣмъ святымъ, которые должны были выступать въ мистеріи, не позволяло сперва изображать ихъ живымъ актерамъ. Святые изображались особыми куклами, такъ наз. маріонетками¹⁾, которые посредствомъ простого механизма могли производить незна-

¹⁾ Первоначально—куклы, изображавшія Дѣву Марію, вслѣдствіе чего и название свое получили.

чительныхъ движеній. Все „дѣйствіе“ на первыхъ порахъ ограничивалось лишь чтеніемъ духовною особой подходящаго мѣста изъ евангелія. Но помимо марионетокъ, въ мистеріяхъ скоро стали принимать участіе и живыя личности въ роляхъ слугъ, воиновъ и др. второстепенныхъ лицъ. Такъ какъ въ Св. писаніи рѣдко влагаются рѣчи въ уста подобныхъ лицъ, то актеры, чтобы не оставаться на сценѣ иными личностями, сами начинаютъ уже отъ себя вставлять рѣчи, соответствующія тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ изображаемаго событія. Представленія сперва происходили въ храмѣ. Уваженіе къ священному мѣсту и къ самому дѣйствію, бравшему сюжетъ, какъ уже сказано, изъ Св. исторіи, не позволяло этимъ актерамъ произносить какія-либо комическія или грубыя рѣчи.

Правда, духовная драма не могла еще уничтожить скоморошества; тѣмъ не менѣе, она также пришла по вкусу простому народу, и изъ Рима скоро стала переходить въ другія страны. Распространяясь все болѣе и болѣе, этотъ обычай—объяснять таинства вѣры посредствомъ различныхъ символическихъ обрядовъ—къ XV-му вѣку сдѣлался повсемѣстнымъ во всей Западной Европѣ. Къ этому времени мистерія уже потеряла свой первоначальный видъ; марионетки стали замѣняться живыми актерами; рѣчи, которыхъ первоначально читались духовной особою по евангелю, теперь произносятся самими актерами, позволяющими себѣ уже дѣлать кое-какія добавленія въ рѣчахъ, хотя и въ религиозно-нравственномъ духѣ; не остались безъ измѣненія и второстепенные роли; актерамъ, бравшимъ на себя эти роли, еще раньше была предоставлена нѣкоторая свобода при составленіи своихъ рѣчей. Эта возможность самостоятельного творчества нѣсколько оживляетъ дѣйствіе; прежніе краткіе вопросы и отвѣты воиновъ и слугъ замѣняются другими, отличающимися большою жизненностью; въ нихъ появляются уже остроты; сами актеры позволяютъ себѣ комическія выходки. Духовенство сквозь пальцы смотрѣло на такую вольность второстепенныхъ актеровъ и даже поощряло ее, такъ какъ видѣло, что, съ одной стороны, насмѣшки надъ Иудой и другими темными лицами мистеріи удовлетворяютъ нравственному чувству зрителей, а съ другой, комический элементъ позволяетъ нѣсколько отдохнуть чувствамъ, взволнованнымъ представлениемъ страстей Господнихъ и прочихъ потрясающихъ сценъ. Комическая сторона мистерій, поми-

мо нѣкоторой вольности рѣчей, проявлялась также въ изображеніи разныхъ тѣлесныхъ недостатковъ. Въ этомъ комическомъ элементѣ народъ увидѣлъ нѣчто уже знакомое, напоминавшее ему комические выходки гистріомовъ, и эта сторона мистерій сразу привлекла къ себѣ вниманіе массы. Веселый смѣхъ и одобрительные возгласы зрителей, не умѣвшихъ по своему южному жизненному темпераменту скрывать чувства, поощряли актеровъ въ импровизаціи комическихъ рѣчей и остротъ, не имѣвшихъ часто прямого отношенія къ представляемому событию и намекавшихъ скорѣе на разныя современныя события. Наконецъ, комическая сторона развилась до того, что духовенство увидѣло въ ней профанацию святыни и почло неприличнымъ дальнѣйшее представление духовныхъ драмъ въ церквяхъ. Мистерія была перенесена изъ церкви на церковный дворъ и кладбище, а потомъ, когда она стала терять свой религіозный характеръ, подверглась запрещенію и совсѣмъ была изгнана изъ церковной ограды.

Однако, мистерія успѣла уже сильно привиться въ народѣ; духовенство могло запретить представленіе въ известномъ мѣстѣ, но совершенно уничтожить ее было уже невозможно. Гомимая духовенствомъ, духовная драма выходитъ изъ церковной ограды и мѣстомъ своего представленія избираетъ площади и наиболѣе многолюдныя улицы¹⁾.

Эта перемѣна мѣста значительно содѣйствовала освобожденію мистеріи отъ условныхъ клерикальныхъ требованій, что, въ свою очередь, весьма сильно повліяло на измѣненіе формы прежней духовной драмы. Что считалось прежде невозможнымъ въ церковныхъ стѣнахъ, то на улицахъ, среди праздной толпы зѣвакъ приобрѣтаѣтъ право гражданства. Служа теперь скорѣе къ развлечению этой толпы, чѣмъ первоначальнымъ цѣлямъ духовенства, драма обращаетъ главное вниманіе на развитіе комического эле-

1) Впослѣдствіи іезуиты въ виду своихъ цѣлей нашли необходимымъ ввести представленіе духовныхъ драмъ въ своихъ школахъ. Наша Кіевська духовная академія переписала при посредствѣ Польши этотъ обычай. Митр. Евгеній пишетъ: „Въ майскія рекреаціи всѣ ученики и учителя и сторонние любители науки выходили для забавъ на гору Скалыку... Тамъ всѣ забавлялись и студенты пѣли канты. Учитель поэзіи для такихъ прогулокъ обязанъ быть сочинять комедіи или трагедіи, а прочие учители діалоги“ (см. „Описание Кіево-Соф. собора“ прибавл. 223).

мента, больше интересовавшего зрителей своею жизненностью, чѣмъ другая религиозная сторона мистеріи. Этотъ комический элементъ развился наконецъ до того, что составители новыхъ драмъ считаютъ возможнымъ и даже необходимымъ выдѣлить его въ особыя комической сцены, игравшіяся между актами серьезной духовной драмы. Эти комедіи стали называться „интермедіями“, „интерлюдіями“, а у насъ на Руси—и „между вброшенными забавными игралищами“.*). Первоначально замѣчалась связь между содержаніемъ интерлюдій и содержаніемъ тѣхъ актовъ драмы, за которыми они помѣщались; но потомъ связь эта мало-помалу теряется и для публики и для самихъ актеровъ; интермедіи являются чѣмъ-то самостоятельнымъ, нисколько независимымъ отъ драмы; поэтому они свободно переставляются одна на мѣсто другой, изъ первого антракта въ послѣдній и т. д. Наконецъ, интерлюдіи совершенно выдѣляются и играются уже не между актами мистеріи, а по окончаніи представлениія духовной драмы одна за другой.

Сюжетъ мистерій и послѣ образованія интерлюдій брался по-прежнему изъ Св. писанія; оттуда же брались въ большинствѣ случаевъ и рѣчи для дѣйствующихъ лицъ. По выдѣленіи изъ драмы комического элемента, самостоятельное творчество автора уже не можетъ имѣть въ ней мѣста. Поэтому и духовные драмы, развивающія одни и тѣ же сюжеты, представляютъ собою каждая не чѣмъ-то самостоятельное, а просто болѣе или менѣе подробные варианты одной и той же мистеріи. Условныя границы драмы не позволяли ей развиваться; она осуждена была на застой. Но такъ какъ интересъ зрителей обращенъ былъ, главнымъ образомъ, на комическія интермедіи, игравшіяся послѣ драмы, то актеры старались сократить по возможности представление мистеріи, сокращая рѣчи дѣйствующихъ лицъ, а иногда и выбрасывая цѣлые акты. Такимъ образомъ, въ духовныхъ драмахъ замѣчается уже регрессивный, такъ сказать, ростъ: въ то время какъ комическая сторона драмы съ течениемъ времени развивается и получаетъ наконецъ право на самостоятельное существование,

*.) Одна изъ интермедій, находящихся въ рукописи Ипп. Публ. Библ., указанной Пекарскимъ, называется : „Интерлюдія или между вброшенная забавная игралища“.

духовная, религиозная сторона все более и более уменьшается въ своемъ объемѣ; постепенно выпадаютъ въ ней дѣйствующія лица, явленія и цѣлые акты; наконецъ, она сводится къ минимуму: въ „Живомъ Вертеѣ“ остался всего одинъ актъ (избѣженіе младенцевъ и смерть Ирода) изъ прежней длинной драмы Рождества Спасителя.

Совершенно въ иномъ положеніи находились интермедіи, на сторонѣ которыхъ было полное сочувствіе зрителей. Фантазія и юморъ автора, создававшаго интерлюдіи не были стѣснены традиціями и условными границами, которыхъ онъ не смѣлъ переступить, какъ это было въ духовной драмѣ. Эта свобода позволяла интермедіямъ развиваться и въ количественномъ отношеніи—со стороны содержанія.

Мистеріи предназначались преимущественно для простого народа; понятно по этому, что сюжетъ для интерлюдій брался изъ простонародной жизни, какъ болѣе понятной и интересной для зрителей. Въ интерлюдіяхъ выводились типы, съ которыми народу приходится чаще всего сталкиваться. Актеры въ игрѣ своей старались подражать наружности, манерамъ и языку выводимаго на сцену типа. Такимъ образомъ, интерлюдіи отличаются отъ собственно духовной драмы, во 1-хъ, своимъ комическимъ элементомъ, и, во 2-хъ, изобиліемъ жизненныхъ бытовыхъ чертъ.

Что касается комического элемента интерлюдій, то онъ, въ большинствѣ случаевъ, стоитъ въ нихъ не на особенно высокой ступени: герои тузятъ другъ друга, спотыкаются, падаютъ, острятъ довольно грубо и часто очень недвусмысленно. Для взрослѣдователя эта сторона интермедій представляеть не столько интереса сколько другая—бытовая.

Драма вообще болѣе чѣмъ другіе виды поэзіи—эпосъ и лирика, способна передавать жизнь, такъ какъ, помимо рѣчей, въ ней еще является и дѣйствіе. Интерлюдіи „всегда писались на народномъ языкѣ, часто съ соблюдениемъ провинціальныхъ говоровъ, и часто представляли вѣрныя картины обыденной жизни народа“. *) Поэтому онъ представляєтъ собою весьма важный материалъ для всякаго, кто бы желалъ познакомиться съ жизнью на-

*) Н. Тихонравовъ: „Трагикомедія“ Ф. Прокоповича: „Владимиръ“. Ж. М. Н. Пр. 1879 г. май.

рода и его взглядами на мир другого общества, съ которыми ему приходится такъ или иначе сталкиваться.

Раньше мы сказали, что собственно духовная драма была подчинена известным границамъ и традиціямъ. Нельзя сказать, чтобы и интерлюдіи были совершенно свободны отъ всякой традиціи: традиціонными въ нихъ являются повторяющіеся излюбленные народомъ типы. Такими постоянными типами интермедій являются—у итальянцевъ панталонъ, типъ простоватаго, добродушнаго отца, бригелла—слуга плутъ, арлекинъ—слуга простакъ; любимымъ типомъ французскихъ интерлюдій является Jean Farine, немецкихъ—Hanswurst; у поляковъ на сценѣ фигурируютъ церковный сторожъ (клеха), заступившій мѣсто итальянскаго арлекина, забіяка солдатъ, трусь еврей, обирающій простой народъ; въ малорусскомъ вертепѣ въ большинствѣ случаевъ выводится хвастунъ полякъ, трусливый жадъ, цыганъ—лошадинный барышникъ, иногда и простой мужикъ,—вообще лица, съ которыми всего чаще приходится малороссю сталкиваться; но особенной любовью малорусскихъ интермедій пользуется запорожецъ, совершающій на сценѣ разные подвиги: онъ вполнѣ безнаказанно бьетъ жидовъ, не даетъ спуска и самому черту, издаѣвается надъ хвастливыми поляками, ретирующимися со сцены при однихъ звукахъ его голоса. Такимъ образомъ, и интерлюдіи не лишены своего рода традиціи. Но эта традиція ничуть не мѣшала имъ развиваться. Возьмемъ для примѣра малорусский вертепъ. Хотя въ малорусскихъ интермедіяхъ, въ большинствѣ случаевъ, выводятся одни и тѣ же дѣйствующія лица, тѣмъ не менѣе съ теченіемъ времени, когда измѣнялись отношения извѣстной націи или сословія къ мужику-малороссу, измѣнялся сообразно съ этимъ и характеръ выводимаго на сцену типа; съ теченіемъ же времени та или другая нація переставала играть роль въ исторіи Малороссіи; тогда и ея представитель мало-по-малу изглаживался въ памяти народа и сходилъ со сцены, какъ типъ уже отжившій, не понятый зрителямъ; наконецъ, малороссу приходится сталкиваться въ своей жизни и съ новыми націями, къ которымъ онъ прежде не имѣлъ никакого отношенія, и вотъ на сценѣ появляются новые типы. Итакъ, мы видимъ, что интерлюдія, имѣя дѣло съ жизнью народа, этимъ самымъ освобождены отъ того застоя, на который осуждена собственно духовная драма: отжившее, не представляющее болѣе интереса народу, схо-

дить со сцены; новое, интересующее зрителей, получаетъ право гражданства; наконецъ, старые удержавшіеся на сценѣ типы могутъ измѣнять съ теченіемъ времени свои черты.

Рассматривая выводимые въ интерлюдіяхъ малорусскихъ вертеповъ типы, ихъ характеры и взаимныя отношенія, мы вмѣстѣ сътѣмъ будемъ знакомиться со взглядами нашего народа на характеръ той или другой націи и съ взаимными отношеніями представителей этой націи и малоросса. Съ этой именно стороны мы и намѣрены прослѣдить типы, выводимые въ „Живомъ Вертепѣ“.

Текстъ „Ж. Вертепа“ записанъ, какъ выше указано, въ г. Нѣжинѣ со словъ одного николаевскаго солдата Александра Збронского (родомъ изъ с. Тульчина, Каменець-Подольской губ., Брацлавскаго у.), который при представлѣніи Ж. Вертепа игралъ роль Спекулятора, но вслѣдствіе частыхъ представлений заучилъ и остальные роли. Збронскій, прослуживъ долгое время у разныхъ господъ и въ казенному заведеніи, считаетъ своею обязанностью говорить „по-господски“, вслѣдствіе чего у него получается смѣсть малорусскихъ словъ и формъ съ великокорусскими. Текстъ „Ж. Вертепа“ записанъ отъ него буквально, безъ всякихъ поправокъ или измѣненій. По словамъ Збронского, „Ж. Вертепъ“ былъ составленъ солдатомъ Котляревскимъ, теперь уже умершимъ (родомъ изъ м. Носовки Нѣжинскаго у.). Этотъ Котляревскій бралъ на себя обыкновеніе роли Ирода и Мужика; онъ же былъ и сценаріусомъ и гримировщикомъ, завѣдавъ бутафорскими принадлежностями. Представлѣнія происходили на Рождественскихъ святкахъ. Солдаты брали у своего начальства разрѣшеніе и отправлялись съ кулисами (ширмами) и прочими театральными принадлежностями по домамъ жителей города. Солдатъ, игравшій роль Донского Казака, входилъ въ домъ и, показавъ разрѣшеніе, спрашивалъ, желаютъ ли хозяева видѣть ихъ игру. Получивъ согласіе, солдаты-актеры сперва пѣли въ комнатѣ „Рождество твое“ и „Дѣва днесъ“, затѣмъ разставлялись ширмы, переодѣвались—и представлѣніе начиналось.

Сравнивая „Ж. Вертепъ“ съ другими вертепными представлениями, записанными, напр., Маркевичемъ¹⁾, Галаганомъ²⁾ и Чা-

¹⁾ въ его „Обычаяхъ, повѣряхъ... малороссовъ“.

²⁾ „Кievская Старина“, октябрь, 1882 г.

льмы¹⁾, мы видимъ, что Котляревскій, если только действительно онъ былъ составителемъ „Ж. Вертепа“, знакомъ былъ съ существовавшими раньше подобными вертепами; какъ сюжетъ, такъ и нѣкоторые типы почти буквально сходны съ содержаніемъ и типами указанныхъ вертеповъ. Тѣмъ не менѣе, на нѣкоторыхъ типахъ „Ж. Вертепа“ видна рука уже позднѣйшаго автора, быть можетъ, самого же Котляревскаго.

Въ 1-ой части „Ж. Вертепа“, собственно мистеріи, мы не находимъ ничего особенно важнаго, новаго; сюжетъ ея,—избеніе Иродомъ младенцевъ и смерть его самого,—изображается почти въ такихъ же чертахъ, какъ и сюжеты другихъ сохранившихся мистерій, представляющихъ Рождество Спасителя и обстоятельства, сопровождавшія его. У Маркевича, напр., мы находимъ почти тѣхъ же дѣйствующихъ лицъ: Ирода, одѣтаго въ красный кунтушъ (въ „Ж. В.“ въ мантлѣ), съ короной на головѣ и скіпетромъ въ рукахъ, повелѣвающаго совершить избеніе младенцевъ; Рахиля, ребенка которой убиваетъ воинъ; Смерть съ косою въ рукахъ и т. д.

Большей самостоятельностью, независимостью отъ прежнихъ, известныхъ, по крайней мѣрѣ, образцовъ можетъ похвалиться вторая часть „Ж. Вертепа“. Сравнивая ее съ другими интермедіями, мы, съ одной стороны, не находимъ въ ней типовъ, раньше выводившихся на сцену, за то съ другой—появляются новые типы; наконецъ, нѣкоторые типы, попадавшіеся въ прежнихъ интермедіяхъ, въ „Ж. Вертепѣ“ подъ вліяніемъ времениизмѣняютъ нѣсколько свой характеръ.

Къ исчезнувшимъ типамъ принадлежить, прежде всего, Запорожецъ. Память о славномъ Запорожье и его разгульныхъ дѣяхъ мало-по-малу исчезаетъ въ напѣмь народѣ. Знаменательными въ этомъ отношеніи являются слова кобзара Ивана Крюковскаго: теперь „люде старихъ пісень и не слухаютъ. Що прежде старики колись звали співати імъ, а теперъ молоді все позабували; ему співай про старовину, а вінъ не знає, що воно такъ и є“.²⁾) Дѣйствительно, память о прежнихъ народныхъ герояхъ и ихъ дѣяняхъ ослабѣваетъ уже среди простыхъ малороссовъ; ослаѣваетъ поэтому и интересъ къ этимъ героямъ; этимъ отчасти

¹⁾ „Воспоминанія М. К. Чалаго.“ „Киевская Старина“ 1889 г., январь.

²⁾ „Киев. Стар.“ 1882 г., дек. 485.

можно объяснить фактъ постепенного вымирания кобзарей—пѣвцовъ забываемой, мало уже извѣстной народу старины. Исчезаетъ память не только объ отдаленныхъ герояхъ, но даже о цѣломъ Запорожье, этомъ мѣстѣ спасенія малороссовъ отъ всевозможныхъ бѣдъ. Правда, имя запорожца еще сохранилось въ устахъ народа, но уже не съ тѣмъ значеніемъ, съ какимъ оно связывается въ головѣ человѣка, слыхавшаго про нашихъ сѣчевиковъ; на малорусскихъ свадьбахъ, во время раздачи коровай, часть его отдается „запорожцамъ“, т. е. лицамъ, находящимся не въ хатѣ, а въ сѣняхъ и во дворѣ, вообще — „за порогомъ“ хаты.—Понятно поэтому, что Запорожецъ, выведенный въ „Ж. Вертепѣ“, явился бы анахронизмомъ. Тѣмъ не менѣе, отличительныя черты гулыиваго рыцаря украинскихъ степей сохранены въ „Живомъ Вертепѣ“, только онъ перенесены уже на Донскаго Казака. Подобно Запорожцу прежнихъ интерлюдій, Донской Казакъ—гуляка, не любящій никому ни въ чёмъ уступать; онъ не прочь побаловаться съ дѣвушками, хотя и не приходить въ отчаяніе подобно Лыцарю (о немъ см. ниже), въ случаѣ неудачи; не тужить онъ, попавъ въ бѣду, подсмѣивается надъ собой и другими; Д. Казакъ любить свою Україну въ особенности за то, что въ ней не встречаются ни татары, ни ляхи, ни жиды — вѣчные враги малоросса. Эту вражду малоросса къ полякамъ, татарамъ и евреямъ находимъ мы и въ другихъ интермедіяхъ. Такъ, въ одномъ драматическомъ произведеніи¹⁾, довольно вѣрно рисующемъ отношенія Малороссіи къ Польшѣ, говорится, между прочимъ:

¹⁾ Составлено оно, по мнѣнію Н. Петрова („Кіевск. Иск. Литер. XVIII в.“ Тр. К. Д. Ак., 1879 г. окт.), Феофаномъ Трофимовичемъ; по мнѣнію другихъ (Максимовича)—Феофаномъ Прокоповичемъ (см. „Малороссія въ исторіи ея литературы“ Ив. Прыжова). Полное заглавіе этого произведенія такое: „Милость Божія Україну отъ неудобъ носимыхъ обидъ людскихъ чрезъ Богдана Зиновія Хильнищаго преславнаго войскъ Запорожскихъ гетмана свободившай и дарованными ему надъ ляхами побѣдами возвеличившай, на незабвенну толикихъ его щедротъ память препрезентованная въ училищахъ кіевскихъ въ 1728 году.“ Максимовичъ полагалъ, что эта драма написана была во время пребыванія въ Москвѣ малор. гетмана Даниила Апостола (Чтен. 1859. I, 77), Издана Бодянскимъ въ „Чт. Имп. Общ. Ист. и Др.“ 1858, Антоновичемъ и Драгомановымъ при П. т. „Ист. пѣс. мал. нар.“ и въ I т. собраний сочиненій М. А. Максимовича; выдержки помѣщены въ указанной статьѣ Петрова.

Чого намъ не дѣлають ляхи и зъ жидами!
Честь и славу въ нивочто нашу обращаютъ,
Козацкое потребить имя помышляютъ“.

Казаки за всѣ свои услуги полякамъ оть нихъ
Терпѣли толикіе, толь тяжкіе бѣды:
Грабленія, насильства, утиски, досады,
Узы и прочая...“

Поляки больные другихъ враговъ принесли зла казакамъ. Одни только жиды могутъ сравняться въ этомъ отношеніи съ поляками. Въ „Истор. пѣсняхъ малор. народа“ (т. II, стр. 25 · 26). читаемъ:

...Стали жиды великий одкуп давати—
Стали один од одного на милю оранди становити...
Як іде українській козакъ, то й корчму минае,
А жид вибігає, та українського козака за чуб хватає,
Та ще єго двома кулаками по потилиці затинає...
Коло українського козака всю зброю одирає...

Рельефно рисуетъ звѣрскія отношенія поляковъ къ малороссамъ и другой писатель первой половины XVIII в. Митрофанъ Довгавлевскій въ интерлюдіяхъ къ своимъ мистеріямъ. „Здѣсь безчеловѣчныя отношенія поляковъ къ белорусскимъ и украинскимъ „хлопамъ“ представлены такъ ярко, что не смотря, на комическій характеръ интерлюдій, онъ скорѣе производятъ трагическое впечатлѣніе и возмущаютъ читателя до глубины души. Такова особенно пятая пасхальная интерлюдія, представляющая слѣдующую сцену: ляхъ вывозитъ мужика въ клѣткѣ на торгъ и запродаеть жиду за 100 золотыхъ!“¹⁾ Подобная жестокости поляковъ возбудили вполнѣ справедливую ненависть въ нашемъ народѣ, память о которой только теперь начинаетъ исчезать. Но жива еще ненависть малоросса къ жидамъ, такъ какъ и теперь еще иногда—

„Жидамъ кланяются и шапку въ рукахъ носятъ
Передъ ними, и ихъ якъ пановъ якихъ просятъ.²⁾

Наравнѣ съ жидами и поляками казакамъ приходилось бороться и съ татарами; и хотя эта борьба со степными хищниками

¹⁾ Петровъ: „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Киевской Академіи...“ Тр. К. Дух. Ак. 1866 г. ноябрь.

²⁾ „Милость Божія“ и пр.

давно прекратилась, однако, память объ ихъ набѣгахъ сохранилась еще отчасти среди малороссовъ наряду съ памятью объ еврейскихъ грабежахъ и насилияхъ поляковъ. И вотъ отзовыки этой памяти мы и находимъ въ словахъ Д. Казака:

Да немае лучше,

Да немае краше,

О якъ у насъ на Вкраини,

что не повышшь ни жыда, ни ляха ни того... татарына.“

Близкій варіантъ этой пѣсни мы находимъ въ вертепахъ Маркевича и Галагана. Но она имѣть совершенно иное значеніе въ устахъ Запорожца и въ устахъ Д. Казака. Въ вертепѣ Галагана эта пѣсня Запорожца раздается сейчасъ же захвастиливыми словами поляка, который, заслышивъ ее, убѣгаеть; здѣсь она является какъ бы отрицательнымъ отвѣтомъ на угрозу поляка, что онъ

„Еденъ тшиздзести гайдамакъ забie!“

При другихъ обстоятельствахъ поется она въ „Живомъ Вертепѣ“ и оттого получаетъ совершенно иное значеніе: не успѣваетъ Д. Казакъ произнести послѣднихъ словъ пѣсни, какъ на сценѣ появляется жидъ, который какъ своимъ появлениемъ, такъ и дальнѣйшей прѣдѣлкой съ пьянымъ казакомъ какъ-бы наглядно доказываетъ, что этотъ взглядъ на окончательное освобождевіе Малороссіи отъ ея враговъ пока еще не болѣе, какъ не соответствующая дѣйствительности утопія. Правда, въ „Ж. Вертепѣ“ не выводится ни полякъ, ни татаринъ,—ихъ роль по отношенію къ Украинѣ отошла уже въ вѣчность; народъ можетъ вспоминать о нихъ въ пѣсняхъ, преданіяхъ, но не станетъ выводить въ драмѣ, которая имѣть дѣло непосредственно съ текущей жизнью; но зато авторъ (который, замѣтимъ, въ этомъ мѣстѣ высказалъ замѣчательное сценическое чутье) очень кстати вывелъ на сцену еврея, который далеко еще не потерялъ и теперь своего значенія въ Малороссіи и который поэтому теперь еще пользуется народною нелюбовью, проявившейся хотя-бы въ послѣднемъ „жидотрепанії“. Конечно, евреи теперь не имѣютъ той силы, какою пользовались они при полякахъ; они теперь не могутъ открыто издѣваться надъ мужикомъ и обирать его; сцены, гдѣ жидъ покупаетъ мужиковъ и вяжетъ имъ руки и ноги (см. интерлюдіи М. Довгальевскаго), для нашего времени были бы анахронизмомъ; поэтому

жидъ, выводимый въ „Ж. Вертепѣ“, уже не имѣть тѣхъ чертъ самонадѣянности, какія мы видимъ въ прежнихъ интерлюдіяхъ; не видя себѣ посторонней поддержки, онъ лично нападаетъ на врага только безпомощнаго, опоенаго водкой; прежде нахальство его значительно поубавилось; сравнительно поубавилась всѣдствіе этого и ненависть къ нему малоросса: въ вертепахъ Галагана и Чалаго Запорожецъ убиваетъ Жида, между тѣмъ какъ въ „Ж. Вертепѣ“ Д. Казакъ только наносить ему удары: народъ уже не требуетъ кровавой мести; да и самые удары, которыми на граждаетъ Казакъ пойманнаго на мѣстѣ преступленія Жида, скользѣ, чѣмъ дѣйствительное наказаніе, представляютъ собою насмѣшку надъ храбрымъ потомствомъ Израиля, насмѣшку, которая часто проявляется у простого народа въ обращеніи съ евреями.

Въ Жида въ „Ж. Вертепѣ“ сохранена характерная черта евреевъ вообще— страсть къ наживѣ безъ разбора средствъ; пользуясь мнимымъ опьяненіемъ Казака, онъ хочетъ обобрать его. Намъ кажется, что эта сцена отзывается гораздо болѣе жизненною правдою, чѣмъ подобная же сцена въ вертепѣ Галагана, гдѣ еврей не обираѣтъ, а душитъ колѣнами охмѣлѣвшаго Запорожца.

Въ вертепѣ Галагана выводится между прочимъ уніатскій попъ. Въ прошломъ столѣтіи этотъ типъ былъ понятенъ народу; но въ „Жида въ Вертепѣ“ уніатскій попъ, какъ непонятный и неинтересный для зрителей, уже не появляется.

Непоявляется, повидимому, въ „Ж. Вертепѣ“ и типъ поляка, такъ какъ поляки не имѣютъ теперь большого значенія особенно для восточной, лѣзобережной половины Украины. Но намъ кажется, что Наполеонъ, являющійся въ 2-мъ дѣйствіи, отчасти замѣвилъ собою поляка прежнихъ интерлюдій. Въ самомъ дѣлѣ, отличительная черта Наполеона въ „Ж. Вертепѣ“—хвастливость; эта же черта считается и особенностью поляковъ.

— „По ты, не эдукована кобито, мувишъ?
Якъ Бога кохамъ,
Едень тшиздзести гайдамакъ забie!“ —

хвастливо и гордо отвѣчаетъ полякъ своей женѣ на ея предложеніе спрятаться отъ гайдамакъ; но заслышивъ только голосъ Запорожца, онъ быстро удираетъ со сцены ¹⁾). Такою же гордостью и пустою хвастливостью отзываются и слова Наполеона:

¹⁾ См. „Кiev. Стар.“ 1882 г. окт.

„На престоли сидю и все земли забираю...
А я возьму трость и державу, и почтуть меня королёмъ,
земнымъ богомъ“.

Но его похвальба оказывается пустою: этого земного бога оставляетъ въ дурацахъ простой, плюгавый съ виду мужикъ. Самая форма обращенія Наполеона: „дуракъ мужикъ!“ напоминаетъ презрительное отионеніе поляка къ „хлопу“, который въ его глазахъ не болѣе, какъ пса-кревъ. Такимъ образомъ, Наполеона, какъ кажется, не слѣдуетъ считать вполнѣ новымъ типомъ; это, вѣроятно, тотъ же полскій панъ, только принявший образъ французского императора. Впрочемъ, въ начальномъ монологѣ 2-го дѣйствія находимъ намеки и на дѣйствительного Наполеона (иронический намекъ на Москву, помѣщенный вслѣдъ за хвастливыми словами о неограниченномъ могуществѣ императора¹⁾).

Въ прежнихъ интерлюдіяхъ (напр., у Довгалевскаго), если и выводился на сцену простой народъ, то, въ большинствѣ случаевъ, въ роли обижаемаго ²⁾. Въ вертепѣ Галагана Климъ, представитель простого народа, уже грозить цыгану и дурачить „кондака“ (дьяка), отдавъ ему вмѣсто денегъ за правоученіе сына санью, у которой „ребра такъ и свѣтятся“.

„Отъ бачъ, жінко, що я можу! —
хвастаетъ послѣ этого Климъ:

Свиняка-бѣ и дома пропала,
А дяку платитъ за сина пора настала,
Теперь же ми зъ нимъ рощитались
И цілі гроши въ насъ остались“. ³⁾

Но „нельзя не замѣтить, — совершенно вѣрно пишетъ г. Галаганъ, — что какъ въ первой сценѣ свѣтской части вертепнаго представленія, такъ и въ сценѣ Клима съ его бѣднымъ хозяйствомъ, простолюдинъ изображенъ скорѣе съ оттѣнкомъ комическими, чѣмъ юмористическими: это, вѣроятно, произошло отъ того, что составители вертепнаго представленія того времени чувствовали себя по развитію своему неизмѣримо выше

¹⁾ Непонятно только, зачѣмъ здесь рядомъ съ Москвою упоминается Полтава; не связывается ли съ Наполеономъ Карлъ XII, для которого Полтава была таинственное роковое мѣсто, какимъ для Наполеона Москва?

²⁾ Такъ, панъ колотить лягушка; полякъ продаетъ жиду мужиковъ; мужики обманываютъ московские ярыги.

³⁾ „Кiev. Стар.“ 1882 г. окт.

посполитаго мужика, на котораго смотрѣли скорѣе съ чувствомъ снисхожденія, чѣмъ съ какимъ либо другимъ чувствомъ". Нельзя сказать, чтобы одно только чувство снисхожденія руководило авторомъ „Ж. Вертепа," когда онъ выводилъ своего мужика. Правда, и этотъ мужикъ съ виду неказистъ; но его вицьшия неказистость имѣеть свое значеніе: она еще въ болѣе яркихъ чертахъ представляется, въ какихъ дуракахъ остался „панъ". Мужикъ уже не выводится вѣчнымъ „попихачемъ жицвскимъ"; прокинувшись дуракомъ, онъ довольно дерзко говорить съ паномъ, называетъ его своей свиньей, суетъ Наполеону подъ самыи носъ палку и уходить, потѣшившись вдоволь надъ прежнимъ своимъ „земнымъ богомъ". Мужикъ здѣсь является какъ бы мстителемъ, незлобнымъ, правда, за свое прежнее униженіе.

Въ типѣ Цыгана и Цыганки отмѣчена, главнымъ образомъ, одна характерная черта цыганъ—ихъ попрошайничество. Роль цыганки, въ „Ж. Вертепѣ" та же, что и нищаго Савочки въ вертепахъ Галагана и Чалаго: собирающе подаяній.

Совершенно самостоятельнымъ, не имѣющимъ, кажется, ничего аналогичнаго себѣ въ прежнихъ интермедіяхъ, является все 4 дѣйствіе. Лыцарь и Дѣвунка—это даль романтическимъ требованіямъ первой половины XIX в.; самые типы эти составлены, новидимому, подъ сильнымъ вліяніемъ „новѣйшихъ пѣсениковъ". Любовь въ прежнихъ интермедіяхъ не играла особенно видной роли: если Запорожецъ заигрываетъ иногда съ шинкаркой Фесей (вертепъ Галагана), то онъ скоро и прогоняетъ ее отъ себя; если онъ называетъ ее по временамъ вѣжными именами: „Фесю, сердце, голубко", то немедленно же угощаетъ ее и совершенно обратными эпитетами: „Відчини, капостна халява".... Любовь не имѣеть здѣсь кровавой развязки.—Въ „Живомъ Вертепѣ" на любви основано все 4 дѣйствіе, оканчивающееся гибелью дѣвушки; любовь здѣсь не является уже забавой отъ скуки: Лыцарь жалуется, что влюбившись онъ сдѣлался навсегда несчастнымъ; только „среди войны кровавой" надѣется онъ освободиться отъ своей безнадежной любви.—Впрочемъ, и зрители и актеры чувствуютъ всю неестественность этого дѣйствія, что видно изъ послѣднихъ юмористическихъ словъ, раздающихся изъ-за ширмы послѣ похоронной пѣсни.

А Малинка.

Очерки Пошехонья.

I. Семейные нравы и обычай.

1. Отношение к женщине. Бракъ.

Крестьянская женщина въ Пошехонскомъ уѣздѣ въ большинствѣ случаевъ почти вполнѣ равноправна мужчинѣ. И не удивительно: въ мѣстномъ хозяйствѣ она бываетъ во многомъ полезнѣе даже мужчины. Обязанности жены по дому, въ которыхъ мужъ уже не вступается, состоять въ обшиваніи семьи, уходѣ за дѣтьми, стяпнѣ, уборкѣ и примывкѣ избы и, наконецъ, обработкѣ льна. Работы по сельскому хозяйству ведутся женой наравнѣ съ мужемъ. Во время ухода мужей на отхожіе промыслы многія женщины исправляютъ всѣ домашнія работы, какъ мужскія, такъ и женскія: ъзывать за дровами, за сѣномъ, а нѣкоторыя даже и оруть пашню. Неудивительно, что женщина, особенно хорошая хозяйка, пользуется глубокимъ уваженіемъ. Жена является, согласно мѣстнымъ обычаямъ, представительницей интересовъ мужа съ правомъ голоса на волостныхъ и сельскихъ сходахъ.

Нарушеніе цѣломудрія замужнею женщиной въ прежнее время встречалось очень рѣдко, и на него смотрѣли, какъ на страшное преступленіе. Въ послѣднее время невѣрность со стороны мужа или жены стала появляться чаще и чаще. Зачастую можно услышать нынѣ въ народѣ поговорки: „не лужа — достанется и мужу“; „не мыло — не смылится“... На нарушеніе цѣломудрія дѣвушкою народъ смотрѣтъ не такъ презрительно, какъ на прелюбодѣяніе; въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ варушеніе цѣломудрія дѣвушкою считается дѣломъ пустяковиннымъ; поговорки: „чего хочется — никогда не грѣхъ“, „все равно червяки съѣдятъ“ (т. е. тѣло) и т. п., — можно слышать нерѣдко изъ устъ народа. Федосѣвцы,

странники и филипповцы вообще не считаютъ плотскаго сожитія съ кѣмъ либо за грѣхъ: ови говорятьъ, что гдѣ любовь, тамъ и Богъ. Всѣ эти согласы существуютъ во многихъ мѣстахъ Пошехонскаго уѣзда. Нѣкоторые изъ раскольниковъ плотское сожитіе называютъ даже „Христовой любовью“.

Заключеніе браковъ и до сихъ поръ сопровождается многими обычаями и обрядами, хотя всѣ эти обычай и обряды съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе исчезаютъ изъ памяти народа¹⁾: въ настоящее время ови выполняются во всей своей цѣлости очень и очень рѣдко. Напротивъ, въ послѣднее время все чаще и чаще стали устраиваться между крестьянами свадбы безъ всякой помпы—безъ дѣвичника, безъ поѣздокъ, и даже безъ столовъ. Пріѣдетъ женихъ къ священнику, переговорить о чемъ нужно, и въ назначенный день пріѣзжаетъ въ церковь только вдвоемъ съ невѣстой, прихвативъ развѣ только дружку или сваху. Съ одной стороны нельзѧ не порадоваться такому явленію, такъ какъ свадебные расходы, не говоря уже о ихъ непроизводительности, очень часто бываютъ совершенно непосильны для крестьянскаго бюджета.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пошехонскаго уѣзда (вапр. на Уятомъ); для избѣжанія свадебныхъ расходовъ, давно уже практикуются такъ называемыя свадьбы „самоходки“ или „самокрутки“. Родители жениха и невѣсты, сдѣлавъ между собою все дѣло секретно, поручаютъ жениху увезти свою нареченную невѣсту и обвѣнчаться съ нею тайкомъ, обставивъ все дѣло такъ, какъ будто свадьба произошла противъ желанія и воли родителей. При такой постановкѣ дѣла, конечно, не можетъ быть и рѣчи о свадебныхъ пирахъ, и въ карманѣ молодыхъ остается нѣсколько десятковъ рублей, не говоря уже о томъ, что они избѣ-

¹⁾ Описаніе крестьянской свадьбы въ Пош. уѣзде можно найти въ ст. С. Я. Дерунова „Крестьянская свадьба“. Труды Яр. Стат. Ком. V в. 1869 г. Ярославль. Нѣкоторыя даныя объ этомъ предметѣ можно найти въ ст. „Крестьянская свадьба въ Яросл. губ.“ (Яр. Губ. Вѣд. 1891 г. № 40 и дальниѣшіе), статьѣ, составленной на основаніи материаловъ, собранныхъ въ Ростовскомъ у. В. Ивановскимъ, Пошехонскимъ—А. В. Баловытъ, Любимскомъ—Милославовымъ, Ярославскомъ—В. Мухинымъ, С. Борисоглѣбскомъ—С. Секомовымъ и Рыбинскомъ—Георгиевскимъ и Родосскимъ. Статья эта нечитаніемъ ве окончена, нечитаніе ея прекращено нынѣ началѣ ея. Помѣщая описание свадьбы въ Пошехонскомъ уѣзда, мы имѣемъ въ виду главный образъ южную часть Пошехонскаго уѣзда, Ярославской губерніи.

гаютъ долговъ, которые приходится иногда выплачивать по нѣ сколько лѣтъ.

Нельзя, конечно, не одобрить появившееся за послѣднее время между крестьянами это стремлѣніе избѣжать свадебныхъ расходовъ не по средствамъ, но въ то же время нельзя не указать и на другую сторону современной крестьянской свадьбы, гдѣ мы видимъ факты далеко не желательные.

Такъ, напр., со времени введенія всесословной повинности парни въ нашей мѣстности избѣгаютъ жениться ранѣе достижениія 21 года, т. е. до отбыванія воинской повинности, а обыкновенно, отбывъ эту повинность, вступаютъ въ бракъ 26—27, а нерѣдко и 30 лѣтъ. Нелишнимъ считаемъ въ данномъ случаѣ подтвердить наши слова для примѣра цифрами относительно возраста бракосочетавшихся въ приходѣ села Борисоглѣбскаго на Согѣ, Трушковской волости. Въ означенномъ приходѣ изъ всѣхъ мужчинъ, сочетавшихся бракомъ, было не старше 21 года: въ 1865 г.—50%, въ 1866 г.—50%, въ 1867 г.—71%, въ 1868 г.—45%, въ 1869 г.—55%, тогда какъ въ 1884 г.—33%, въ 1885 г.—30%, въ 1886 г.—13%, въ 1887 г.—22%, въ 1888 г.—26%. Такое явленіе, конечно, нельзя назвать желательнымъ¹⁾.

Въ устройствѣ крестьянской свадьбы немаловажно значеніе имѣть экономическая сторона. Женихъ, т. е. задумавшій жениться молодецъ, повысмотрѣвъ дѣвицъ и намѣтивъ подходящую для себя невѣсту, обращаетъ свое вниманіе и на ея приданое. Съ другой стороны и родители жениха не выдадутъ дочь свою, не узнавши нисколько жениха и его достатковъ.

Высматриваніе невѣсты служитъ обыкновенно прологомъ къ крестьянской свадѣбѣ. Производится оно обыкновенно на хороводныхъ гуляньяхъ, гдѣ они сохранились, а больше на зимнихъ дѣвичихъ „бесѣдахъ“, „свозахъ“, или собраніяхъ, на которыхъ

¹⁾ Мы беремъ цифры изъ официальныхъ документовъ (обычныхъ книгъ) п. села Борисоглѣбскаго. Подобное же явленіе замѣчается и въ другихъ мѣстностяхъ уѣзда. Желательно бы было иметь по данному вопросу свѣдѣнія изъ большого района. Сведения о бракосочетавшихся, получаемыя отъ священниковъ мѣстнымъ статистическимъ комитетомъ, не могутъ въ данномъ случаѣ имѣть большого значенія, такъ какъ въ карточкахъ, разсыпаемыхъ ежегодно комитетомъ, возрастъ брачущихся определяется пятилетіями: съ 18—20, 20—25, 25—30 лѣтъ и т. д.

больше гуляетъ задумавшій жевитъся молодецъ. Замѣтимъ здѣсь, что обычная практика, руководствуясь хозяйственными разсчетами, пріурочила совершеніе свадебъ преимущественно къ зимнему мясоѣду, какъ къ самому свободному для крестьянъ времени. Бываютъ, конечно, свадьбы и въ другое время, но въ какихънибудь экстренныхъ случаяхъ и по требованію особыхъ обстоятельствъ.

Пока женихъ разѣзжаетъ по окрестнымъ деревнямъ, гулять на бесѣдахъ и собраніяхъ, родители и близкіе родственники его, путемъ различныхъ справокъ и развѣдокъ черезъ разныхъ кумушекъ и сватушекъ, стараются разузнать объ окрестныхъ невѣстахъ, о характерѣ ихъ, о достаткахъ и довольствѣ ихъ родителей. Приданое невѣсты въ большинствѣ случаевъ является необходимымъ условіемъ и чѣмъ богаче женихъ, тѣмъ выше предъявляемыя имъ имущественные требования. Въ свою очередь и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ со стороны жениха дается „выводъ“ отцу и матери невѣсты, какъ вознагражденіе за потерю рабочей силы. Впрочемъ, обычай давать выводъ за послѣднее время все болѣе и болѣе падаетъ. Размѣръ вывода простирается отъ 30 до 100 и болѣе рублей.

Намѣтивши себѣ невѣstu, въ большинствѣ случаевъ изъ дѣвицъ окрестныхъ деревень, женихъ начинаетъ и открытое свадебное дѣло. Начинается оно почти всегда такъ называемыми „смотринами“ невѣсты. Въ сопровожденіи родителей и близкихъ родственниковъ женихъ прїезжаетъ въ ту деревню, где живеть намѣченная имъ невѣста, прїезжаетъ обыкновенно къ бесѣдѣ (т. е. къ 6—7 часамъ вечера), куда всѣ тотчасъ и отправляются. Если дѣвшка понравилась родителямъ жениха, то въ этотъ же вечеръ, или самое большее на другой день, къ родителямъ избранницы посыпается „сватунья“¹⁾, которая и объявляетъ имъ, что товаръ любъ купцу. Сватунья, уговорившись съ родителями невѣсты, оповѣщаетъ затѣмъ жениха о днѣ „смотринъ“.

На смотринѣ женихъ прїезжаетъ обязательно съ отцомъ и съ матерью. Угощеніе жениху и его роднымъ предлагается невѣстѣ. Во

¹⁾ Не слѣдуетъ смѣшивать со свахой, официальнымъ лицомъ въ свадебной церемоніи.

время смотринъ показывается жениху и его родителямъ приданое невѣсты, а также рѣшаются вопросы о количествѣ приданаго и о выводѣ, если онъ принять въ данной мѣстности. Если та и другая сторона въ означенныхъ вопросахъ сойдутся, то назначается день, когда родители невѣсты должны прѣѣхать смотрѣть „домъ жениха“.

Въ назначенный день родители невѣсты прїѣзжаютъ къ жениху и осматриваютъ его достатки, начиная съ дона и кончая ригою и сарайми. Всему дѣлается самый тщательный осмотръ. Ни до осмотра, ни во время его прїѣхавшіе отъ родителей жениха никакого угощенія не принимаютъ и даже не садятся (послѣднее соблюдается строго).

Осмотрѣвъ имѣніе жениха, приступаютъ къ окончательнымъ уговорамъ. Если дѣло почему нибудь не сходится, то родители и родственники невѣсты, не принимая угощенія, сейчасъ же уѣзжаютъ домой. Если же дѣло сладится, то сейчасъ же слѣдуетъ „рукобитье и богомолье“, послѣ которыхъ слѣдуетъ угощеніе. Угощеніемъ обыкновенно заканчиваются „смотрини дома“.

Съ этого времени дѣвушка уже получаетъ название „головорѣнки“. Подруги невѣсты съ этого дня почти вплоть до самой свадьбы проживаютъ у невѣсты, приготовляя ей приданое. Женихъ почти ежедневно посѣщаетъ невѣstu: таіа поѣздки жениха къ невѣстѣ извѣстны подъ названіемъ „поѣздокъ на поцѣлуи.“ Они продолжаются до самого дѣвичника.

Дѣвичникъ происходитъ обыкновенно въ домѣ невѣсты наканунѣ свадьбы. На дѣвичникѣ присутствуютъ женихъ, родственники жениха и невѣсты, подруги невѣсты и сама невѣста, или головорѣнка. Головоренка сидѣть обыкновенно за столомъ. Всѣ вновь приходящіе гости усаживаются за столъ или по лавкамъ. Послѣ всѣхъ приходятъ подруги невѣсты; онѣ приносятъ съ собою и ставятъ на столъ передъ невѣстою: „дѣвью красоту“, т. е. небольшое деревце, украшенное разноцвѣтными лентами и бантиками. Невѣста на дѣвичникѣ сидѣть неодѣтая, накинувъ себѣ на плечи какую-нибудь простыню. Возлѣ нея садится и женихъ. Прїѣхавши на дѣвичникъ и здороваясь съ невѣстой, женихъ своею ногою крѣпко давитъ ногу послѣдней. Ни женихъ, ни невѣста въ теченіи дѣвичника не плашутъ. Когда передъ невѣстою поставятъ „дѣвью красоту“, невѣста начинаетъ причитать:

Вы подите-ко, мой голубушки,
Мой иные подруженьки,
Вы подите-ко, да не прогнѣвайтесь

На меня то молодешенки,
Молодешеньку, да красну дѣвицу,
Што не вышла въась ве встрѣтила¹⁾, и т. д.

Окончивъ этотъ причѣтъ, невѣста начинаетъ новые причѣты, обращаясь къ своимъ родителямъ, сестрамъ, подругамъ и т. д. Послѣднія обыкновенно отвѣчаютъ ей причетами же на каждый ея причѣтъ. Всѣ эти причѣты заканчиваются обыкновенно слѣдующимъ причетомъ невѣсты:

Вы послушайте, мой голубушки,
Мой иные подруженьки,
Што о чемъ я въась просить буду:

Вы не пойте пѣсни жалостны,
Не пугайте ретива сердца[“]
и т. д.

Послѣ этого причѣта говорѣнки, подруги ея начинаютъ пѣть пѣсни. Изъ пѣсенъ, какія поются на дѣвичникѣ, укажемъ на слѣдующія:

1. Земляничная ягодка,
Она спѣлая, зрылая,
Во сырую пору выросла и т. д.
2. По три утра, по четыре
Приходила сваха сводница и т. д.

3. Раопшаталася грушица,
Передъ яблонькой стоючи:
Расплакалася дѣвшушка и д. т.
4. У броду броду у нѣкаго перевозу
и т. д.

Поются также и разныя другія пѣсни.

Пока дѣвшушки поютъ пѣсни, на столахъ появляется различное угоженіе, послѣ котораго слѣдуютъ танцы. Въ концѣ дѣвичника дѣвшушки подруги невѣсты начинаютъ выхвалять гостей (будущихъ поѣзжанъ) въ особыхъ коротенькихъ пѣсняхъ:

Ужъ какъ кто у насъ на вечерѣ хорошъ?
Какъ хорошъ Александрѣ свѣтъ Васильевичъ:
У него то лицо бѣлое и т. д.

Когда всѣ будущіе поѣзжане будуть такимъ образомъ расхвалиены, сваха или мать невѣсты дарить гостей платками, за что тѣ благодарятъ, выкладывая по одной или по нѣскольку монетъ на тарелку, на которой подносятся подарки. Въ заключеніе дѣвшуш-

¹⁾ Полные тексты относящихся сюда причитаний будуть помѣщены въ великорусскомъ сборнике П. В. Шейна, издаваемомъ Академіей Наукъ. Ред.

ки коротеньками п'еснями выпрашивают себѣ у гостей денегъ на гостинцы. Каждый изъ гостей, получившихъ подарки, кладетъ по одной или по нѣсколько монетъ на тарелку, на которой подносились невѣстини подарки.

Когда женихъ и гости уйдутъ съ дѣвичника, подруги невѣсты ведутъ ее въ баню. Придя изъ бани, невѣста обращается съ пріѣтомъ къ отцу, братьямъ и сестрамъ:

Ты послушай, кормилица батюшко,	Про што да буду спрашивать.
И родимая матушка,	Благодарствуй, родимый батюшва
Што я буду говорить вамъ,	и т. д.

Утромъ въ день брака подруги невѣсты приходятъ будить сговоренку. Послѣдняя, проснувшись, начинаетъ причитать:

Благослови-ко меня, Господи,	Приподняться мнѣ съ постельюшки
Пресвятая Богородица,	магній,
	Со головьюшка со высокаго и т. д.

Какъ только сговоренка окончить этути причеть, подруги ея хватаютъ со стола „дѣвлю красоту“ и выбѣгаютъ изъ комнаты, стараясь произвести при этомъ какъ можно больше шума.

Вставши съ постели невѣста начинаетъ понемногу приготовляться къ вѣнцу. Одѣваютъ невѣstu братъ ея, сестры и подруги. При одѣваніи невѣstu садятъ или на квашню, или на вывернутую на изнанку шубу. Въ чулки невѣстѣ кладутъ обыкновенно деньги; на одежѣ стараются завязать побольше узловъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ невѣста надѣваетъ на себя кусокъ рыбной сѣти.

Сѣть на квашню или на шубу, невѣста обращается прежде всего съ пріѣтомъ къ своему брату:

Ты послушай-ко, соловъ милый	Што сама да сдогадалася:
братъ,	Скоры ноженьки у тя подходчивы,
Ты на что же да умываешься?	Бѣлы рученьки подъёмчивы
Ты на что же да Богу молишься?	На моѣ да ноги скорыѣ,
Ужъ сама я знаю-вѣдаю,	и т. д.

Когда братъ сговоренки надѣнетъ на послѣднюю чулки и башмаки, къ сговоренкѣ подходитъ сестра или близкая ея подруга. Невѣста обращается къ ней съ такимъ пріѣтомъ:

Ты послушай-ко, сестрица милая,	Ужъ сама да сдогадаюся:
Ты послушай, моя голубушка,	У тебя скоры ноженьки подходчивы,

Ты на что же да умываешься,
Ты на что же да Богу молишься? На мою да косу русую
Я сама да знаю-вѣдаю,

У тебя бѣлы рученъки подъѣмчины
На мою да косу русую
и т. д.

Когда сговоренка окончить причеть, сестра ея или ближайшая къ ней ея подруга расплетаетъ ей косу. Ленту изъ косы она береть себѣ. Коса остается расплетенною до тѣхъ поръ, пока невѣста не пріѣдетъ домой изъ-подъ вѣнца. Расплетши косу, сестра сговоренки обращается къ послѣдней съ слѣдующимъ причетомъ:

Расплела я русу косынью,
Выспела, моя голубушка,
Што твою ли ленту алую,
Што твою ли дѣвью красоту,
Не вашла, моя голубушка,

Не вашла въ твоей косѣ
Двухъ ножичковъ булатныхъ,
Двухъ илюочекъ зубатыхъ,
Не обрѣзала я руку бѣлыни,
Не замарала платья цвѣтнаго.

Невѣста въ свою очередь отвѣчаетъ ей такимъ причетомъ:

Ты послушай-ко, мила сестра,
Я обѣ чѣмъ да просить буду,
Во слезахъ да слово вымолвлю:
Ты послушайся, моя голубушка,
Моего наказа крѣпкаго,
Моихъ ли слезъ великихъ,
Што моихъ поклоновъ низкихъ,

Ты красуйся, моя голубушка,
Во моей ли дѣвьей красотѣ,
Во украшеньи моемъ дѣвичьемъ.
Ты носи, моя голубушка,
Што мою ли дѣвью красоту
По праздникамъ гостепріимскімъ
и т. д.

Когда невѣстѣ скажутъ, что за нейѣдуть поѣздане, она начинаеть слѣдующій причеть:

Я засыщала молодешеньки,
Я засыщала красна дѣвица,

Ужъ я по топу вороныхъ коней,
По хвосту шелковыхъ плегей и т. д.

Окончивъ этотъ причеть, невѣста обращается съ новымъ причетомъ къ отцу и къ матери, въ которомъ просить у нихъ родительскаго благословенія.

Благослови-ко меня, Господи,
Пресвятая Богородица,
Ужъ какъ встать, да приподнятися,

На свои да скоры ноженъки,
На чулочки на бумажные,
На башмачки на козловые и т. д.

Послѣ этого причета невѣста получаетъ благословеніе отъ своихъ родителей. Если отца или матери невѣсты нѣть въ жизнѣхъ, то она обращается къ умершему съ такимъ причетомъ:

Ты послушай-ко, родимая матушка,
Што обѣ чѣмъ я говорить буду,
Во слезахъ, да низко кланяться,
Огъ лица, да до пояса,
Отъ пояса до земли.

Ты выйди, родимая матушка,
На улочку проѣзжую
Погледи, родимая матушка,
Што на всѣ четыре стороны
и т. д.

Иногда этот причетъ невѣста говорить на могилѣ умершаго отца или матери. Получивъ отъ родителей благословеніе, невѣста отправляется къ вѣнцу; необходимыми членами невѣстинаго поѣзда являются: посаженный отецъ и посаженная мать невѣсты, дружка невѣсты, сваха; остальные члены называются поѣзжанами. Тѣ же офиціальные лица находятся и въ жениховомъ поѣздѣ. Строго соблюдается, чтобы невѣста вернулась домой изъ-подъ вѣнца отнюдь не тою же самою дорогою, какою онаѣ хала къ вѣнцу. Подъ вѣнецъ невѣсту везутъ вполиѣ еще не одѣтую, лежачую, закрытую простыней. Пріѣхавъ въ церковь, невѣсту наряжаютъ окончательно къ вѣнцу или, какъ говорятъ, „крутятъ“ въ церконої сторожкѣ.

По принятому во многихъ мѣстахъ обычаю, на невѣсту отнюдь не слѣдуетъ надѣвать подъ вѣнецъ русскую рубаху съ оборками и короткими рукавами, а должно надѣвать рубаху долгорукавку. Когда пріѣдутъ изъ-подъ вѣнца, рубаху эту снимаютъ, моютъ затѣмъ въ рѣкѣ и хранять до самой смерти. Обычай перегораживать чѣмъ нибудь дорогу, чтобы получить съ поѣзжанъ вышивку, существуетъ повсемѣстно.

Когда невѣста, получивъ родительское благословеніе, садится на повозку, во многихъ мѣстахъ подруги ея поютъ общеизвѣстную пѣсню:

Отлетала лебедь бѣлая
Прочь отъ стада лебединаго,

Приставала лебедь бѣлая
Ко стаду сѣрыхъ гусей и т. д.

Послѣ вѣнца молодые и всѣ участники свадѣбы пріѣзжаютъ въ домъ невѣсты. Родители молодыхъ встречаютъ послѣднихъ съ хлѣбомъ и солью. Послѣ встречи молодуху сажаютъ и заплетаютъ ей волосы поженски, на двѣ косы. Послѣ этого слѣдуетъ столованье или свадебный пиръ. Молодые сидѣть на первомъ мѣстѣ, но ничего не їдуть: они закусываютъ обыкновенно наскоро еще до столовъ.

Послѣ столовъ родители невѣсты раздаютъ подарки женеховой роднѣ; подарками служатъ чаще всего платки, сорочки, кушаки и т. п. предметы. Когда подарки будутъ разданы (подарки раздаетъ невѣста), молодыхъ отводятъ спать въ холодную горницу или клѣть, а гости бражничаютъ далеко за полночь.

Поутру на другой день молодежь, участвующая на свадѣбѣ, собирается будить молодыхъ. Для этого набираютъ негодной гли-

ианой посуды, которую и бьют о стѣны горницы, въ которой почивали молодые, сопровождая это бряцанье въ трубы, желѣзные сковороды и т. д. до тѣхъ поръ, пока одѣтые уже молодые не выйдутъ изъ горницы.

Пиръ на другой день послѣ брака называется обыкновенно „княжимъ столомъ“. Послѣ княжаго стола невѣста береть въ руки вѣнокъ и начинаетъ мести полъ. Гости кидаются въ это время на полъ деньги, которыя и поступаютъ затѣмъ въ собственность невѣсты.

Послѣ княжаго стола устраивается обыкновенно вечеръ для молодежи и подругъ невѣсты. Вечеръ этотъ открывается появлениемъ молодыхъ. При появлениіи дѣвушекъ поютъ гѣсни:

Всѣ кони подъ коврами,	Не по изюму разливаются.
Одинъ подъ тафтой и т. д.	Бережка то хрустальныя,
Или же:	Древеса то виноградныя,
Не по сахару вода течеть,	Какъ во городѣ во Брымарѣ и т. д.

Послѣ этого вечеръ уже идетъ своимъ чередомъ. Молодые принимаютъ участіе во всѣхъ танцахъ и пляскахъ остальной молодежи.

На третій день послѣ брака устраивается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ церемонія „продажи блиновъ“. Молодуха становится у печи и начинаетъ печь блины; испеченные блины она кладетъ на тарелку, которая ставится на принесенный заранѣе въ избу и опрокинутый вверхъ дномъ плетень, покрытый салфеткою. Гости беруть блины и кладутъ на тарелку деньги, поступающія въ собственность невѣсты.

На четвертый день послѣ вѣнца бываютъ уже „отводины“, т. е. отъѣздъ невѣсты на новое жительство въ домъ жениха.

Первый годъ послѣ брака обвѣнчанная пара носить название „молодыхъ“. Молодыхъ обыкновенно, встрѣчая въ первый разъ послѣ вѣнца, поздравляютъ „съ законнымъ бракомъ“. Родителей жениха или невѣсты поздравляютъ въ данномъ случаѣ „съ молодыми“. У достаточныхъ крестьянъ „молодуха“ въ теченіе первого года послѣ свадьбы не принимается ни за какую крестьянскую работу; у бѣдныхъ это правило, конечно, не соблюдается.

Въ первую масляницу послѣ брака молодые ёздятъ на гулянья, известное подъ названіемъ „кочки“, „горки“ и т. д. Выше мы сказали, что свадебные расходы въ большинствѣ

случаевъ бывають непроизводительны; къ слову замѣтимъ въ настоящее время, что они очень бывають и велики сравнительно съ крестьянскимъ бюджетомъ. Сыграть порядочную свадьбу обходится никакъ не менѣе ста рублей серебромъ.

2. Увеселенія: гулянья, „посидѣнки“, „бесѣды“, „свозы“.

Лѣтъ съ пятнадцати молодая крестьянская дѣвушка уже начинаетъ, по выражению народа, „неѣститься“, т. е. принимать участіе въ увеселеніяхъ взрослой молодежи. Точно то-же самое можно сказать и о мальчикахъ.

Сближается крестьянская молодежь обоего пола другъ съ другомъ на деревенскихъ гуляньяхъ и на „бесѣдахъ“ или вечеринкахъ.

Гулянья начинаются обыкновенно съ ранней весны, какъ только стаетъ снѣгъ, и продолжаются вплоть до глубокой осени. Мѣсто для гулянья выбирается чаще всего какое нибудь возвышенное сухое мѣсто на деревенской улицѣ, обыкновенно близъ качелей¹⁾). На этихъ гуляньяхъ поютъ пѣсни, танцуютъ и водятъ хороводы. Гулянья собираются исключительно въ воскресные и праздничные дни, собираются къ вечеру, часовъ съ пяти-шести по полудни и продолжаются вплоть до полуночи. Если погода стоять неастная, то мѣсто для гулянья избирается пустой сарай, амбаръ или какое нибудь строеніе въ этомъ родѣ.

Съ наступлениемъ длинныхъ осеннихъ вечеровъ начинается въ нашихъ деревняхъ сезонъ „посидѣлокъ“ и „бесѣдъ“. Обыкновенно молодежь начинаетъ „засиживать“, т. е. сбираться на „бесѣды“ и „посидѣлки“, или „посидѣнки“, съ первыхъ чиселъ октября, хотя по настоящему или, какъ говорится, „вплотную“ посидѣнки и бесѣды начинаются только съ конца октября. Въ началѣ октября дѣвушки заняты еще митьемъ, трепаньемъ и чесаньемъ льна; работы эти производятся на тумнахъ, дворахъ и „повѣтихъ“²⁾, и сбираяться на „посидѣлки“ дѣвушкамъ некогда, за исключениемъ развѣ только праздничныхъ дней. Къ концу октября обработка льна у всѣхъ кончается—пора приниматься за пряденіе льна, что и производится крестьянскими дѣвушками на „посидѣлкахъ“.

1) Качели въ Пощеконскомъ уѣздѣ устраиваются двухъ родовъ: обыкновенные „на веревкахъ“ и дѣтскія, къ которыхъ доска подвѣшивается къ перекладинѣ не на веревкахъ, а за жердочкикъ—„прѣляхъ“.

2) Деревенский похостъ надъ дворомъ.

„Посидѣлки“ во многомъ различаются довольно рѣзко отъ „бесѣдъ“. Первые происходятъ не только вечеромъ, но и днемъ, вторыя—исключительно вечеромъ; на первыя дѣвушки сбираются, главнымъ образомъ, чтобы прядь, съ „копылами“, въ довольно простыхъ платьяхъ, на вторыя, т. е. на „бесѣды“, дѣвушки идутъ безъ всякой работы, чтобы повеселиться, въ самыхъ лучшихъ нарядахъ; „посидѣлки“ происходятъ по буднямъ, „бесѣды“ преимущественно въ праздникъ и т. д. Бывають еще „сборные бесѣды“; они отличаются отъ обыкновенныхъ бесѣдъ тѣмъ, что на нихъ являются парни и дѣвушки изъ нѣсколькоихъ окрестныхъ деревень. Сборные бесѣды, или „свозы“, устраиваются поочередно: сначала въ одной деревнѣ, потомъ въ другой и т. д.

На бесѣдахъ бываетъ почти постоянно угощеніе, собираемое на общий счетъ дѣвушекъ (орѣхи, пряники и т. д.).

Помѣщеніе для бесѣдъ и посидѣлокъ дѣвушки каждой деревни прискиваютъ съ осени. Такимъ помѣщеніемъ служить, обыкновенно, просторная изба у малосемейного крестьянина, изба бобылки или, какъ говорятъ у насъ, келейницы и т. п. Плата за снимаемую подъ бесѣды избу уплачивается дѣвушками и уплачивается въ большинствѣ случаевъ работою: въ однихъ мѣстахъ дѣвушки обязуются примывать полы у хозяевъ избы въ теченіе года на всѣ большіе праздники, въ другихъ онѣ обдѣлываютъ имъ извѣстное количество льну и т. д.; иногда вносится и плата деньгами за помѣщеніе одними дѣвушками. Освѣщеніе доставляется ими же въ складчину сообща, причемъ въ этой складчинѣ участвуютъ нерѣдко парни. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бесѣды собираются и иначе: поочередно у каждой взрослой дѣвушки, которая ходитъ на бесѣды. Хозяйка избы въ послѣднемъ случаѣ доставляетъ и освѣщеніе.

Какъ посидѣлки, такъ и бесѣды не бываютъ подъ праздникъ. Начинаясь часовъ съ шести или семи вечера, онѣ продолжаются далеко за полночь. Здѣсь-то молодежь больше всего знакомится и сближается между собою. Парень, ухаживающій за дѣвушкою, называется чаще всего „почетникомъ“ ея, дѣвушка же „почетница“ этого парня. Не имѣть почетника для дѣвушки-невѣсты считается зазорнымъ. Въ большинствѣ случаевъ бываетъ такъ, что почетница становится впослѣдствіи женой资料 of his/her почетника.

Парень, „почетникъ“, садится на посидѣнкахъ и бесѣдахъ рядомъ со своею „почетницей“, онъ танцуетъ преимущественно съ нею и, наконецъ, онъ провожаетъ ее послѣ бесѣды до дома. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть обычай, чтобы во время бесѣды парни сидѣли у дѣвушекъ на колѣняхъ, почетникъ сидитъ у своей почетницы на колѣняхъ. Къ слову замѣтимъ, что этотъ обычай съ каждымъ днемъ выводится все больше и больше. Въ обращеніи парней съ дѣвушками проглядываетъ все больше и больше сдержанности: нескромныя заигрыванія нынѣ уже почти неизвѣстны, поцѣлуи допускаются только тамъ, гдѣ требуетъ этого игра и т. д. Во многихъ мѣстахъ парни говорятъ уже дѣвушкамъ на „вы“. Наряды деревенскихъ дѣвушекъ становятся съ каждымъ днемъ все изысканнѣе и изысканнѣе. Встрѣтить на бесѣдахъ дѣвушку, одѣтую въ шелковое или шерстяное платье, сшитое по послѣдней модѣ—нынѣ не рѣдкость.

Косметическія средства между мѣстными дѣвушками распространены сравнительно не особенно значительно. Чтобы лицо было чистое здоровое, умываются весеннею водою послѣ первого грома изъ ручья или колодца. Вместо румянъ употребляются чаще всего красная бумажки изъ-подъ леденцовъ. Смочивъ эти бумажки, натираютъ ими щеки, отъ чего на послѣднихъ появляется румянецъ. Вместо румянъ употребляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „коло-тикъ“, или „бадяга“, а также корень травы „купелы“, извѣстной въ народѣ подъ названіемъ „Божьей ручки“. Бѣлятся чаще всего обыкновенными свинцовыми бѣлилами. Волосы причесывая намачиваются квасомъ или смазываются коровьимъ или деревяннымъ масломъ. Брови подкрашиваются сурью. Впрочемъ обычай подкрашиватъ лицо и брови не пользуется въ народѣ любовью:

Слободскія то дѣвчонки
Ровно мелковѣкой горохъ:
Щечки клюковкой намажутъ,

Брови углемъ подведутъ,
Брови углемъ подведутъ—
За хорошихъ почтуть,

иронически говорить объ этомъ обычаяхъ народная пѣсня. За послѣднее время среди крестьянскихъ дѣвушекъ все больше и больше входятъ въ употребленіе помада, духи, пудра, дешевыя туалетныя мыла и настоящія румяна и бѣлила.

Чтобы приворожить или, какъ говорятъ, „присушить“ парня къ дѣвушкѣ или наоборотъ, употребляются различныя средства и

заговоры. Специально присухою и привораживаніемъ и отвораживаніемъ занимаются мѣстные колдуны и знахари. Какъ „приворотное“ употребляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такое средство. Должно взять лягушку и закопать ее въ муравейникъ. Если черезъ нѣсколько недѣль раскопать этотъ муравейникъ, то въ немъ окажутся среди прочихъ костей двѣ косточки: одна на подобіе вилки, а другая на подобіе крючка. Если взять косточку на подобіе крючка въ руки и тихонько дотронуться ею до платья дѣвушки, то этимъ можно приворожить къ себѣ дѣвушку. Чтобы отворожить дѣвушку должно дотронуться вилообразной косточкой до ея платья.

Въ стариныхъ народныхъ цвѣтникахъ и травникахъ, какъ средства производящія присуху, указываются травы: „царскія очи“, „эмѣнда“, „Адамова глава“ и др.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вѣрять, что если дѣвушка возьметъ каплю менструаціонныхъ истеченій и, примѣшивъ ее къ пищѣ или питью, дасть выпить или съѣсть какому-либо парню, то послѣдній полюбитъ до безумія эту дѣвушку и будетъ любить во всю жизнь.

Въ другихъ мѣстахъ употребляется такой способъ, чтобы приворожить къ себѣ сердце любимой дѣвушки. Должно взять небольшой пряникъ и, завернувъ его въ тонкую тряпичку, положить подъ мышку правой руки и носить до тѣхъ поръ, пока на томъ не покажется потъ. Послѣ этого пряникъ этотъ даютъ съѣсть любимой дѣвушкѣ и послѣдняя начинаетъ любить послѣ этого горячо даже нелюбимаго прежде парня.

Для той же цѣли должно выдернуть изъ головы у дѣвушки съ корнемъ волосъ и, завязавъ его узломъ, носить при себѣ, но такъ, чтобы дѣвушка этого не знала. Того, кто сдѣлаетъ это, дѣвушка у которой выдернутъ будетъ волосъ, полюбитъ до безумія.

Чтобы женихъ сильнѣе любилъ будущую свою жену, наканунѣ свадьбы въ банѣ вытираютъ все тѣло невѣсты мокрымъ полотенцемъ; полотенце это затѣмъ выжимаютъ и выжатую воду подмѣшиваютъ въ опару. Изъ опары этой печется затѣмъ колобокъ или лепешка, которая и даются съѣсть жениху.

Чтобы мужъ сильнѣе любилъ жену, а жена мужа, должно взять земли между двумя могилами и положить на ту постель, гдѣ спить мужъ съ женою.

Если мужъ измѣняетъ жену, послѣдняя должна взять ежовой щетины, сжечь её и затѣмъ пепель этой разсыпать по постели. Послѣ этого мужъ снова полюбитъ жену и перестанетъ измѣнять ей. Если, наоборотъ, жена измѣняетъ мужу, то послѣдний долженъ взять воробышкой желчи и, вымазавъ ею свой penis, проспать съ женой ночь: послѣдняя послѣ этого снова полюбитъ мужа.

Хотя на нарушение цѣломудрія дѣвушкою народъ смотрить и не такъ строго, какъ на нарушение вѣрности замужнею женщиной, тѣмъ не менѣе цѣломудріе ставится народомъ все-таки высоко, и дѣвушка честная, какъ говорятъ, „небалованная“ всегда стоитъ выше мнѣнія народа дѣвушки, потерявшей невинность.

Чтобы узнать, честная ли дѣвушка, за которой ухаживаетъ парень, употребляютъ такое средство: берутъ ржаное зерно, даютъ его дѣвушкѣ и заставляютъ послѣднюю опустить это верно въ ковшъ рѣчной воды. Если дѣвушка не потеряла своей невинности, то зерно будетъ плавать по верху, въ противномъ же случаѣ оно потонетъ.

Во многихъ мѣстахъ вѣрять, что носовой хрящъ дѣвушки или парня, потерявшихъ невинность, раздваивается на самомъ концѣ своею, если дотронуться до него пальцемъ.

Но возвратимся опять къ посидѣнкамъ, бесѣдамъ и свозамъ.

Собираются бесѣды часовъ съ 6—7 вечера и продолжаются часовъ до 2—3-хъ по полуночи. На воскресные и праздничные дни бесѣды никогда не собираются. Начинался съ октября, бесѣды продолжаются вплоть до Великаго поста: съ начала его онѣ прекращаются опять до осени.

Главное развлеченіе молодежи на бесѣдахъ представляютъ изъ себя танцы и пѣсни. Танцуютъ чаще всего кадриль, лансье и коротенъкія¹⁾). За послѣднее время стали проникать въ деревню даже вальсъ и полька: и то и другое намъ привелось видѣть на нѣкоторыхъ бесѣдахъ Николо-Раменской и Займищевской волости. Въ большинствѣ случаевъ танцы совершаются подъ пѣсни съ аккомпанементомъ гармоники („гармошка“,

1) См. о нихъ въ статьѣ г. Архангельского. „Пѣсни и причеты села Дмитріевскаго, Пошехонскаго уѣзда.“ Яр. Губ. Вѣд. 1888 г., а также нѣкоторые изъ хороводныхъ игръ, описанныхъ нами въ статьѣ „Русский хороводъ“ „Саверный Вѣстникъ“ 1889 г. № 6).

„игрушка“ „тальянка“), рѣже подъ одну гармонику. Въ промежуткахъ между танцами поются пѣсни.

Старинныя протяжныя пѣсни все больше и больше вытѣсняются коротевыми¹⁾). Хотя любовь къ пѣнію и пѣснямъ развита въ народѣ довольно сильно, тѣмъ не менѣе искусствомъ въ пѣніи мѣстная молодежь (особенно парни) не отличается. Пѣсни поются въ унисонъ, визгливыми голосами.

Въ промежутки между пѣснями участвующіе на бесѣдѣ парни и дѣвушки также играютъ въ различныя игры, водятъ хороводы.²⁾

Изъ игръ, употребительныхъ въ зимнихъ бесѣдахъ и посидѣнкахъ, укажемъ на игру въ „сосѣди“ и въ фанты. Послѣдняя распространена сравнительно немного и, какъ игру общеизвѣстную, описывать еї мы не будемъ. Игра въ сосѣди состоится въ слѣдующемъ. Участвующіе на бесѣдѣ парни и дѣвушки разсаживаются на лавкахъ попарно. Одинъ изъ играющихъ ходить и спрашиваетъ по порядку каждого изъ играющихъ, доволенъ ли тотъ своей сосѣдкой или сосѣдомъ. При отвѣтѣ „доволенъ“ онъ обращается съ вопросомъ къ слѣдующему, до тѣхъ поръ, пока не получить отвѣта „не доволенъ“. Тогда онъ спрашивается, „кого ему нужно въ сосѣди“. Тотъ, на кого укажетъ недовольный, занимаетъ мѣсто воалѣ него, мѣсто его занимаетъ спрашивавшій, а тотъ, кѣмъ были недовольны, идетъ опрашивать. Иногда ктонибудь изъ участниковъ кричитъ, что онъ недоволенъ всей деревней, тогда всѣ участники въ игрѣ быстро вскакиваютъ со своихъ мѣстъ, стараясь какъ можно скорѣе перемѣниться мѣстами другъ съ другомъ. Тотъ, кто останется безъ мѣста, долженъ ходить и спрашивать.

Кромѣ парней и дѣвушекъ на посидѣкахъ и бесѣдахъ постоянно бываетъ много зрителей—мужиковъ и бабъ. Зрители занимаютъ обыкновенно заднюю часть избы, подъ полатами.

Увеселеніями на бесѣдахъ руководятъ обыкновенно дѣвушки, выдающіяся своею ловкостію, красотою, бойкостію—„славенки“, какъ говорятьъ, и такие же парни—„славники“.

¹⁾ Объ этихъ пѣсняхъ см. наши статьи въ XXXIII. кн. „Этногр. Обозр.“ и въ „Яросл. Губ. Вѣд.“ 1891 г., №№ 71—72.

²⁾ Изъ хороводныхъ игръ наиболѣе распространены въ нашей мѣстности игры 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 10, 11, 14 15 и 17, описанные нами подробно въ статьѣ нашей „Русскій хороводъ“ (Сбв. Вѣст. 1889 г. № 6).

Справедливость требуетъ сказать, что нынѣшнія бесѣды сравнительно съ бесѣдами, какія мы видѣли лѣтъ 15—20 тому назадъ, имѣютъ болѣе порядочности и внѣшнаго приличія. Нескромныя заигрыванія парней съ дѣвушками, нескромныя шутки и пѣсни—все это съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе отходитъ въ область предатія. Если что и встрѣчается нерѣдко предосудительного на нынѣшнихъ крестьянскихъ бесѣдахъ, то это появленіе на нихъ парней въ нетрезвомъ видѣ, ссоры, а нерѣдко и драки между ними и т. д. Противъ этого много разъ администраціей, какъ губернскій, такъ и уѣздной, издавались циркуляры, но въ большинствѣ случаевъ всѣ эти циркуляры не достигали желаемой цѣли, пока, наконецъ, сами крестьяне не стали сознавать все безобразіе и весь вредъ такого молодечества парней и не стали полагать ему предѣлы. За послѣднее время многіе волостные суды за безобразіе и скандалы на бесѣдахъ стали приговаривать парней не только къ штрафамъ и арестамъ, а и къ розгамъ, и число скандаловъ значительно уменьшилось.

Передъ святками начинаются обыкновенно „сборные“ бесѣды или „своязныя“. На такія бесѣды собираются обыкновенно парни и дѣвушки изъ нѣсколькихъ сосѣднихъ деревень. На такихъ сборныхъ бесѣдахъ деревенскіе парни-женихи „выглядываютъ“ или „высматриваютъ“ себѣ невѣстъ изъ чужихъ деревень.

Нечего, конечно, и говорить, что на такія сборные бесѣды дѣвушки являются разодѣтыми во всѣ свои лучшіе наряды. Что касается до послѣднихъ, то въ нихъ замѣчается крайнее щегольство, щегольство не по средствамъ. Почти на половинѣ дѣвушекъ можно видѣть на такихъ бесѣдахъ шерстяныя и шелковыя платья, сшитыя по послѣдней модѣ. Къ сожалѣнію, это щегольство не уменьшается, но годъ отъ году увеличивается.

Святочные посидѣнки и бесѣды разнообразятся тѣмъ, что на нихъ приходятъ ряженые изъсосѣднихъ деревень. Посидѣнки и бесѣды кончаются уже совершенно на масляной недѣлѣ.

Въ великомъ посту хотя дѣвушки и собираются иногда днемъ на супрядки, но ни пѣсенъ, ни плясокъ на этихъ супрадкахъ не бываетъ и парни на нихъ не ходятъ.

Съ Пасхи опять начинаются гулянья. Они замѣняютъ бесѣды и продолжаются до осени. Кромѣ танцевъ и хороводовъ на гулянья-

яхъ играютъ въ „горѣлки“, „огарыши“ или „круговая горѣлки“, въ „жгутъ“, въ „веревочку“, въ „кошку-мышку“ и въ „столбики“¹⁾.

Описавъ увеселенія, существующія у крестьянской молодежи въ Пощеконскомъ уѣздѣ, мы не лишнимъ считаемъ сказать пѣсколько словъ объ отношеніяхъ, существующихъ въ мѣстной крестьянской семье, а также и объ умственныхъ и нравственныхъ чертахъ мѣстныхъ жителей.

Народъ на дѣтей смотрить, какъ на благословеніе Божіе; неимѣніе дѣтей считается немилостью Божіею, почему бездѣтные супруги и принимаютъ часто пріемышей. Чтобы ямѣть дѣтей, прибѣгаютъ иногда къ такому суевѣрному средству: берутъ изъ лалти пятно лыко съ подошвы, высушиваютъ его, стираютъ въ порошокъ и пьютъ на тощахъ по двѣнадцать зорь. О рожденіи мальчиковъ молятся Св. Іоавну Воину, а о рожденіи дѣвочекъ Св. Маріи Египетской (С. Деруновъ).

Власть родителей надъ дѣтьми и до сихъ поръ весьма значительна, во смотря на то, что сравнительно съ прежнимъ она значительно пошатнулась. Въ особенности, по народному мнѣнію, дѣти должны почтительно относиться къ матери; если мать остается вдовою послѣ мужа, то и тогда она является полновластною хозяйкою въ домѣ, даже и при женатыхъ дѣтяхъ. Всякий отецъ имѣеть право непокорныхъ дѣтей лишать наслѣдства и изгонять изъ дома. Дѣти должны почитать родителей и заботиться о нихъ во время ихъ старости. За непочтеніе къ родителямъ Богъ строго наказываетъ неочтитѣльныхъ дѣтей.

„У иѣкоторой матери, говорить одно народное сказалие, былъ сыпокъ: мать онъ не почиталъ — супротивничалъ. А мать, напротивъ, всегда молилась за него Владычицѣ-Богородицѣ и за грубость сыновнюю клала Владычицѣ по трижды три земныхъ поклона. Въ одно время непокорному сыну пришлось перебѣжать рѣку вечеромъ. Поднялась гроза, забушевала рѣка, въ перекувырило лодку, на которой ѿхалъ непокорный сынъ. Онъ

¹⁾ Игры эти были описаны нами въ статьѣ нашей „Рожденіе и воспитаніе дѣтей въ Пощеконскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи“ (Этнogr. Обозр. 1870 г. № 3), и описывать ихъ здесь мы считаемъ излишнимъ.

сталъ утопать и пошелъ ко дну. На волнахъ явилась тогда въ сіяніи Владычица, взяла утопающаго за руку и подвела къ берегу. Взмолился утопающій такъ: „Госпожа Владычица, за что спасаешь многогрѣшнаго?“ А она въ отвѣтѣ: „за молитвы родительницы.“ Съ той поры непокорный сынъ и началъ почитать родительницу мать“. (С. Деруновъ).

Какъ благословеніе, такъ и молитвы родительскія имѣютъ весьма важное значеніе для дѣтей. Дѣти, лишенныя родительскаго благословенія и молитвъ, не могутъ быть счастливыми и долговѣчными на землѣ, а въ будущей жизни не наслѣдуютъ царства небеснаго. Непокорныхъ дѣтей родители иногда проклинаютъ. Проклятие родительское, по народному мнѣнію, можетъ имѣть страшную силу. Вотъ что разсказывается по этому поводу одна народная легенда: „Въ одно время нѣкіе родители молились Господу Богу. Пришелъ въ это время непокорный сынъ, да и пришелъ во хмѣлю. Потревожилъ родителей надсмѣхомъ, а паче руганью скверною. Родители допрежь учивали ¹⁾ непокорнаго сына, а въ это же время передъ лицомъ Господа Бога его прокляли. Сынъ проклятый заскульѣлъ, стремглавъ бросился изъ избы, залаялъ подъ окномъ, да и убѣжалъ въ песьей шкурѣ въ лѣсъ. Сталъ проклятый сынъ оборотнемъ и семь лѣтъ рыскалъ по лѣсу оборотнемъ, а родители его въ это время усердно молились Господу Богу объ обращеніи его вновь въ человѣческій образъ. На восьмой годъ вернулся сынъ къ родителямъ покоренъ и не пьющъ“. ²⁾

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вѣрятъ, что дочь, проклятая матерью, была обращена въ лягушку. Если родители прибѣгаютъ къ волостному суду съ жалобой на непокорность дѣтей, то послѣднай почти постоянно наказываетъ непокорныхъ дѣтей розгами. За послѣднее время, впрочемъ, авторитетъ и власть родительская стали замѣтно падать, точно также какъ упали авторитетъ и власть мужа надъ женою. Старинную пословицу что „жена мужа должна почитать, какъ на церкви главу“, нынѣ уже измѣняютъ такъ: „мужъ жену почитать долженъ, какъ на церкви

¹⁾ Учивали, счували—усовѣщивали, уговаривали.

²⁾ С. Я. Деруновъ. „Село Ковымодельяниское, Щетинской волости, Пощеконского уѣзда“. Яросл. Губ. Вѣд. ч. II. 1889 г. №73.

главу, а жена мужа, какъ на банѣ трубу". Нынѣ не рѣдкость встрѣтить бабу, полновластно распоряжающуюся своимъ мужемъ, и народъ снисходительно смотритъ на такое явленіе, оправдывая его тѣмъ, что „гдѣ голова мочало, тамъ и хвостъ начало".

По своимъ умственнымъ и нравственнымъ чертамъ населеніе Пошехонскаго уѣзда мало чѣмъ отличается отъ населенія остальныхъ уѣздовъ Ярославской губерніи. Какъ и вездѣ, женщины наиболѣе склонны къ старымъ обычаямъ и труднѣе мужчинъ поддаются перемѣнамъ. Поэтому-то въ мѣстностяхъ, зараженныхъ расколомъ, послѣдній поддерживается главнымъ образомъ женщинами. Впрочемъ особеннаго пристрастія къ старинѣ среди мѣстнаго населенія въ настоящее время не замѣчается.

А. Баловъ.

Изъ материалов по этнографии якутовъ¹).

II. Очерки общественной жизни.

1. Рабство у якутовъ.

Рабство у якутовъ, вѣроятно, возникло на почвѣ грубой физической силы, и, кромѣ права сильвана надъ слабымъ, оно не имѣло другого источника происхожденія. Но возникло ли оно самостоительно, позаимствовано ли отъ какого либо другого народа, съ которымъ якуты сталкивались во времена глубокой древности? Изслѣдованіе по этимъ вопросамъ едва ли приведетъ къ желаемому результату, потому что данныхъ для решенія нѣтъ²). Во всякомъ случаѣ, оно явилось какъ результатъ права сильвана; чѣму не мало способствовали войны съ сосѣдними племенами, враждебно относившимися къ якутамъ, какъ повѣствуютъ о томъ преданія и сказки, въ которыхъ говорится, что богатырь, побѣдивъ другого, хочетъ убить лежащаго на землѣ у ногъ побѣдителя. Побѣжденный, обративъ свой взоръ на побѣдителя съ поднятыми руками кверху, умоляетъ его, говоря: „не убивай меня, тоенъ (господинъ), оставь мнѣ жизнь, я тебѣ буду вѣчно служить, буду работать всякую работу, пасти коровъ, лошадей, поить и кормить ихъ, и все что ты прикажешь, то и буду дѣлать безпрекословно, но только не губи меня.“ Побѣдитель, тронутый проосьбами побѣженного, отсѣкаетъ ему руку, ногу и выкалываетъ глазъ. Въ такомъ видѣ, говоритъ побѣдитель, ты мнѣ лучше будешь служить, не причинишь мнѣ никакого зла, и обращаетъ его въ своего „кулута“, т. е. раба.

Кулутъ, какъ говорятъ якуты, былъ въ видѣ полезнаго животнаго, не пользовался никакими правами человѣка и во всякое время могъ быть убитымъ по прихоти тоеня. Когда тоенъ садился на лошадь, отправляясь въ путь, кулутъ подставлялъ ему свою спину, сгибаясь для того, чтобы удобнѣе было сѣсть на лошадь, и во время пути долженъ былъ бѣжать за лошадью, сколько бы такое путешествіе ни продолжилось, устранять на пути препятствія и въ пору, если тяжесть была не подъ силу лошади, онъ долженъ былъ помогать ей тащить или переносить поклажу на себѣ.

¹⁾ См. „Этногр. Обозр.“ XXXIV.

²⁾ Источники: рассказы якутовъ, архивъ Олекминского Окружнаго Полицейскаго Управленія и житіе св. Иннокентія Иркутскаго, изд. 1879 г.

Въ присутствіи тоена кулутъ не имѣть права садиться, и даже если бы тоенъ спалъ, кулутъ, войдя въ юрту его за какимъ либо дѣломъ, долженъ былъ тоже стоять. Онъ не имѣть права вступать въ бракъ безъ согласія тоёна.

Дѣти, рожденныя кулутомъ, дѣлались уже совершенно свободными гражданами, но вступали въ бракъ съ женщинами разными себѣ по имуществу. Тоенъ же съ дочерью кулута, а также и сынъ кулута съ дочерью тоена не вступали между собою въ бракъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, вѣроятно, немаловажное значеніе имѣть имущественный цензъ и сословный предразсудокъ, въ силу которого нельзя было сливаться высшему сословію съ низшимъ, находившимся въполномъ презрѣніи, такъ что теперь слова „кулутъ“ и „хамначить“ у якутовъ служатъ бранными словами.

Но не бываетъ правила безъ исключенія: такъ и здѣсь случалось иногда, что тоенъ вступалъ въ бракъ съ рабыней; напр., въ Олекминскомъ улусѣ, Маджегарскаго noslega, старые якуты помнятъ, какъ князь Артемьевъ, прельщенный красотой рабыни, купленной имъ въ Вилюйскомъ округѣ, женился на ней по обряду православной церкви, и на такой бракъ указываютъ, какъ на замѣчательный и исключительный примѣръ. Я спрашивалъ многихъ инородцевъ относительно вступленія въ бракъ тоена съ рабыней въ прежнія времена и всегда получалъ отрицательный отвѣтъ.

Право сильного, точно также какъ оно выразилось у мужчинъ, съ особенной яркостью выразилось въ порабощеніи женщины, рабство которой продолжается и до настоящаго времени. Проявляется оно въ самой грубой формѣ, какъ это будетъ видно ниже изъ приведенныхъ мною фактovъ. Что же касается до рабства женщины во времена глубокой древности, то, основываясь на сказкахъ, видно, что женщина умыкалась, такъ что во многихъ сказкахъ причиной драки богатыря съ чортомъ или богатыря съ богатыремъ является красивая женщина, украденная въ то время, когда богатырь спалъ 3 года или отлучился на охоту, оставивъ одну въ юртѣ свою сестру или мать, или жену. Богатырь или чортъ, воспользовавшись непробуднымъ сномъ или отсутствиемъ богатыря, пріѣзжаетъ на дворъ и поетъ пѣсню: выходити ко мнѣ скорѣе на поединокъ, я прѣѣхалъ къ тебѣ за твоей дочерью, или сестрой; если не дашь добровольно ее, то я убью тебя и возьму силой твою красавицу. Разсердившись, что къ нему никто не выходитъ, снимаетъ съ юрты потолокъ береть женщину безъ сопротивленія и увозить на крылатомъ конѣ за горы. Богатырь, возвратясь съ охоты, или просыпаясь, съѣдаетъ 3-хъ быковъ за одинъ приемъ и идетъ выручать украденную. Нашавъ на слѣды похищенной красавицы и вызвавъ на поединокъ похитителя, или убиваетъ, если это чортъ, или выкалываетъ глаза, отрубаетъ ногу, если похититель богатырь, проводить его въ

себѣ въ домъ и заставляетъ ходить за коровами и телятами, или быть вмѣсто собаки и караулить имущество его.

Впослѣдствіи, когда умыкать женщинъ было не совсѣмъ безопасно, потому что умыканіе стоило жизни или похитителю или обладателю похищенаго, тогда якуты стали прибѣгать къ покупкѣ, какъ женщинъ, такъ и мужчинъ, и слѣды такой формы рабства сохранились до сего днія съ особенной яркостью.

Женщина раба исполняла всю черную работу, по хозяйству, работала вѣчно, и въ нравственномъ отношеніи участіе ея была незавидна. Нынѣ покупка женщинъ, продолжая существовать, выражается въ формѣ колыма (выкупа). На этомъ основаніи всякий, купившій жену, по народному воззрѣнію, имѣть право ею распоряжаться, какъ угодно, и даже убить ее, если бы за то законъ не налагалъ наказанія; такъ что не рѣдко можно слышать отъ мужей, жестоко обращающихся съ женами, высказывающихъ певоловольствіе на судъ, покровительствующій обиженнымъ женщинамъ: „какой это судъ, встуپается за хотунъ (женщину)!“ Она моя, я ее купилъ, значить, какъ хочу, такъ и поступаю съ ней, и дѣла никому нѣть до моей ссоры съ ней. Тождественный взглядъ на женщину я замѣтилъ и у крестьянъ Олекминского округа, живущихъ по Ленѣ, слившихся съ якутами.

Зажиточные тоёны, какъ разсказываютъ старики якуты, еще очень недавно имѣли по нѣсколько женъ; главенствомъ изъ нихъ пользовалась самая младшая, самая молодая, которой тоенъ отдавалъ предпочтеніе предъ другими, и всѣ права хозяйки, старой жены, отнимались въ пользу молодой, жившей съ нимъ вмѣстѣ; другія жили отдельно, не далеко отъ тоёна, имѣя при себѣ рабынь, на обязанность которыхъ возлагалось вести все хозяйство. Косвенное указаніе на многоженство я встрѣтилъ въ дѣлахъ Олекминского комисарства за 1819 годъ. За этотъ годъ изъ рапорта крестьянскаго выборнаго Янкова видно, что родовичъ 2 Ментской волости Константина Торговкина, имѣя жену, прижилъ съ дѣвицей князца Маджегарского наслега Климонтова блудво сына; поэтому Янковъ просить содѣствія Олекминского комисара о понужденіи Торговкина сына, имѣющаго 2 года отъ рода, окрестить, а также въ рапортѣ выборнаго Олекминского улуса говорится, что къ нему обратилась съ просьбой дѣвка Татьяна Харова, привезенная въ малолѣтствѣ изъ Вилойского округа въ Якутскій, гдѣ прижила сына Нура, по крещеніи Стефана, о записи его по 7 ревизіи въ ревизскія сказки въ 1 Нюрюктейскую волость, гдѣ она живетъ въ качествѣ незаконной у князца Корнилова. Дѣти, украденные или выросшие сиротами въ домѣ тоена дѣлались рабами.

Русскіе, явившись къ якутамъ въ качествѣ просвѣтителей, не только не облагородили ихъ, не только не ослабили рабства, но, усвоивъ этотъ обычай сами, еще болѣе укрѣпили его. Рабы

имѣлись, начиная отъ всесильного якутского воеводы, до послѣдняго казака. Цѣна на раба стояла не особенно высокая до начала нынѣшняго столѣтія, maximum 25 р. ассиг. и фунтъ табаку, minimum 1 р. или бутылка водки. Казаками и чиовнымъ людомъ нерѣдко инородцы всѣхъ возрастовъ обращались въ рабы силой; напр., въ 1783 году Охотскій командиръ Скорняковъ—Писаревъ вмѣстѣ съ поручикомъ Шкадеромъ дѣятельно занимался грабежами и всякаго рода безчинствами надъ жителями г. Якутска. Шкадеръ, желая сохранить награбленное, отправилъ на сохраненіе къ приленскому крестьянину Подымахину вмѣстѣ съ обращенными въ крѣпостные 2-ма русскими и якуткой. Воеводы и служилые, обращая въ рабовъ инородцевъ, не обходили своимъ вниманіемъ и русскихъ; такъ, напр., изъ дѣлъ Олекминского комисарства за 1819 годъ видно, что совѣтникомъ Купріяновымъ, умершимъ въ этомъ году, была обращена въ крѣпостные крестьянка Амгинской деревни, Олекминского округа, Марья Сократова, водворенная къ мѣсту своего жительства, какъ не имѣющая узаконенного вида. Какъ Сократова сдѣлалась крѣпостной, и почему для нея потребовался видъ только послѣ смерти Купріянова, и почему у нея не порвана была связь съ обществомъ крестьянъ д. Амгинской? Развѣясненія въ дѣлѣ я не нашелъ.

Помимо захвата силой рабовъ въ 17 и 18 столѣтіяхъ практиковалось еще одно могущественное средство русскимъ правящимъ классомъ и даже крестьянами,—это было крещеніе, дававшее право не только крещенаго инородца обращать въ раба, но и передавать его по наслѣдству родственникамъ. Продажа рабовъ въ то время была явленіемъ самымъ обыкновеннымъ и даже освящена закономъ, въ силу которого каждый казакъ имѣлъ рабовъ, проигрывалъ ихъ въ карты и снова ловилъ ихъ. Худое то было ремя, говорять старые якуты, слышавшіе разсказы своихъ дѣдовъ. Бывало, говорятъ они, если прѣѣзжалъ зачѣмъ либо казакъ въ улусъ или чиновникъ, всѣ старались прятаться отъ нихъ, чтобы не быть замѣченными. Случалось, для того, чтобы избавиться отъ придирикъ начальства, инородцы въ видѣ взятки дарили своихъ несовершеннолѣтнихъ дочерей и незамужнихъ женщинъ. Первые изъ нихъ воспитывались до совершеннолѣтія въ домахъ своихъ господъ и поступали къ нимъ въ качествѣ наложницъ, а послѣднія поступали прямо въ дома терпимости, принося барыши своимъ господамъ. Такъ, по словамъ составителя житія св. Инокентія Иркутскаго, большинство сибирскихъ колоній въ то время походило на огромныя дома терпимости. По городамъ воеводы и другіе приказные люди держали цѣлыя ватаги женщинъ и дѣвушекъ для себя и своихъ приближенныхъ и продавали ихъ русскимъ и инородцамъ. Часто отцы семействъ продавали и закладывали своихъ женъ и дочерей и другихъ родственницъ. Распространился даже обычай отдачи своихъ женъ въ кор-

тому, что значить временное пользование за плату. ¹⁾ Обычай отдачи своихъ женъ и любовницъ въ картомное содержаніе и проигрываніе въ карты теперь существуетъ только на золотыхъ промыслахъ между русскими рабочими по Олекминской и Витемской системамъ. Жизнь русскихъ въ Якутской области въ 17 и 18 столѣтияхъ походила на постоянный праздникъ. Пили вѣсъ, и старики, и женщины, и дѣти, пили въ кабакахъ, на гулянѣ, въ полѣ, пили вездѣ, гдѣ можно было пить. Причина пьянства тогда и теперь у русскихъ объясняется невысокимъ умственнымъ и нравственнымъ цензоромъ и отсутствиемъ какихъ бы то ни было идеаловъ. Безпутная жизнь здѣсь втягиваетъ даже людей образованыхъ напр., врачей, предающихся безшабашному пьянству и картечной игрѣ. Спрашивая одного изъ нихъ имѣющаго, дипломъ кандидата естественныхъ наукъ, выданный Петербургскимъ университетомъ и медико-хирургической академіей на степень врача, о причинахъ пьянства, я получилъ такой отвѣтъ: скуча, тоска и масса свободного времени заставляютъ меня пить и поневолѣ будешь пить, когда не слышишь ни одного живого слова.

Тоёны, видя разнозданные нравы завоевателей, административную анархію и безнаказанность за всякия преступленія, если давать подарки правящимъ классамъ, и сами не дремали на поприщѣ поработителя своихъ сородичей. Рабство, будучи признано закономъ, официально продолжало существовать до начала этого столѣтия, но негласно оно никогда не прекращалось, по крайней мѣрѣ это можно отнести къ Олекминскому и Вилуйскому округамъ, тѣсно связаннымъ между собой по своему географическому положенію. Изъ нихъ Вилуйскій округъ является поставщикомъ мальчиковъ и дѣвочекъ для Олекминскихъ тоёновъ, знакомыхъ съ извѣнкой цивилизациі. Бѣдные Вилуйскіе якуты продаютъ имъ своихъ дѣтей по 10—15 р., а иногда, случается, и дешевле. Купивъ ола (сына), видоизмѣненного кулута, тоёнъ отсылаетъ его жить въ юрту вмѣстѣ съ тематами, считая неприличнымъ и унизительнымъ для себя, чтобы онъ жилъ подъ одной кровлей въ богато-убранныхъ аппартаментахъ, каждодневно награждаясь его подзатыльниками и сокрушающей ему ребра. Кулутъ-ола, сынъ-рабъ, если можно такъ сказать, выведенный изъ терпѣнія дурнымъ обращеніемъ тоёна и понявъ смыслъ нашего законодательства, ограждающаго его права, приносить жалобу въ родовыя управлениа и ино-родную управу, гдѣ правосудіе не всегда оказывается жалующимся, потому что тоёнъ всегда сумѣетьказать нравственное давленіе на отправителей правосудія, и жалующійся окажется виновнымъ. Такъ недавно и случилось съ усыновленнымъ вліятельного тоёна Максимова, Василіемъ, съ жалобы которого я списалъ копію, вотъ она: Его Высокоблагородію г. Олекминскому Окружно-

¹⁾ Житіе св. Иннокентія Иркутскаго, изд. 2-е 1879 г., стр. 49

иу Исправнику, усыновленнаго инородцемъ 1 Ментскаго нослѣга Иваномъ Максимовыи, Василья и жены его Паасковыи. Прощеніе. Извѣстно Вашему Высокоблагородію, что инородецъ Иванъ Максимовъ, бывшій голова, жестоко обходится съ своими усыновленными дѣтьми; какъ онъ, такъ и жена его бьютъ чѣмъ попало; напр., у работницы Степаниды, приносившей вамъ жалобу, были переломлены пальцы руки, и ему все это сходить съ рукъ благополучно, потому что онъ человѣкъ влиятельный. 24-го сего сентября къ Максимову заѣхала чиновникъ особыхъ порученій Шахурдинъ. Желая чѣмъ либо угостить г. Шахурдина, жена Максимова, Дарья, зашла на кухню и велѣла моей женѣ Прасковѣ сварить супъ, что и было исполнено безпрекословно, спустя не много времени зашелъ туда самъ Максимовъ и спросилъ: ты что готовишь? Супъ, отвѣчала моя жена, твоя Дарья велѣла приготовить супъ. Послѣ этого жена Максимова, войдя на кухню, взяла изъ рукъ моей жены горячій супъ и разливательной ложкой стала супъ кипятокъ лить на голову и плескать въ лицо ей, слѣды на которомъ видныются до сего времени; причемъ были свидѣтели инородки Марья и Катерина, фамиліи которыхъ моя жена не знаетъ. Максимовъ же въ это время былъ меня жестоко, приговаривая, что если и убить тебя, то не дорого будетъ стоить, намекая на то, что ему, какъ богатому инородцу, законъ—ничто, и вытолкалъ воинъ изъ дома, говоря при этомъ, что я тебя привяжу къ столбу и не такъ буду бить. Дарья Максимова на другой день мою беременную жену еще разъ била и приговаривала: когда ты родишь, то я съ твоей спины всю шкуру спущу, а если и умрешь, отвѣтъ не буду. Боясь дальнѣйшихъ истязаній, мы ушли изъ дома Максимова съ жалобой къ старшинѣ Кятчинскаго нослѣга, который вѣсто того, чтобы удовлетворить жалобу сказалъ: Максимову я ничего не могу сдѣлать, потому что онъ выше меня стоитъ, значить и жалобы вашей разобрать не могу. Послѣ этого мы приносили жалобу Вашего Высокоблагородія помощнику, который, выслушавъ ее, только и сказалъ, что мы безпаспортные. Теперь же мы приуждены просить законной защиты у Вашего Высокоблагородія, такъ какъ мы жить у Максимова ни подъ какимъ предлогомъ не желаемъ изъ боязни лишиться жизни; но такъ какъ собственные вещи наши изъ одежды и спальныхъ принадлежностей удержаны Максимовымъ, поэтому просимъ Ваше Высокоблагородіе, чтобы онъ возвратилъ ихъ намъ чрезъ инородную управу или черезъ старость Кятчинскаго нослѣга и выдать билетъ на свободное проживание по области, принимая во вниманіе, что мы бесплатно работали, я съ 1872 года и жена моя съ 1882 года, получая вмѣсто платы ежедневно подзатыльники. Къ сему прошенію усыновленный инородца Максимова, Василий, а по безграмотству его и по личной просьбѣ руку приложилъ якутскій мѣщанинъ А. Щегловскій".

Прежде якуты продавали и дарили своихъ дѣтей, чтобы изба-

виться, отъ бѣды, нынѣ же продаютъ ихъ отъ нужды въ не въ качествѣ кулута, а въ качествѣ усыновленнаго или работника, но сущность рабства остается одна и та-же. Разница между прежнимъ рабствомъ и нынѣшнимъ заключается въ томъ, что прежде кулутъ не имѣлъ права уйти отъ своего господина и могъ быть убитымъ безнаказанно, теперь за все это полагается наказаніе, но сущность дѣла отъ этого мало измѣняется, и какъ усыновленный, такъ и купленный работникъ не выходятъ изъ рабской зависимости до тѣхъ поръ, пока какой либо случай не дастъ возможности расчитаться съ усыновителями, какъ это случилось съ сыновьями Максимова, отъ которого помимо Василья и Прасковы въ прошломъ году убѣжало 3 сына. Нерѣдко случается, что для того, чтобы покупкѣ мальчика или дѣвочки придать законную форму, пишутъ расписки или условія. Вотъ одна изъ такихъ расписокъ: „1889 г. ноября 11 дня, нижеподпісанніе инородецъ Западно-Кангалацкаго улуса, 2-го Немюгинскаго иослего, Матвѣй Филипповъ Давыдовъ далъ сію расписку инородцѣ 2 Мейтскаго иослего Авдотѣ Петровнѣ Корниловой въ томъ, что состою ей должнымъ 60 р., за которые отдаю въ работницы сестру свою на 10 лѣтъ съ 9 мая будущаго 1890 г. Въ случай, если сестра моя Авдотья, имѣющая вынѣ 7 лѣтъ, не пожелаетъ жить, тогда долженъ безпрекословно уплатить деньги сполна; въ томъ по безграмотству его и по личной просьбѣ руку приложилъ инородецъ Павелъ Рѣшетниковъ. Расписка эта во 2 Мейтскомъ родовомъ управлѣніи къ свидѣтельству явлена (м п). Староста И. Корниловъ“. Не успѣла 7-лѣтняя работница Авдотья присмотрѣться къ новой своей хозяйкѣ, какъ племянникъ Корниловой, Василій Корниловъ, пользуясь правомъ сильнаго не только захватилъ часть имущества у тетки, но и взялъ себѣ дѣвочку. Ни родовое управление, ни инородная управа, ни даже исправникъ спора между племянникомъ и теткой изъ за обладанія дѣвочкой и имуществомъ, какъ и слѣдовало ожидать, не вырѣшили до сего дня.

Рабство, существовавшее у якутовъ до завоеванія русскими, привило не только къ классамъ привилегированнымъ, но и къ приленскимъ крестьянамъ, поселившимся здѣсь не много ранѣе 5 переписи въ Олекминскомъ округѣ и при Алексѣѣ Михаиловичѣ въ Якутскомъ. Крестьяне, точно также какъ и якуты, продаютъ своихъ дѣтей, а особенно несовершеннолѣтнихъ своихъ дочерей. 6 декабря 1889 г. въ г. Олекминскѣ арестованъ поселенецъ Якутского округа Петръ Ивановъ, по частной инициативѣ, за покупку у крестьянина Титъ-аринской станціи, Куренъко, 12 лѣтней его дочери Катерины. Покупатель Ивановъ, чтобы придать законную форму, взялъ отъ Куренъко удостовѣреніе, засвидѣтельствованное сельскимъ старостой, въ которомъ сказано, что Ивановъ береть Катерины въ обученіе, начавшееся 2 дня спустя послѣ покупки, какъ установлено дознаніемъ, растлѣніемъ. Къ сожалѣнію, виновный не

только не понести должного наказанія, но быть освобождены и туже зиму и прошель на промысла, если не ошибаюсь уже съ по-вой жертвой, которую, какъ водится въ дѣнномъ случаѣ, перепродасть съ барышомъ денежному человѣку. Этотъ постыдный обычай, принятый отъ якутовъ русскимъ населеніемъ, не только привился къ некультурному населенію, обывавшемуся крестьянству, образовавшемуся изъ ссылочно-каторжныхъ, плѣнныхъ поляковъ, стрѣльцовъ и казаковъ, сосланныхъ сюда при царь Алексѣѣ Михайловичѣ, но и къ мѣстной интеллигентіи, впрочемъ мало чѣмъ отличающейся отъ крестьянъ, развѣ только тѣмъ, что интеллигентъ нашъ умѣеть читать и писать. Хамначты и усыновленные какъ отъ тоеновъ убѣгаютъ, такъ и отъ русскихъ. Два года тому назадъ отъ купца Попова, живущаго на Берденской станції, Олекминского округа, уѣжала 13 лѣтняя дѣвочка Настасья Алексѣева, инородка Сунтраскаго улуса, Вилуйскаго округа, купленная имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ; недавно отъ крестьянина Аягинской деревни, Былкова, уѣжали два усыновленныхъ, потому что усыновитель жестоко обращался съ ними; одинъ изъ нихъ, впрочемъ, вернулся по просьбѣ Былкова во время судебнаго разбирательства въ Олекминской мѣрской избѣ (она соотвѣтствуетъ волостному правлѣнію), съ такимъ условіемъ, что усыновитель далъ обѣщаніе не бить болѣе усыновленнаго.

Русская народность въ Якутской области, а въ частности и въ Олекминскомъ округѣ, незаключающая въ себѣ никакихъ цивилизующихъ задатковъ, сливаясь съ якутами, испортила ихъ въ нравственномъ отношеніи, висколько не смягчила ихъ нравовъ. Къ порѣ нравовъ якутовъ прилагали стараніе всѣ, начиная отъ всесильнаго якутскаго воеводы и кончая поселенцемъ, не исключая и православнаго духовенства, носителя и проповѣдника мира и любви къ ближнему, такъ что и христіанская религія не смягчила рабовладѣльческій характеръ Олекминскаго якута; онъ жестокъ по отношенію къ своему видоизмѣненному кулуту, носящему название въ общежитіи хамначита (работника, наемника), или ола (сына). Привязаніе къ столбу хамначитовъ и ола между зажиточными якутами и всевозможныя при томъ изстязанія — самое обыкновенное явленіе, и даже, если привязанный подъ ударами наказанія и умретъ, то эта тайна не проникнетъ далѣе стѣнъ родового управления, а если иногда случается, что она сдѣлается достояніемъ городскихъ обывателей, то обѣ этомъ поговорять, поговорить и забудутъ. Такая жестокая расправа удержалась у князцовъ съ своими усыновленными и работниками, только благодаря якутской административной анархіи, господствовавшей съ испоконъ вѣковъ. Но я жестоко бы ошибся, если бы сказалъ, что всѣ якуты, покупаютіе дѣтей, или усыновляющіе ихъ, жестоко обращаются съ ними и смотрятъ на нихъ, какъ на кулутовъ. Нѣть, многіе изъ нихъ, особенно незажиточные, смотрятъ какъ на своихъ дѣтей, и послѣ

смерти такие усыновленные дѣлаются наследниками своихъ усыновителей. Объ этомъ я постараюсь собрать точныхъ свѣдѣнія и не премину сообщить. Теперь мнѣ остается сказать, что рабство у якутовъ развилось по такимъ же историческимъ законамъ, какъ и у другихъ народовъ, и остатки его выражаются въ формѣ покупки женщинъ и дѣтей и въ усыновлении, для того чтобы обойти существующій законъ. Что же касается древнаго рабства, то попытно воспроизвести его нельзя, потому что формы его исчезли безслѣдно.

2. Умыкакіе, когда-то существовавшее у якутовъ ¹⁾.

Древняя форма брака у якутовъ; заключалась въ похищениіи невѣсты; она была проста, но приготовленія къ этому похищенію обставлялись весьма торжественно. Они состояли въ томъ, что отецъ жениха, желая похитить невѣсту изъ инсплеменіи, потому что такъ когда-то велѣль дѣлать родонаучальникъ Могохтахъ, созывалъ всѣхъ юновъ, жившихъ по близости, и сосѣдей. Хозяинъ, въ присутствіи собравшихся гостей, выводилъ изъ стойки жеребца и привязывалъ его къ столбу (коновязи), стоявшему во дворѣ, а изъ юрты въ это время двое молодыхъ почетныхъ людей, еще не женатыхъ, выносили сосудъ (сабарай), наполненный кумысомъ и ставили около коновязи. Въ этотъ моментъ одинъ изъ самыхъ старшихъ юновъ, самыхъ знаменитыхъ, выдѣляясь изъ толпы, подходилъ къ сабарою, бралъ въ руки пучекъ сѣна или травы, погружалъ въ кумысъ и кропилъ привязанного жеребца, обращаясь при этомъ къ богу Ытыкѣ съ просьбой, чтобы онъ помогъ благополучно похитить невѣсту. Всльдъ за этимъ разводили на дворѣ огонь, и тотъ же юнонъ вызывалъ и заклинаніе 40 злыхъ духовъ, причиняющихъ всегда вредъ человѣку, а въ частности, въ случаѣ удачнаго похищенія, не причинили бы вреда новобрачнымъ и не послали бы болѣзней какъ имъ, такъ и потомству. Вотъ духи которые вызывались и заклинались: 1) Хара соронъ тойнъ (черный орель господинъ), 2) Ани буолбутъ хара Джагалынъ (грѣхомъ сдѣлался черный Джагалынъ), 3) Эджигянъ хотунъ ычытэ (Миган-

1) Замѣтка эта, по моему представляетъ интересъ потому, что въ Олекминскомъ округѣ обѣ умыкавіи невѣстъ предавіе исчезло и Е. Габышевъ явился единственнымъ человѣкомъ, способнымъ передать эту форму брака, такъ что если 70-80 лѣтніе старики умрутъ, то у слѣдующаго поколѣнія уже ничего нельзя будетъ узнать. О старинной форме брака Чѣмъ же касается перевода по russкимъ именемъ злыхъ духовъ, вызываемыхъ юнами, то откровенно сознаюсь, что онъ крайне неудаченъ, хотя я старался записывать точно со словъ Габышева, который, какъ видно, самъ пропустилъ во многихъ мѣстахъ слова. Переходъ же собственныхъ именъ духовъ въ мыслимъ, потому чѣмъ въ скобкахъ и письмахъ встречается многое словъ, значенія которыхъ якуты не знаютъ, и скажу, что языкомъ — языкомъ старый.

ская женщина злой духъ¹⁾), 4) Таяхтахъ наисисыкъ хотунъ Балэй малана кэлтэгэй кэляны (по-русски слова не переводимы), 5) Ордахъ нюча тоёнь (злой русский начальникъ), 6) Ытыкъ маннехой хотунъ (ытыкъ вертлявая барыня или женщина), 7) Ирюнь огустахъ (бывший быкъ), 8) Басть эттюянъ манабыть кетяхъ кэтна-бить хотунъ Кистэй (съ головы караулила съ затылка сторожила женщина Кистэй), 9) Дже ычытэ буолбуть Едёнъ кюнясь оюнь (домовыми сдѣлался Едень шаманъ), 10) Ерь сюрюкъ буолбуть ать чаадай оюнь (Ерь шаманъ съ чалой лошадью превратился въ струю), 11) Кель ычытэ кереланка тоёнь (господинъ озерный черть выскакиваетъ изъ воды), 12) Хара тэ ычытэ Баянай бай барылахъ (черный лѣшій Баянай, богатый покровитель звѣрей), 13) Соль ычытэ сэрестюгэсъ кысь (дорога злого духа какъ витая крученая), 14) ыллыкъ ычытэ ханиссъ тыгызъ оль(не большой холмъ злого духа, какъ вертлявый парень), 15) Кюю керсеръ кусаганъ комисарь? (Видитъ еще солнце злой комисарь?), 16) Кюлляръ Туччицъ (смѣется Туччицъ), 17) Тыны кытта сыляяръ тырылай Туччицъ (дыханіе со свѣтомъ (соединено) у Туччицъ)²⁾, 18) Тырбыахсить (тельятина), 19) Сэттэ ычытэ (злой духъ стѣны), 20) Сары бэргэсэ (изъ ровдуги шапка), 21) Аи буолбуть бура дохсунъ (безгрѣшный сдѣлался строптивымъ), 22) Былътъ киге кыскэйданъ Удаганъ (Удаганъ облака дочь), 23) Отъ масть ычытэ кѣтяхъ ёттюянъ кэтябитъ кэха буха джоннарбуть (злой духъ сѣна и лѣса, кукушка со стороны затылка караулить (людей), 25) Басъ эттюянъ манабыть (караулить со стороны головы³⁾), 26) Охчо ахтыбыть (вспоминали Охчо⁴⁾), 27) Тёлёно турааччи Тургэнъ (Тургенъ стоячее пламя), 28) Тарасита болбуть (обморокомъ сдѣлался⁵⁾), 29) Кыбыты болбуть кынчарганъ кизъ (быстро смотреть дѣвушка взявшущая между двумя⁶⁾), 30) Тора тосахъ кугасъ ынахтахъ Тогайданъ тоёнь, (господина Тогайдана рыжая корова, (имѣющая пятна поперегъ лба), 31) Тоенъ ыгыэ багыгаръ олороръ чоботыллахъ тогайдонъ тыллахъ (господинъ ыгыэ, скороговоръ въ головахъ сидить съ выпуклымъ языкомъ), 32) Уарь оллахъ олусхаръ тоёнь Угаръ кыстахъ Джансаръ хотунъ (Уаръ безъ жены имѣлъ сына господина Угара съ дѣвицей Джансаръ (превратившейся въ женщину), 33) Кёртъ богана тердюгэръ Агыя хотунъ (женщина Агыя (имѣла 4 столба на верху), 34) Хара долонъ ычытэ Укланъ тоенъ (господинъ Укланъ злой духъ, черный соколь), 35) Хара тэ ычытэ Обланъ тоенъ юряхъ, юряхъ ычытэ, Ыргачанъ хотунъ (тем-

¹⁾ Это тагъ называемая жигацкая Огропела.

²⁾ Туччицъ собств. имя, не переводимое по-русски.

³⁾ Кто караулитъ, ненавѣстно. Вѣроятно, собственное имя, при передачѣ отъ одного поколѣнія къ другому, утратилось.

⁴⁾ Охчо—собственное имя.

⁵⁾ Собственное имя вѣроятно также затерялось.

⁶⁾ Между чѣмъ? Вѣроятно какое-то слово опущено.

наго лѣса злой духъ, Обланъ господинъ рѣчки, рѣчка злой духъ Биргачанъ (женщина), 36) Тогусъ Тото, тѣрдѣ нотогой оль (девятый Тото, сверху брюхатый сынъ), 37 Сэттэ Бэрлэй тѣрдѣ дильбинъ кизъ (у дѣвушки Бэрлэй на верху 7 кѣткокъ), 38) Боръ барь малахай тоенъ (глина есть у плѣшиваго господина), 39) Кёхъ абрэнъ сёглахъ сюля бай тоенъ (синий, корявый со скотомъ, очень богатый господинъ), 40) Кюрюджахтахъ бордахъ састыхтахъ бордахъ хорурдахъ Орсонъ Дурэй тоенъ (съ глиняной лопатой, съ желѣзной маленькой лопаткой Орсонъ Дурэй господинъ).

Всѣхъ этихъ 40 духовъ въ состояніи были вызывать и заклинать только самые знаменитые юны, другіе же вызывали ихъ не болѣе, 10—15. Юнъ, вызывавшій 40 духовъ, отрѣзывалъ, будто бы, себѣ голову, сажалъ ее на остроконечную палку, а затѣмъ, какъ ни въ чёмъ не бывало, опять приставлялъ ее себѣ на плечи.

Кончивъ вызываніе и заклинаніе духовъ, юнъ объявлялъ всѣмъ присутствовавшимъ во всеуслышаніе: «сюсъ тугуллухъ сога», что значить по русски: 39 дорогъ; фраза эта понималась еще такъ: юнъ такъ далеко прогналъ злыхъ духовъ, что они находятся теперь за 39 дорогами и болѣе никогда на это мѣсто не вернутся. Послѣ этого отвязывали жеребца, посвященнаго ытыку, и отпускали его на волю, которой онъ пользовался до тѣхъ поръ, пока не изыхалъ. Такого жеребца никто не смѣлъ бить, и всяка-го, ударившаго его палкой, постигало несчастіе.

Если отецъ невѣсты узнавалъ о готовящемся нападеніи, онъ также созывалъ юновъ и сосѣдей и также созывались и заклинились духи, но только съ тою разницей, чтобы они не мѣшали отразить нападеніе.

Отпустивъ посвященнаго ытыку жеребца, отрядъ жениха садился на коней, захвативъ съ собой сѣстры припасы, кумысъ и подарки на всякий случай, вооружась луками, батасами (кинжалами, надѣвавшимися на палку и напоминавшими по своему устройству казацкую пiku), ножами и кортиками, отправлялись въ путь, предводительствуемые юномъ. Пріѣхавъ во дворъ невѣсты, всѣ становились въ рядъ около столба (коновязи). Навстрѣчу пріѣхавшимъ выходилъ изъ дома невѣсты тоже вооруженный отрядъ и становился въ ряды напротивъ враждебнаго отряда. По знаку юновъ-предводителей начиналась стрѣльба въ цѣль изъ луковъ, или борьба двухъ сидачей, выставленныхъ съ той и другой стороны, или драка стѣна со стѣной, т. е. отряда съ отрядомъ. Если въ борьбѣ побѣдительницей оказывалась стѣна жениха, она врывалась въ юрту, гдѣ сидѣла невѣста, которая и увозилась женихомъ, возврашившимся впереди всѣхъ. Но если побѣда была на сторонѣ невѣсты, тогда горе было побѣжденнымъ. Побѣженные старались укротить гнѣвъ побѣдителей, угожали кумысомъ, различными кушаньями и дарили цѣнныя вещи. Побѣдители, случалось убивали всѣхъ побѣженныхъ. Случалось, что женихъ нападалъ на юр-

ту невѣсты нечаянно, что случалось часто, и увозилъ ее; тогда отецъ и родственники невѣсты созывалисосѣдей, вооружась ъхали въ погоню, для того чтобы отбить похищенную, и, понятно, дѣло иногда кончалось убитыми съ обѣихъ сторонъ.

Побѣдитель женихъ, какъ я сказаалъ выше, ъхалъ съ невѣстой впереди отряда, не оглядываясь назадъ. Пріѣхавъ во дворъ юрты, снималъ съ лошади невѣсту, становился съ ней ридомъ предъ входомъ въ юрту, изъ которой выходила мать и благословляла новобрачныхъ. Благословеніе состояло въ томъ, что она бросала въ лица жениха и невѣсты дорогими шкурами или какими-либо цѣнными вещами, обращаясь при этомъ къ богамъ Энхистѣ, Джогюю и Джукаку, чтобы они наградили богатствомъ новобрачныхъ, а также дѣтьми и скотомъ. Оюнь въ этотъ моментъ, вошедший первымъ въ юрту, предъ горящимъ каминомъ просилъ тѣхъ же боговъ, которыхъ просила отъ томъ же мать жениха, и, окончивъ просительную молитву, бралъ изъ камелька (камина) пепла, посыпалъ порогъ юрты, чрезъ который должны были перешагнуть новобрачные, выходилъ во дворъ, бралъ за руку жениха и невѣсту, лицо которой было закрыто какой-либо шкурой или шапкой и вводилъ въ юрту; здѣсь женихъ отводилъ се въ укромный уголъ, обыкновенно за печку, гдѣ она сидѣла одиноко, всегда закрытая, и никто не имѣлъ права входить къ ней кромѣ мужа. Безъ покрывала она никогда не выходила изъ своего угла во дворъ или на работу. Это такъ дѣжалось для того, чтобы не видѣть лица ея свекоръ и лебедь, относимый къ божеству, который похищалъ красивыхъ женщинъ. Молодая женщина ходила закрытой нерѣдко 3—4 года, или до тѣхъ поръ, пока не рождался у нея ребенокъ.

Женихъ, похитившій невѣсту, спустя годъ или два послѣ похищенія, дѣлалъ визитъ тестю, продолжавшійся 3 дня; причемъ онъ не раздѣвался во все это время, не казалъ ни лица, ни волосъ и не снималъ съ головы шапки съ рогами. Невѣста же въ это время находилась дома и уже послѣ возвращенія мужа ъхала вмѣстѣ съ нимъ къ своимъ родителямъ и также не показывала своего лица никому. Шапка ея была съ серебряной или мѣдной бляхой.

Эта форма брака записана мною со словъ родовика Олекминскаго улуса, Маджегарского послега, Мокушкина рода, Егора Габышева, извѣстнаго въ округѣ сказочника, пѣвца и хранителя старинныхъ обычаевъ предковъ.

М. Овчинниковъ.

Памяти А. Ф. Гильфердинга.

(Къ двадцатицвѣтной годовщинѣ его смерти).

Двадцать шесть лѣтъ тому назадъ въ Олонецкомъ краѣ появился въ сколько необычный „генераль“, особенно неутомимо преслѣдовавшій мѣстныхъ пѣвцовъ былинъ, т. и. сказителей. Сохранился „неоцѣненный по своему простодушію“¹⁾ разсказъ о знакомствѣ съ винѣ одного изъ такихъ сказителей, Касьянова²⁾. Послѣдняго, не смотря на рабочую пору, какъ онъ самъ передаетъ, „пѣниудило желаніе видѣть такое важное лицо въ самыхъ глухихъ и венроходимыхъ мѣстахъ“. Это болѣе привело въ удивленіе и въ большой смѣхъ, что господа собираютъ былины: говорили между собой, что господамъ, должно быть, въ Петербургѣ болѣе лѣзть нечего“... Прибывь на мѣсто, разсказываетъ Касьяновъ: „погутру явилася и размышила такъ, что наши уѣздные господа становые приставы и разныя служащія лица весьма гордые, и думали, какъ явлюсь и къ генералу, береть страхъ и ужасъ. Затѣмъ, перекрестивъ глаза, и говорю: А что Господи дастъ! если чего и не знаю, да съ мужика, такъ думаетъ, и не взыщетъ“. Ободрило Касьянова знакомство съ „генеральскими“ камердинеромъ, „котрый собою очень привѣтливый и скромный... должно быть, хорошаго господина слуга: онъ всѣхъ учтиво принимаетъ“, замѣчаетъ Касьяновъ. „Самъ Александръ Федоровичъ, продолжаетъ Касьяновъ, принялъ меня очень ласково. Но я, видя такое важное лицо, стоялъ передъ нимъ съ дрожащимъ сердцемъ“. Эта робость вскорѣ проини; появился чай, и, когда выпилъ я, Касьяновъ, стакавъ чаю, то почувствовалъ духомъ, какъ будто стало и посмѣлѣ... А на другой денъ мѣш было очень весело, потому что познакомился съ господиномъ, въ видѣ, что это онъ человѣкъ очень скромный, смиренный и ласковый, и размышили про себя: должно быть, господа—что чинъ выше, то и добрѣе“. За угощеніемъ слѣдовало сказываніе былинъ, подъ вечеръ прогулка витогъ, во время которой спутникъ Касьянова удѣляетъ вниманіе и мѣстнымъ условіямъ жизни. Между тѣмъ является еще одинъ сказитель и высуживаетъ

¹⁾ „Александръ Федоровичъ Гильфердингъ“ Бестужева Рюминна. Овѣнскіи былины, изд. второе, т. 1, стр. XX, прим.

²⁾ „Воспоминаніе крестьянина (Ивана Антоніевича Касьянова) объ А. Ф. Гильфердингѣ“. Р. Старлна 1872 г. № 12.

са новая былина; просматривается старая грамота и выслушивается объяснение, „что значить падина йесу и сколько занимаетъ мѣста“. Для характеристики отношений, установившихся между новыми знакомыми, не безынтересенъ еще слѣдующій эпизодъ, случившійся при ихъ прощальномъ чаепитіи. „Позвольте мнѣ поближе къ самовару,“ попросилъ Басъяновъ: таинъ мнѣ повыгоднѣе будеть: здѣсь стаканъ, два, а три и то много, а тамъ и пятое—такъ ничего“.

Едва ли послѣ всего этого нужно будеть прибавлять, что далеко не изъ-за щедраго только вознагражденія денежнаго Басъяновъ своего отѣзжающаго „генерала“ „проводилъ глазами, покуда было можно видѣть“.

Этотъ „генералъ“ былъ известный славистъ, видный общественный дѣятель, глубокий и самоотверженный этнографъ, своею жизнью заплатившій за тѣ пріобрѣтенія, которыя онъ сдѣлалъ для родной науки; это былъ А. Ф. Гильфердингъ.

Славиофильство воспитало въ немъ интересъ къ народности; обширная эрудиція сдѣлала изъ него народника—ученаго; занятія исторіей, останавливавшіяся особенно надъ явленіями внутренней жизни народовъ, давали ему историческую перспективу, необходимую для правильнаго отношенія къ современнымъ даннымъ народной жизни; ученая и дипломатическая практическая дѣятельность въ Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи была, можно сказать, провѣркой и завершеніемъ его теоретической подготовки; она раскрыла предъ Гильфердингомъ замѣчательное поле для изученія и, что весьма важно, самый вопросъ о народности представила во всемъ его, бьющемъ въ глаза, жизненномъ значеніи, чуждый какъ избѣгнѣнія подкрашиванія, такъ и такого же игнорированія. Разносторонняя не только ученая, но и общественная дѣятельность содѣствовала широтѣ взглядовъ Гильфердинга; сиѣость и глубина мысли; а также рѣдкая искренность и отчетливость ея, сообщали всѣмъ трудамъ Гильфердинга глубокий общий интересъ, интересъ широкихъ картинъ, мастерскихъ обобщеній, остроумныхъ соображеній, смѣыхъ догадокъ, который если и вѣ всегда оправдывался наукой, то зато всегда двигають ее дальше. Но всему этому прибавьте замѣтную въ самыхъ сухихъ изслѣдованіяхъ свѣжесть—отраженіе природной живости ума и характера Гильфердинга, и ту непринужденность, которая являлась слѣдствіемъ замѣчательной легкости, съ какою „давалась самая многосложная работа этому человѣку“.

Такого-то изслѣдователя счастливая случайность сдѣлала завершителемъ „собирательного“ периода въ истории русскаго былеваго энсона, и не будетъ преувеличеніемъ сказать, что въ трудахъ Гильфердинга, посвященномъ былинамъ, всѣ отличительныя качества этого изслѣдователя собрались какъ бы въ оптическомъ фокусѣ и проявились въ полномъ блескѣ.

А. Ф. Гильфердингу давно хотѣлось побѣжать на нашемъ сѣверѣ, сдѣлавшемся особенно интереснымъ послѣ открытия тамъ П. Н. Рыбниковымъ замѣчательныхъ сказителей. Бѣ простой любознательности здѣсь могло прихѣшиваться желаніе проповѣдѣть Рыбникова, такъ какъ сборникъ былинъ послѣднаго вызвалъ было сильное недовѣріе въ обществѣ. 1871 г. 30 июня Гильфердингъ началъ свое путешествіе по Олонецкому краю и

окончилъ его 27 августа. „Имѣя въ виду, что сборникъ Рыбникова былъ плодомъ многолѣтнаго пребыванія въ краѣ, я, говорить Гильфердингъ, располагавшій только двумя мѣсяцами, вовсе не разсчитывалъ внача-
ль на возможность его сколько-нибудь существенно дополнить, а хотѣлъ только удовлетворить личному любопытству знакомствомъ съ извѣстными сказителями. Между тѣмъ счастливый случай скоро заставилъ меня изъ туриста превратиться въ собирателя¹⁾). Именно, первый же сказитель, на которого натолкнулся Гильфердингъ, оказался раскольникомъ, между тѣмъ какъ, по утвержденію Рыбникова, у раскольниковъ нельзѧ было найти никакихъ остатковъ народнаго впоса. Гильфердингъ совершенно основательно сталъ подозрѣвать (а потому вполнѣ убѣдился), что Рыбниковъ не могъ ничего найти у раскольниковъ по своему личному положенію, какъ членъ извѣстной губернскай администраціи, но что въ действительности былинъ поются и раскольниками. Гильфердингъ побывалъ въ самому центрѣ рас-
кольничьяго населенія и, благодаря своему такту въ обращеніи съ рас-
кольниками, встрѣтилъ у нихъ самый радушный пріемъ и значительно пополнилъ запасъ былинъ Рыбникова. Много помогло Гильфердингу и то,
что случайно онъ нашелъ себѣ спутника въ лицѣ крестьянина, имѣвшаго знакомыхъ во всѣхъ углахъ Заонежья. Благодаря ему, устранилось недовѣріе, съ которымъ онъ олончансъ обыкновенно смотрѣли на пріѣзжаго изъ Петербурга; тотъ же крестьянинъ, пока Гильфердингъ гдѣ-нибудь записы-
валъ былинъ, ходилъ, бывало, верстъ за 40—50 „доставать“ новыхъ сказителей. Потомъ молва о щедромъ собирателѣ старинныхъ пѣсенъ приво-
дила и такихъ, про которыхъ ни Гильфердингъ, ни его спутникъ и не знали. Материалу набиралась масса и случалось такъ, что инымъ скази-
телямъ приходилось ждать по два и по три дня, между тѣмъ какъ Гиль-
фердингъ записывалъ былинъ до полнаго физическаго утомленія. Въ ре-
зультатѣ, въ 48 дней было прослушано 70 пѣвцовъ и пѣвицъ, собраны и составлены ихъ біографіи, записано и пропѣрано 318 былинъ. Состави-
лась рукопись въ 1203 полулиста, писанная вся, отъ первой до послѣ-
дней страницы, рукой Гильфердинга²⁾.

На слѣдующій годъ Гильфердингъ снова отправился въ Олонецкій край и, „увлекаемый интересами науки, захотѣлъ пробыть вѣкоторое время между толпою простого народа, прислушаться къ его говору, услышать ста-
ринную пѣсню и т. п., а потому отправился до Вытегры на трешнотѣ. Нельзя утверждать положительно, но очень вѣроятно, что здѣсь-то онъ и заразился смертельной болѣзнью³⁾). 20-го іюня 1872 года онъ скончал-
ся въ Каргополѣ, откуда тѣло его было перевезено 4-го іюля въ Петер-
бургъ и похоронено въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

— „Предъ нами, братья, жертва любви къ наукѣ и своему призыва-
нию, жертва ревности къ своему дѣлу“, было сказано при погребеніи

1) „Олонецкая губернія и ея народные рапсоды“. Онежскія быlinы, 2 изд.
стр. 10.

2) Предисловіе П. Гильдебрандта къ 1-му изд. Онежскихъ былинъ.

3) Письмо изъ Каргополя о болѣзни Гильфердинга. Р. Страница 1872 г. № 10.

Гильфердинга¹⁾. — „Это былъ служитель науки, знанія“ говорилось тамъ-же²⁾... „Но наука, которой служилъ почившій, имѣетъ для насъ особенное нравственно-жизненное значеніе. Она касается самого близкаго къ намъ вопроса,— вопроса о нацъ самихъ, о нашей родной странѣ съ ея автѣтными вѣрованіями и преданіями, о нашемъ народѣ и его средствѣ съ другими единоклъменными народами, о нашемъ внутреннемъ духовномъ складѣ, о нашемъ народномъ характерѣ“. Смерть Гильфердинга явилась одной изъ тѣхъ, которая не проходила незамѣтно для общества, и этнографическая дѣятельность послѣднихъ годовъ жизни Гильфердинга сыграла здѣсь не малую роль³⁾. Если на первыхъ порахъ эта дѣятельность могла представлять иѣсколько случайный интересъ (свѣжестъ событія, трагическая участъ собирателя, особое вниманіе къ былевому творчеству и стремленіе къ народничеству), то съ послѣдовавшимъ вскорѣ появленіемъ въ печати собраниаго Гильфердингомъ материала⁴⁾ она должна была получить болѣе глубокое значеніе. Стало ясно тогда, какую массу труда и умѣнія приложилъ собиратель, какую массу нового, подчасъ едва уловимаго на первый взглядъ, сумѣмъ извлечь онъ оттуда, гдѣ уже была собрана обильная жата! Значеніе „Онежскихъ былинъ“ особенно замѣтно, когда мы обращаемся къ тому, что было до Гильфердинга и что, если такъ можно выразиться, Гильфердингъ завѣщалъ послѣдующимъ исколѣніямъ.

Уже въ дреcней письменности находимъ записи былинъ; но былины тогда рассматривались, какъ материалъ, конечно, не этнографический, а простой повѣствовательный, способный доставить иѣкоторое развлеченіе; потому-то и формой, въ самыи названіемъ они тяготѣли къ различнымъ сказаніямъ, повѣстямъ, словамъ— преобладающему тогда виду книжной словесности.

Отличны по формѣ, одинаковы по цѣлямъ издания былевого материала въ XVIII вѣкѣ. Съ одной стороны, герои и героини нашего былевого эпоса явились только для иѣкоторой націонализациі подчасъ совершение фантастическихъ происшествій; съ другой стороны, былины входили въ столь распространенные въ XVIII и началѣ XIX-го вв. пѣсеники, о характерѣ и назначеніи которыхъ можно судить по заглавию лучшаго изъ нихъ: „Новое и полное собрание российскихъ пѣсень, содержащее въ себѣ пѣсни Любовные, Пастушескіе, Шутливые, Простонародныя, Хоральные, Свадебные, Святочные, съ присовокупленіемъ Пѣсень изъ разныхъ Россійскихъ Оперь и Комедій“. Нельзя впрочемъ отрицать того, что и въ XVIII в. уже пробивалось сознаніе, что памятники народнаго творчества существ-

¹⁾ Рѣчь ректора СПб. Дух. Семинаріи, Хрисанфа. Р. Старика № 10 1872 г.
²⁾ Ibid.

³⁾ Кромѣ цитирована о ср. некрологи: въ Голосѣ, 1872 г. № 53, Бестужева Рюминца; въ Вѣстникѣ Европы, 1872 г. № 8; Биржевыя Вѣдомости 1872 г. № 170; СПбѣрбургскія Вѣдомости 1872 г. №№ 168, 195; и др.

⁴⁾ „Онежскія, былины, записанные Александромъ Федоровичемъ Гильфердингомъ въ 1871 г.“ СПб. 1873.

вуютъ не для одного только удовольствія любителей пріятнаго и геселаго препровожденія времени, но развитіе это созваніе еще не успѣло.

Къ тому же XVIII в. восходитъ загадочный сборникъ, именіемъ Кирши Данилова¹⁾. Среди прочихъ, современныхъ ему сборниковъ, онъ стоитъ особнякомъ, такъ какъ представляетьъ записи текстовъ, удовлетворяющія научнымъ требованиямъ до извѣстной степени, конечно, но мы должны помнить о трудности записываній былинъ²⁾. Первый издатель этого сборника, Якубовичъ, остался всецѣло на почвѣ XVIII в.; второй, извѣстный Калайдовичъ, очутился на перепутьѣ двухъ даргъ: онъ то разсматриваетъ издаваемый имъ сборникъ, чрезъ этнографической матеріаля, имѣющій свой особый критерій, то предъявляетъ къ нему литературныя требования XVIII вѣка и серьезно упрекаетъ Киршу Данилова въ томъ, что тотъ „даже цѣлыми семью пѣсенами пустылъ по тому пути, на коемъ вноса вѣдомъ прославился Барковъ“.

Первымъ этнографомъ-собирателемъ явился Петръ Васильевичъ Кирѣевскій, съ изумительнымъ трудолюбіемъ и любовью къ дѣлу собиравшій, начиная съ тридцатыхъ годовъ, громадный матеріаляръ, который, къ сожалѣнію, ему самому почти вовсе не удалось издать. За Кирѣевскимъ остается слава первой широкой постановки этнографическихъ разысканій, ближайший результатъ которой въ исторіи русского эпоса былъ тотъ, что во многихъ мѣстахъ, где позднѣе уже ничего нельзя было найти, были подобраны хотя послѣднія крохи разлагавшихся и засыхающихъ былинъ. Кирѣевскій отчасти самъ записывалъ былины, отчасти для него это дѣлали другіе. Первое необходимо для практическаго ознакомленія съ изучаемымъ матеріаломъ въ его источникахъ; второе для ся его времени было важно потому, что распространяло интересъ къ этнографіи и прививало мѣстный этнографическій изслѣдованія. Въ этомъ второмъ отношеніи несомнѣнное значеніе принадлежитъ Сахарову, съ его шашумѣвшими изданіями, а позднѣе И. И. Срезневскому, въ его трудахъ по второму отдѣленію Академіи Наукъ. Какъ издались, Сахаровъ не далеко ушелъ отъ XVIII в., да и Кирѣевскій былъ не безгрѣшенъ, потому что позволялъ себѣ составлять изъ многихъ вариантовъ одинъ общий текстъ, выбирай изъ каждого вѣнца тотъ стихъ, который казался ему наилучшимъ. Въ ту пору наука еще не дошла до бережнаго обращенія съ извѣдываемыми этнографическимъ матеріаломъ, и еще отзывалась та эпоха, когда изъ-за побужденій, имѣющихъ съ наукой мало общаго, допускались даже подлоги.

Мало интересовалась тогда и тѣми условіями, въ которыхъ находили эту матеріаляръ, и съ большей охотой старалась разыскивать въ память отраженія идеалій доброго старого времени, чѣмъ всплынуть въ современную связь народнаго творчества и народнаго быта.

¹⁾ Древнія Россійскія Стихотворенія, собранныя Киршию Даниловымъ. Москва 1818 г. (второе дополн. изд., первое—1804) Ср. П. Н. Шеффера, Замѣтку о сборнике Кирши Данилова, II т. 1 кн. Извѣстій Отдѣленія рус. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ.

Издатель материаловъ, собранныхъ П. В. Кирбьевскимъ, П. А. Безсоновъ, задумалъ грандиозное дѣло: опираясь на собраніе Кирбьевскаго и гаіїсни и сказки, известныя по другимъ изданіямъ, онъ хотѣлъ дать народно-поэтическую исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ по XIX в. величительно. Предприятіе было доведено до конца... но уже при самомъ началѣ обнаружилась и несостоительность его. Былевой материалъ, известный дотолѣ, оказался лишь малою частью, да и то не лучшою, того, что хранилось еще въ народной памяти, и никакъ не укладывался въ тѣ рамки, въ которыхъ хотѣлъ втиснуть его г. Безсоновъ. Получилось громоздкое изданіе съ неособенно удачно систематизированнымъ материаломъ и замѣтками издателя, длинными до уточненія и рискованными до иенаучности.

Почти въ одно время съ „Іѣснами, собранными П. В. Кирбьевскимъ“ появились въ печати „Іѣсни, собранные П.Н. Рыбниковымъ“. Рыбникову выпало на долю раскрыть для науки богатѣйшія сокровища Олонецкаго края, этой Исландіи нашего былевого эпоса, но самая грандиозность материала подавила изслѣдователя, который явился не господиномъ его, а скорѣе рабомъ. Самая точность Рыбникова не безъ оттѣнка формализма: Рыбниковъ далъ тексты, безусловно точные по содержанію, но лишенные духа живого. Записи Рыбникова, если позволено будетъ прибѣгнуть къ аллегоріи, это сказочный мертвѣцъ, уже спрыснутый мертвой водой, но еще ожидающій живой воды. Рыбниковъ удержался отъ рискованныхъ обработокъ, допущенныхъ, напримѣръ, Кирбьевскимъ, — и въ этомъ его заслуга; но онъ не возвысился до той широты взгляда, которая позволяетъ устремлять взоръ въ сокровеннѣйшіе тайники изслѣдуемаго явленія и далѣе его; онъ не имѣлъ также навыка быстро схватывать и запечатлѣвать въ своихъ записяхъ тѣ едва уловимыя черточки, которыя онъ самъ же чувствовалъ и самъ же оцѣнилъ по достоинству, — это егъ недочетъ. Такъ у Рыбникова пропадаетъ стихъ, языкъ, этнографическое освѣщеніе былинъ; достаточно сказать, что свѣдѣнія о томъ, где и какъ были найдены былины, появилась лишь въ третьей части изданія, уже послѣ замѣчаній по этому по-воду критики, да и то въ далеко неполномъ видѣ. Нельзя поэтому особенно удивляться тому, что открытие Рыбникова было встрѣчено съ недо-вѣріемъ.

Но какъ бы тамъ ни было, сборникъ Рыбникова далъ массу нового материала, соѣралъ и некоторые свѣдѣнія о неожиданно найденной сокровищницѣ русского былевого эпоса и подготовилъ дѣятельность Гильфердинга. Выше было уже указано, какъ подъ вліяніемъ Рыбникова Гильфердингъ сдѣлался собирателемъ былинъ. Рыбниковъ же далъ Гильфердингу первоначальный свѣдѣнія о сказителяхъ; онъ же напѣтиль значение въ былинкахъ личности сказителей и значение записей по пѣтому, а не по сказываемому. Всѣмъ этимъ замѣчательно воспользовался Гильфердингъ и мастерски развила въ цѣлую систему. Его записи, производившія вѣсъ пословесной передачи былинъ, какъ у Рыбникова, а по пѣтому, буквально передаютъ не только содержаніе, но и самый складъ былинъ, ея форму, духъ, языкъ. Это одна сторона дѣла; не менѣе важнымъ было тщательное освѣщеніе не только современного, но отчасти и былого положенія былинъ

въ краѣ, сдѣланное къ тому же въ фонѣ общей картины, о которой одинъ изъ авторитетныхъ нашихъ ученыхъ выразилъ слѣдующимъ образомъ: „Изслѣдователь понялъ свою задачу такъ широко и серьезно, какъ только можно было желать: специальная задача не закрыла отъ него вопроса о цѣломъ бытѣ видѣннаго имъ варода, и онъ относится къ этому народу съ такимъ вниманіемъ, съ такимъ разумѣніемъ его тихихъ нуждъ, говорить о нихъ съ такой убѣдительностью и, иногда, такой смѣлостью, которая вызывали самое полное сочувствіе. Живое сближеніе съ народнымъ бытомъ возбуждало въ немъ такое чувство и такія мысли, которыхъ могли вполнѣ раздѣлить съ нимъ и люди, въ другихъ случаяхъ не раздѣлявшіе его мнѣнія⁴. ¹⁾

Вообще своими этнографическими разыскавіями Гильфердингъ далъ богатѣйшій матеріалъ для цѣлаго ряда разнообразныхъ вопросовъ, въ которыхъ большинство было имъ же найдено и отчасти разрѣшено. Такъ, Гильфердингомъ были раскрыты условія сохраненія въ вародѣ былевого эпоса и объяснено то, почему послѣдній удержался на Олонецкомъ краѣ тогда какъ давно уже замеръ въ другихъ мѣстахъ. Было подмѣчено также, какъ усвоиваются быльныи отдельными сказителями, какъ вымираютъ въ однихъ мѣстахъ Онежскаго края и живутъ полною жизнью въ другихъ. Здѣсь не мѣсто распространяться о томъ, какъ понимать эту жизнь былинъ; во всякомъ случаѣ, Гильфердингомъ былъ поднятъ вопросъ первостепенной важности, и если бы добыты Гильфердингомъ современные и вѣкотѣріи историческія данныя о положеніи эпоса въ извѣстномъ районѣ систематически пополнились отъ времени до времени, то мы теперь имѣли бы весьма цѣнныи матеріалы для исторіи资料 нашего эпоса. Сюда надо прибавить вопросъ о сказителяхъ, Гильфердингомъ выясненный во всѣмъ значеніи; собранныи Рыбниковымъ и Гильфердингомъ свѣдѣнія о нихъ до сихъ поръ, за немногими случайными сообщеніями, являются единственными. А между тѣмъ, безъ такихъ данныхъ односторонними выйтуть рѣшенія общихъ вопросовъ, вродѣ вопроса о степени устойчивости нашего былевого эпоса,—о происхожденіи его различныхъ культурныхъ слоевъ,—о томъ на какомъ отношеніи къ нему находится простой народъ, является ли этотъ народъ творцомъ былинъ или только хранителемъ ихъ и, если вѣрно второе, то въ какой степени.

До Гильфердинга стихотворный размѣръ былинъ подлежалъ болыпому сомнѣнію; записи Гильфердинга не только устранили это сомнѣніе, но и раскрыли присутствіе даже не одного, а вѣсколькихъ размѣровъ, памѣченныхъ самимъ собирателемъ, впрочемъ, по устарѣлому методу. Точное сохраненіе стиха, между прочимъ, важно потому, что содѣйствуетъ лучшей выдержанности языка; а такъ какъ изъ пѣсни слова не выкинешь, то въ записяхъ даже XIX в. наряду съ современными особенностями мѣстныхъ говоровъ должны были сохраниться и древнія особенности, этамологическая и синтаксическая. Этотъ вопросъ также стоило бы сдѣлать предметомъ особаго изслѣдованія, и суди потому, что, напримѣръ, проф. Собо-

¹⁾ А. Н. Пынгинъ. Вѣстник Европы 1872 г. № 8 стр. 906.

левскій и проф. Владими́ровъ уже отличали въ былинахъ остатки старыхъ формъ, старания не остались бы безплодными. ¹⁾.

Особаго вниманія заслуживаетъ у Гильфердинга расположение былинъ не по богатырямъ или сюжетамъ, а по сказителямъ. Это распределение имѣть прежде всего то частное значеніе, что оттѣняетъ личное влияніе сказителей и вводить исследователя въ кругъ своего рода литературныхъ школъ; но съ нимъ же связано и нечто большее, имѣющее громадное общее значеніе: своимъ распределеніемъ былинъ Гильфердингъ отрѣшился отъ господствовавшаго взгляда на былины, какъ на простодушныя прелестія старины глубокой, созданныя непосредственнымъ поэтическимъ воодушевленіемъ всего народа и свято передаваемыя отъ предковъ потомкамъ; Гильфердингъ стала на ту точку зрѣнія, что какова бы ни была первоначальная основа былины, въ своемъ настоящемъ видѣ эта былина является известнымъ литературнымъ произведеніемъ и какъ таковая прежде всего должна рассматриваться; въ пей мы должны отличать и слѣды известной пѣсенной школы, и индивидуальные черты ея пѣвцовъ, и литературные взаимодѣйствія и т. д. Такимъ образомъ, Гильфердингъ, какъ этнографъ-собиратель, сдѣлалъ то, что сдѣлалъ академикъ А. Н. Веселовскій въ роли истолкователя русского былого эпоса.

При выходѣ въ свѣтъ „Онежскихъ Былинъ“ современная имъ критика отозвалась о новомъ изданіи, какъ о замѣчательномъ явленіи въ націй ученой литературы ²⁾). Но необходимо помнить, что самъ Гильфердингъ считалъ свое изданіе лишь подготовительнымъ. „Я первый, говорилъ онъ, готовъ признать, что окончательное полное изданіе нашихъ эпическихъ пѣсень точно такъ же, какъ необходимое въ литературѣ нашей очищенное изданіе избранныхъ былинъ, слѣдуетъ сдѣлать по предметамъ, съ систематическимъ подборомъ варіантовъ.“ ³⁾). Въ настоящее время „Онежскія Былины“ переиздаются Академіей Наукъ, засвидѣтельствовавшей, что данный „самый тщательно составленный сборникъ этихъ произведений народного творчества по праву является необходимымъ предметомъ изученія для всѣхъ лицъ, занимающихся исторіей русской словесности“. ⁴⁾ „Онежскія Былины“ переиздаются, за нѣкоторыми добавленіями, не измѣняющими, вирочемъ, характера изданія, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ изданы въ первый разъ; оказывается, слѣдовательно, что для окончательного полного изданія былинъ не наступило еще времени; или, быть можетъ, мы такъ богаты всякаго рода изданіями нашего былого материала, что съ палеографической точностью воспроизвести наиболѣе достойные старые книги, или, наконецъ, Гильфердингъ ошибся, назвавъ свое

¹⁾ А. И. Соболевскій. Лекціи по исторіи русскаго языка, 2 изд. П. В. Владими́ровъ. Введение въ Исторію Р. Словесности, стр. 193—195.

²⁾ См. рецензіи Л. Н. Майкова въ Ж. М. Н. Пр. 1873 г. № 8; Баталина въ Филолог. Запискахъ 1873 г. № 2; Колосова ibid. за 1874 и др.

³⁾ Олонецкая губернія и ея нар. рапсоды, стр. 33.

⁴⁾ Предисловіе ко второму изданію.

издание подготовительным? Но произошло же этнографических изданий мы не страдаемъ, а Гильфердингъ не ошибся, такъ какъ избралъ имъ систему незамѣнной до тѣхъ поръ, пока дѣло идетъ объ отдельныхъ изданіяхъ местныхъ собраній и пока на очереди стоятъ вопросы этнографического и филологического характера, но они недостаточна, когда мы углубляемся въ область историко-литературныхъ изслѣдований мотивовъ и багатырскихъ цицловъ. Идеальнымъ былъ бы такой ходъ изданій: сначала издаются отдельные собранія по плану Гильфердинга; затѣмъ дѣлается сводное изданіе по мотивамъ, съ тщательнымъ подборомъ вариантовъ былинныхъ и съ указаниями на сходные мотивы въ другихъ пѣсняхъ, сказкахъ и т. п., какъ въ отечественной словесности, такъ и иностранной; наконецъ, собирается все, что касается каждого отдельного эпического героя, начиная съ былинъ о немъ и кончая самимъ мноюстеннымъ упоминаніемъ, где бы то ни было. Изданія г. Безсоновыхъ пѣсень, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ, показало, что въ эпоху Гильфердинга такое сводное изданіе было слишкомъ преждевременнымъ, но не такимъ оно представляется теперь. „Онежскими Былинами“ закончился рядъ большихъ сборниковъ; послѣдующія записи лишь повторяли или, въ лучшемъ случаѣ, немного пополнили извѣстное уже. Въ настоящее время все интересное (по своему содержанию) собрано; изданы также старинные записи былинъ, даже найдена рукопись Кирши Данилова. Конечно, кое-что будетъ еще не разъ находить, но если ждать, пока будетъ исчерпано рѣшительно все, то кто знаетъ, сколько десятковъ лѣтъ пройдетъ, пока, наконецъ, решится приступить къ тому, что безъ всякихъ ущербовъ можно было начать и раньше. Въ самомъ дѣлѣ, ведь если даже преждевременно приступить къ самому изданію сводному, то что мышаетъ классифицировать уже извѣстный матеріалъ, составлять указатели и т. п.? Но мы остаемся съ таинственной рукописью Кирши Данилова, которая неизвѣстно когда появится въ печати, съ вышедшимъ изъ продажи сборникомъ Рыбникова, съ подготовительными переизданіемъ сборника Гильфердинга¹⁾ и наканунѣ переизданія „Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ“, быть можетъ, со всѣми ихъ неудобствами. Между тѣмъ и собраніе новыхъ матеріаловъ не особенно отвѣтствуетъ тѣмъ требованиямъ, какія можно прилагать послѣ Гильфердинга. И разумѣю здѣсь недостаточную точность въ передачѣ текста, и слабость этнографического освѣщенія собираемыхъ текстовъ, и случайность записей, а послѣднее является крупнымъ недостаткомъ для того времени, когда приходится заботиться, пожалуй, не столько о пополненіи содержанія, сколько о томъ, чтобы успѣть побольше добыть свѣдѣній о положеніи въ народѣ хотя обломковъ зданія, бывшаго вѣницомъ народного творчества. Послѣ Гильфердинга началась работа болѣе мелкая, но она могла бы принести крупные результаты, если бы у насъ была цѣлая сѣть этнографическихъ поисковъ, направляемыхъ си-

¹⁾ Сборники Рыбникова и Гильфердинга такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, что ихъ слѣдовало бы переиздавать не иначе, какъ вѣсты, распределѧя записи Рыбникова, какъ варианты записей Гильфердинга.

стематически и объединенныхъ одною общую задачею, однимъ общими планамиъ. 25-лѣтній юбилей одного изъ наиболѣе славныхъ этнографовъ нашихъ, невольно обращающій наше вниманіе на то, что до сихъ поръ сдѣлано имъ и другими, быль бы достойнымъ поминаемаго стимуломъ вступить на ту дорогу, о которой заповѣдалъ онъ самъ.

1) Хорошо было бы выработать программу для собирания въ вародѣ всего, что имѣть каковы бы то ни было отношеніе къ былинамъ, и къ собранію его привлечь, по возможности, больше лицъ, преимущественно изъ извѣстныхъ жителей и знатоковъ края.

2) Начать систематизацію извѣстнаго уже матеріала, содѣйствуя перепечанію старого, по возможности, въ наилучшемъ видѣ, устанавливая полноту или подложность текстовъ, составляя указатели, частные и общіе, вырабатывая примѣрные планы скончаго изданія былинъ и подбирая матеріалы, которые для этого изданія могутъ понадобиться.

Въ дѣятельности Гильфердинга есть еще одна сторона, на которой я позволю себѣ остановиться въ заключеніе. Отношеніе интелигенціи къ народу у насъ даже въ области науки подчасъ грѣшилъ или излишней офиціальностью или же другою крайностью—панибратствомъ. Послѣднее, со всѣми своими тяжелыми результатами, считалось почти неизбежнымъ при большемъ сближеніи съ народомъ; его, напримѣръ, придерживался извѣстный ученикъ Бирѣевскаго, Якушкинъ, который и пострадалъ отъ этого, что дало поводъ одному современному критику сдѣлать такое замѣчаніе: „Спонзъ его“ (Якушкина) не кто иной, какъ самъ народъ, въ безчисленныхъ кабакахъ Россійской имперіи, гдѣ онъ записывалъ пѣсни, которымъ трудно было выудить у русского человѣка безъ чарочки водки, но нельзя было также только поить, а вѣдь самому, становясь съ мужиками на равную ногу¹⁾. Обращеніе Гильфердинга, какъ это, напримѣръ, видно изъ приведенного выше воспоминанія Касьянова, было чуждо обѣихъ крайностей и приводило даже едва ли не къ лучшимъ результатамъ, чѣмъ у Якушкина. Полный сердечности и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокаго внутренняго достоинства, Гильфердингъ умѣлъ затрагивать въ человѣкѣ лучшія его чувства и сближаться на ихъ почвѣ; онъ такимъ образомъ не только имѣлъ счастье избѣжать участія въ своего рода потворствѣ слабостямъ простого люда, но и содѣйствовалъ облагораживанию его, выявленію своей личности, въ высшей степени изящной во всѣхъ отношеніяхъ, какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ²⁾). Тѣмъ больше довѣрія и симпатіи наукѣ, имѣющей возможность пользоваться только высокогуманными средствами, тѣмъ больше чести служителю ея.

А. М. Лобода.

¹⁾ Исторія новѣйшей русской литературы, А. М. Скабичевскаго, 1891 стр 243.

²⁾ Ср. Бестужева-Рюминъ въ Голосѣ 1872 № 53.

Федоръ Ивановичъ Буслаевъ.

(1818—1897).

I.

Среди замѣчательнаго поколѣнія образованныхъ людей, обезпечившаго за Россіею лучшіе результаты научной и общественной мысли Запада, наблюдаются, сообразно природнымъ склонностямъ и направленію интересовъ различныхъ дѣятелей, известныя умственныя группы и отдельно стоящія личности. Въ послѣдній принадлежитъ характерная личность недавно скончавшагося Федора Ивановича Буслаева. Жизнь и дѣятельность его представляютъ примѣръ счастливаго, ничѣмъ ве нарушаемаго развитія своеобразныхъ природныхъ дарованій и рано сложившихся склонностей. Это свободное, безпрепятственное развитіе, а равно и необычайно цѣльный и простой складъ личности Буслаева существенно облегчаютъ оцѣнку его научной и общественной заслуги. «Ими г. Буслаева, — писалъ въ 1891 году одинъ изъ лучшихъ историковъ нашего новѣйшаго развитія, — уже теперь становится почетнымъ историческимъ именемъ: рѣдко дѣятельность ученаго бываетъ въ такой степени вся проникнута однимъ общимъ настроениемъ, и рѣдко это настроение бываетъ въ такой степени одушевлено возвышеннымъ идеализмомъ, въ которомъ народолюбие подкрѣпляется благородными внушеніями науки»¹⁾.

Природа надѣлила Буслаева прямо, искреннею натурою и живою впечатлительностью, а судьба поставила его въ условія, содѣйствовавшія спокойному развитию умственныхъ интересовъ. Рѣдкая жажда знанія и любовь въ наукѣ были результатомъ этихъ условій и, по справедливому признанію самого Буслаева, «наполнили всю его жизнь».

Внѣшняя судьба этой жизни чрезвычайно проста. Буслаевъ родился въ полуправильной, получиновничьей семье, вполнѣ обезпеченней. Рано потерявъ отца, онъ провелъ дѣтскіе и отроческіе годы въ Пензѣ, гдѣ его мать поселилась вскорѣ по смерти мужа. Вліяніе матери является главнымъ и благотворнымъ въ теченіе этихъ лѣтъ жизни Буслаева. Воспоминанія сына и сохранившіяся собственные письма ея рисуютъ ее женщиною простого, но твердаго нравственного склада, патріархально и

¹⁾ А. Н. Пыпинъ: „Исторія русской этнографіи“, т. II. 73.

тепло религіозной, надѣленной доброю и спокойною натурою, большинъ здравыиъ смысломъ и извѣстнымъ умственнымъ развитиемъ. Дочь армейскаго офицера, участвовавшаго въ суворовскомъ походѣ черезъ Альпы, она вышла замужъ четырнадцати лѣтъ, а черезъ семь лѣтъ, двадцати одного года отъ роду, осталась вдовою съ пятилѣтнимъ сыномъ—будущимъ ученымъ. Черезъ два года она снова вышла замужъ, во бракъ этотъ былъ несчастливъ. Вотчина Буслаева вѣкнула въ беспорядочную жизнь и, разстроивъ состояніе жены, умеръ черезъ пять лѣтъ, въ холеру 1830 года, когда Буслаеву было двѣнадцать лѣтъ. Печальная судьба семьи только способствовала сближенію матери съ сыномъ. Мать Буслаева дѣлила съ нимъ всѣ его умственные интересы и до самой смерти съ пониманіемъ слѣдила за его развитиемъ. Послѣ смерти вотчина семья вернулась къ своему прежнему быту, причемъ небольшие остатки прежн资料的 состоянія позволили матери Буслаева заняться его образованіемъ. Настойчивая забота о воспитаніи сына не оставляла ее до самой смерти, послѣдовавшей въ 1836 году. Еще въ 1835 году Буслаевъ—студентъ совсѣмълся съ матерью относительно направлениія своихъ занятій.

Мать Буслаева имѣла, повидимому, вполнѣ ясное понятіе и объ его умственномъ складѣ, и общемъ характерѣ его дарованія: «Боюсь, не охладишь бы онъ вѣсъ,—пишетъ она о сыниѣ родственницамъ въ Москву,—онъ холоденъ и угрюмъ. Извиняйте ему, если вы его найдете такимъ: это его характеръ; и его, кроме наукъ, ничего, кажется, не разгорячитъ». Въ воспоминаніяхъ Буслаева находимъ также слѣдующій характерный разсказъ. Въ 1834 году, прѣѣхавъ въ Москву для свиданія съ сыномъ, мать Буслаева вошла однажды къ нему, когда онъ по черновому наброску составлялъ послѣднюю лекцію Погодина. Она поинтересовалась содержаніемъ работы и, подробно разсказывая ей содержаніе лекціи, Буслаевъ, незамѣтно для себя самого, одумцевился до такой степени, что изъ роли студента перешелъ въ роль профессора, принявъ осанку, жесты и голосъ Погодина. «Матушка слушать и смотреть на меня, любуется—и наконецъ, не вытерпѣла, расхохоталась, обнимаетъ и цѣлуетъ. Вотъ въ первый опытъ, которымъ я добѣтировалъ свое призваніе на университетскую каѳедру»,—замѣчаетъ по этому поводу самъ Буслаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Дѣйствительно, въ этой сценѣ съ матерью мы уже видимъ будущаго энтузиаста-профессора, навсегда сохранившаго свой юношеский жаръ къ наукѣ.

Воспоминанія Буслаева даютъ намъ чрезвычайно опредѣленное представление объ его развитіи въ теченіе жизни въ Пензѣ. Буслаевъ соображаетъ, между прочимъ, подробное описание своей домашней библіотеки, домашнихъ литературныхъ чтеній и гимназическаго курса. Чтеніе нерѣдко чрезвычайно сильно дѣйствовало на воображеніе впечатлительного подростка, его чувство напрягалось до крайности и разрѣшалось горькими слезами. Большую часть поэтическихъ произведеній Буслаевъ читалъ вмѣстѣ съ матерью, которую называлъ позднѣе, на риду съ учителемъ русскаго языка, своимъ главнымъ воспитателемъ и наставникомъ въ литературѣ. Она и ея сынъ уже увлекались новыми вѣяніями русскаго романтизма, и Жуковскій былъ ихъ лю-

бимъ постомъ въ ряду съ Козловымъ и Батюшковымъ. Наконецъ, по признанию самого Буслаева, чрезвычайно воспитательное выданіе имѣли на него альманахи того времени, особенно *Полярная Звезда* Бестужева. Въ ея выпускахъ будущій ученый находилъ образчики всего лучшаго, что создавалось тогда въ русской литературѣ и впервые выходило въ свѣтъ именно на страницахъ этого сборника: и стихотворевія Пушкина, и басни Крылова, отрывки классическихъ переводовъ Жуковскаго, а также интересные критические обзоры. То была для молодого Буслаева «безподобная хрестоматія современной русской литературы, въ высокой степени наставительная и столько же плодотворная своимъ художественнымъ обаяніемъ».

Десяти лѣтъ Буслаевъ поступилъ въ певзенскую гимназію, порядки и быть который съ такою реальностью очерчены въ его воспоминаніяхъ. Гимназическій курсъ (это было въ 1828 году) продолжался тогда только четыре года и состоялъ изъ четырехъ классовъ съ тремя уроками въ день; уроки были двухчасовые и располагались отъ 8—12 и 2—4 ч. Двухчасовой урокъ давалъ много простора практическимъ занятіямъ. Учителю представлялось очень подробно и не спѣша излагать содержаніе руководства и заставлять учениковъ по иѣ школьку разъ пересказывать это изложеніе, такъ что въ концу класса заданный урокъ былъ уже готовъ и не требовалъ затвержданья на дому. Особенно удавался этотъ методъ въ урокахъ математики, логики и риторики. Послѣдніе два предмета вызывали живѣйшій интересъ въ учебникахъ, и упражненія въ риторическихъ фигурахъ и схемахъ формальной логики надолго обращались въ любимую игру гимназистовъ. Уроки русской исторіи проходили въ чтеніи «Исторіи государства Россійскаго» Карагзина, а уроки русской словесности—въ чтеніи писателей, не только старыхъ—Ломоносова, Державина Фонвизина, но также новѣйшихъ, какими тогда были Батюшковъ, Жуковскій и Пушкинъ. Общий въ то время обычай составлять себѣ рукописные сборники, объясняемый рѣдкостью книгъ, былъ распространенъ и въ пензенской гимназіи. Въ такихъ рукописныхъ коніяхъ въ гимназіи стали извѣстны Буслаеву, между прочимъ, «Думы» Рыльева и «Горе отъ ума».

Это преобладающее господство литературныхъ вкусовъ среди учащейся молодежи, сосредоточившееся на русской словесности, хорошо известно изъ исторіи русской средней и высшей школы начала столѣтія. Въ пензенской гимназіи повторялось лишь то же самое явленіе, которое въ болѣе характерной формѣ обнаружилось въ исторіи начальныхъ выпусксовъ царскосельского лицея. Почти совершенная невозможность иныхъ умственныхъ интересовъ, кроме литературныхъ, и вниманіе, которое обращала школа того времени на стилистическая занятія, направляли тогда въ область литературы рядъ живыхъ и способныхъ дѣятелей. Буслаевъ подробно описываетъ страсть къ писательству, которая была вызвана въ пензенскихъ гимназистахъ ихъ преподавателемъ словесности. Досугъ и свобода, явившіеся при отсутствіи строгаго надзора и систематическихъ занятій, еще болѣе заставляли учениковъ сосредоточиваться на

этихъ любительскихъ литературныхъ интересахъ. «Практический методъ, обусловливаемый двухчасовымъ урокомъ,—читаетъ мы въ воспоминаніяхъ,—давалъ много льготы и учителю, и ученикамъ, которая могла бы вести къ полезнымъ результатамъ, если бы не была злоупотребляема: большую часть времени въ гимназіи мы проводили сами по себѣ, такъ сказать по способу взаинного обучения, безъ надлежащаго руководства и наблюденія со стороны учителей. Мы слушали, что одинъ изъ настъ читалъ, а то и сами читали, каждый про себя, или же что-нибудь списывали, переводили съ иностраннныхъ языковъ на русскій, изготавливали свои сочиненія». Между тѣмъ учителя смежныхъ классовъ разговаривали между собою, прохаживаясь взадъ и впередъ. Исключение изъ этихъ порядковъ составляли уроки Зоммера, которому Буслаевъ, по собственному признанію, обязанъ отчетливымъ знаніемъ нѣмецкаго языка. Если къ картинѣ этого «добровольного обучения» присоединить свободу вѣкѣнаго времени,—дѣтскія забавы сообща, катанье съ горы зимию или игры въ недалекой рощѣ лѣтомъ, загородныя экскурсіи, набѣги на соѣдніе сады и неисчерпаемыя шалости,—нашъ станеть понятною горячая привязанность, которую плензенскіе гимназисты питали къ своей гимназіи. «И какъ же мы любили свою милую гимпазію!—восклицаетъ Буслаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Мы считали ее своею собственностью, которую никто не думалъ отнимать у насъ, потому тогда еще не было ни классныхъ надзирателей и наблюдателей, ни инспекторовъ, ни всякой другой напастіи. Въ стѣны гимназіи нанили насъ рѣзвыя наши скобища для игръ и забавъ; тутъ же былъ сборный пунктъ, откуда направлялись наши увеселительные походженія».

По окончаніи гимназического курса Буслаевъ еще одинъ годъ оставался въ Пензѣ. Для университетскаго экзамена онъ долженъ былъ пополнить свои гимназическія свѣдѣнія. Постоянное желаніе будущаго студента было сдѣлаться медикомъ, чтобы обеспечить независимое положеніе любимой матери; но эта послѣдня находила сына по характеру и по дарованіямъ рѣшительно неспособнымъ ни къ изученію анатоміи и хирургіи, ни къ суровымъ практическимъ обязанностямъ врача. Она прочила его въ филологи и всѣми силами содѣйствовала поступленію сына именно въ московскій университетъ, о благотворномъ вліяніи которого она со свойственнымъ ей здравымъ смысломъ заключала изъ примѣра одного изъ своихъ плензенскихъ знакомыхъ. Мать Буслаева дѣйствительно сумѣла воспользоваться оставшимся годомъ для пополненія образованія своего сына. Она пригласила въ домъ въ качествѣ воспитателя одного изъ лучшихъ преподавателей плензенской семинаріи, который между прочимъ ознакомилъ своего ученика съ нѣкоторыми философскими предметами семинарскаго курса. Философія явилась весьма существеннымъ добавленіемъ къ гимназическимъ интересамъ Буслаева и въ этотъ годъ весьма сильно привокала къ себѣ его живую любознательность.

Вотъ какъ самъ Буслаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ подводитъ итоги своему школьному обученію: «Оно состояло изъ двухъ периодовъ—изъ гимназического и семинарскаго. Оба они были организованы и приведены

въ стройный порядокъ предусмотрительными заботами и бдительнымъ попечениемъ моей матушки. Вотъ почему съ живѣйшою признательностью всегда вспоминалъ я и теперь вспоминаю о моемъ школьнмъ обученіи. Оно пробудило во мнѣ любовь къ наукѣ, которая потомъ навсегда сдѣ-жалась предметомъ и цѣлью моей жизни».

II.

Осеню 1834 года Буслаевъ сдалъ экзаменъ и былъ принятъ въ число студентовъ словеснаго факультета.

Годы студенчества Буслаева, 1834—1838 гг., были преддверiemъ, знаменательной эпохи въ жизни московскаго университета. Въ 1835 году появился первый контингентъ молодыхъ профессоровъ, только что возвращившихся изъ-за границы, а одновременно съ ними—новый попечитель, гр. С. Г. Строгановъ, столь извѣстный въ лѣтописахъ московскаго университета, и новый инспекторъ студентовъ П. С. Нахимовъ, симпатичная личность которого до сихъ поръ живеть въ воспоминаніяхъ старыхъ студентовъ. Самъ Буслаевъ раздѣляетъ на три категоріи тогдашнихъ профессоровъ филологического факультета. Первую составляли старики. „Къ старшему поколѣнію,—читаемъ мы въ „Воспоминаніяхъ“ Буслаева,—относится профессора съ самого начала нашего столѣтія. Какъ люди, отжившие свой вѣкъ, они удивляли и забавляли часъ своей оригинальностью и разными причудами вмѣстѣ съ патріахалью простотою въ обращеніи съ студентами“. Лекціи всѣхъ этихъ профессоровъ становились ареной самыхъ невѣроятныхъ продѣлокъ, въ которыхъ юношеская шалость соединялась съ протестомъ противъ рутинъ и непроизводительной траты учебнаго времени. Представителемъ средняго поколѣнія профессоровъ въ запискахъ Буслаева является извѣстный И. И. Давыдовъ Въ то время онъ читалъ теорію словесности по руководству Блера, которое онъ старался перестроить на новыхъ основахъ философіи Шеллинга. Эти лекціи были полезны слушателямъ не столько своимъ содержаніемъ, сколько первыми отступленіями въ область практическихъ вопросовъ стили и современной литературы. Но все это было лишь продолженіемъ тѣхъ литературныхъ интересовъ и изученій, которые начались для Буслаева еще въ пеизенской гимназіи. Тѣ интересы, которые Буслаевъ вылѣсъ изъ московскаго университета, не могли зародиться на лекціяхъ Давыдова: Давыдовъ игнорировалъ старую, до-петровскую письменность и съ презрительнымъ снисхожденіемъ относился въ народномъ элементѣ словесности. Однабо по совѣту Давыдова Буслаевъ впервые познакомился съ такимъ филологическимъ сочиненіемъ, которое впослѣдствіи оказалось рѣшающее вліяніе на его ученыя работы. То было изслѣдованіе Вильгельма Гумбольдта „О средствѣ и различіи языковъ индогерманскихъ“. Третій отдѣлъ университетскихъ преподавателей, непосредственно предшествовалъ поколѣнію новыхъ профессоровъ, возвращавшихся на глазахъ Буслаева изъ Германіи. Надеждинъ, Погодинъ и Шевыревъ были главными представителями этого третьего

отдѣла и въ то же время главными учителями Буслаева. Изъ нихъ Шевыревъ имѣлъ особенно рѣшающее вліяніе на научные интересы Буслаева.

Дѣятельность Шевырева въ тѣ годы была чрезвычайно разнообразна. Въ первый годъ Шевыревъ читалъ обширный курсъ теоріи словесности соединившійся съ практическими занятіями и изученіемъ исторіи стиля по памятникамъ, вачиная съ лѣтописи Нестора и писателей XII вѣка и до Пушкина включительно. „Все это,— замѣчаетъ Буслаевъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“,—изведенное теперь въ программу среднихъ учебныхъ заведеній, было тогда свѣжей новостью на университетской каѳедрѣ“. Лекціи Шевырева производили неизгладимое впечатлѣніе на Буслаева, и каждая изъ нихъ представлялась ему „какимъ-то просвѣтительнымъ откровеніемъ, дававшимъ доступъ въ неисчерпаемыя сокровища разнообразныхъ формъ и оборотовъ нашего великаго и могучаго языка“. Эти лекціи несомнѣнно отразились и на сочиненіи Буслаева „О преподаваніи отечественнаго языка“ (изд. 1844 г.). Тѣ же лекціи, повидимому не остались безъ вліянія и на возникновеніе того научнаго культа народности, которыми проникнута вся учевая дѣятельность Буслаева. Шевыревъ былъ не менѣе полезенъ Буслаеву и своимъ чтеніямъ по истории иностранныхъ литературъ. Уже на первомъ курсѣ Буслаевъ наслаждался вышедшими въ печати лекціями Шевырева по литературамъ еврейской и индійской. Тутъ впервые зародилась въ Буслаевѣ мысль, позднѣе осуществленная,—учиться еврейскому языку и санскриту. Тогда же монографія Шевырева о Данте обратила впервые взоры Буслаева къ автору „Божественной Комедіи“, которая на всю жизнь осталась однимъ изъ его глубокихъ и задушевныхъ интересовъ. Шевыревъ читалъ также теорію поэзіи въ ея историческомъ развитії, а въ особомъ курсѣ греческой поэзіи онъ заинтересовалъ Буслаева изложеніемъ знаменитаго спора о происхожденіи и составѣ Гомеровскихъ поэмъ и въ то же время внушилъ ему мысль о литературномъ изслѣдованіи русскаго эпоса параллельно съ греческимъ. При Буслаевѣ Шевыревъ впервые стала читать и исторію русской литературы. Готовясь къ этимъ новымъ лекціямъ, Шевыревъ принужденъ былъ самъ отыскивать источники русской старини и народности по рукописямъ, старопечатнымъ книгамъ, народнымъ пѣснямъ и преданіямъ. Неослабный интересъ, возбуждаемый въ профессорѣ безпрестанными открытиями въ новой, еще вовсе не разработанной области науки, дѣйствовалъ на студентовъ обаятельной свѣжестью воодушевленія. Въ этикъ лекціяхъ Шевыревъ уже пользовался знаменитымъ собраниемъ русскихъ пѣсень Кирѣевскаго. Всѣ эти курсы должны были чрезвычайно расширить литературный горизонтъ Буслаева и утвердить въ немъ живое сознаніе никогда не прекращавшагося вполнѣ воздѣйствія Запада на духовную жизнь Россіи, это сознаніе съ силой сказалось во всѣхъ послѣдующихъ трудахъ Буслаева. Занимался ли онъ изслѣдованіемъ древнѣйшаго периода вашей письменности или разборомъ миниатюръ старого русскаго апокалипсиса—Буслаевъ никогда не терялъ историческаго горизонта, съ особымъ чутью находя западные источники различныхъ явлений русской литературы и искусства, или по крайней мѣрѣ важныя, освѣщающія параллели. Эта черта, еще

послѣдовательнѣе и строже развитая въ ученой дѣятельности И. С. Тихонравова, можетъ быть возводима къ общей обоюдной научной школѣ.

Погодинъ имѣлъ для Буслаева важное значеніе своимъ непосредственнымъ знакомствомъ съ первоисточниками русской древности и безчисленными указаніями практическаго характера. Погодинъ первый изучилъ Буслаева читать и разбирать старыя рукописи, во множествѣ собранныхъ въ такъ называвшемся „погодинскомъ древлехранилищѣ“. Пользуясь трудомъ Буслаева при копированіи древнихъ рукописныхъ текстовъ, Погодинъ въ то же время посвящалъ своего ученика въ тайны палеографіи и давалъ ему цѣнныя указанія относительно выбора чтенія. Такъ напр., заинтересовавшись въ лекціяхъ Погодина вопросомъ о скандинавскомъ происхожденіи Руси, Буслаевъ какъ-то обратился къ профессору за указаніями для изученія древнихъ скандинавскихъ народовъ. Погодинъ называлъ ему грамматику Якова Гримма; „такимъ образомъ,—читаемъ мы въ воспоминаніяхъ, —изъ устъ Погодина впервые услышала я имя великаго германскаго ученаго, который своими многочисленными и разнообразными изслѣдованіями потомъ оказывалъ на меня такую обаятельную силу, тѣль воодушевлялъ меня, что я сдѣлалась однимъ изъ самыхъ ревностныхъ и преданныйшихъ его послѣдователей“.

Новый періодъ московского университета, ознаменованный пріливомъ молодыхъ ученыхъ силъ, приносившихъ съ собой послѣдніе результаты германской науки, сравнительно мало коснулся Буслаева. Лучшая общественно-воспитательная эпоха московского университета началась уже по выходѣ Буслаева. Весною 1838 г. окончилъ Буслаевъ свой университетскій курсъ, а осенью слѣдующаго года впервые появился въ университѣтѣ Грановскій. Но Буслаевъ вывесь изъ университета значительныя филологическія познанія и довольно обширную общую и специальную подготовку для сравнительно-исторического изслѣдованія русской древности. Шевыревъ и Погодинъ успѣли пробудить въ его отзывчивой душѣ то теплое, „гуманное“ отношеніе къ этой древности, которое позднѣе такъ поражало всячаго, приходившаго съ нимъ въ столкновеніе.

III.

Окончивъ въ московскомъ университетѣ курсъ съ степенью кандидата, Буслаевъ тотчасъ былъ рекомендованъ Давыдовымъ и Нахимовымъ въ качествѣ домашнаго учителя гофмаршалу барону Л. К. Боде. Эта семья кроме личныхъ дружественныхъ связей дала Буслаеву первый педагогический опытъ. Очень скоро молодой учитель пришелъ къ убѣждению, что полученное имъ образование не давало педагогической подготовки. Онъ долженъ былъ самъ вырабатывать и методъ, и программу занятій; и при этомъ, выработаннымъ имъ на урокахъ въ семье Боде, Буслаевъ самъ придавалъ первостепенное значеніе для склада своихъ педагогическихъ взглядовъ, отразившихся всего полнѣе въ его книгѣ, уже разъ мами упомянутой,—«О преподаваніи отечественнаго языка». Книга эта не можетъ быть разсмотрима въ качествѣ новой педагогической системы,

но она важна своимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ школьній рутинѣ, своими усилиями ознакомить среднюю школу съ результатами, достигнутыми наукой, и дать учащимся свѣдѣнія, возбуждающія умственный интересъ и инициативу. Совершенно тотъ же характеръ носило преподаваніе Буслаева въ семье Боде. Буслаевъ долженъ былъ готовить четырнадцатилѣтняго сына Боде въ пажескій корпусъ и заниматься русскимъ языкомъ съ его младшими сестрами. «Прежде всего,—читаемъ въ «Воспоминаніяхъ»,—надлежало воспитать окоту къ серьезному занятію и любовь къ науки». Оба курса Буслаева основывались на практическихъ началахъ класснаго чтенія образцовъ, разбора и свободной бесѣды. Извѣстно, что Буслаеву удалось пробудить въ ученикѣ своеобразный интересъ къ русской старинѣ, который выразился между прочимъ въ трудѣ по истории рода Колычевыхъ.

Къ тому же времени относится первое знакомство Буслаева съ соціальными представителями учебнаго мира: въ томъ же 1838 году Буслаевъ получилъ уроки русскаго языка во 2-ой московской гимназіи. Училиство въ этой гимназіи, по свидѣтельству самого Буслаева, «прошло мимо него какъ тѣнь, не оставивъ по себѣ ни малѣйшаго слѣда». Но тѣлько сильнѣе были впечатлѣнія административно-общественного характера. Служебныя отношенія въ гимназіи и формализмъ преподаванія видимо были не по характеру впечатлѣнія и подвижного ученаго. Насстроение Буслаева въ теченіе всей этой зимы было удрученнымъ; онъ почувствовалъ наконецъ общій упадокъ силъ и великимъ постою совсѣмъ прекратилъ уроки въ гимназіи. Этотъ гимназіческий эпизодъ и особенно вступительное объясненіе съ директоромъ оставилъ въ воспомінчивой душѣ Буслаева гораздо болѣе сильный слѣдъ, чѣмъ можно было предполагать. «Съ тѣхъ самыхъ поръ,—читаемъ мы въ «Воспоминаніяхъ»,—врѣмя засѣла во мнѣ инстинктивная бознь передъ всякимъ начальствомъ». Неизѣстно, какъ сложилась бы дальнѣйшая карьера Буслаева, если бы весной не наступилъ въ ней рѣшительный и благотворный переломъ.

IV.

«Въ концѣ мая, въ какой-то праздничный день, въ раннія обѣдни,—читаемъ мы въ «Воспоминаніяхъ» Буслаева,—разбудили меня, чтобы немедленно вручить мнѣ очень нужное письмо отъ инспектора студентовъ Накимова. Въ короткихъ словахъ уведомляли онъ меня, чтобы сегодня же явился я въ девять часовъ утра къ попечителю, графу Строганову. никакими словами не могу вамъ высказать того ужаса, какимъ поразило меня это нежданное и нѣгаданное приглашеніе. Я чувствовалъ себя виноватымъ передъ гимназіею въ нерадѣніи и упущеніи по службѣ; я былъ въ отчаяніи, путаясь въ мысляхъ, какъ и что могу я сказать въ свое оправданіе. Я ждалъ грозной расправы и былъ убѣждѣнъ, что меня выгонятъ изъ службы или, по малой мѣрѣ, сошлютъ учительемъ куда-нибудь въ захолустье».

Эта тревожная неизѣстность разрѣшилась приглашеніемъ сопровождать

семью попечителя въ двухъйтнєе заграничное путешествіе въ качествѣ домашняго учителя: Боде указалъ Строганову на Буслаева, какъ на лице, могущее съ успѣхомъ исполнить такую обязанность. Такимъ образомъ, Буслаеву, послѣ тягостной зимы, снова возвращалась свобода преподаванія и кромѣ того предстояла заграничная поездка подъ руководствомъ одного изъ образованныхъ русскихъ людей того времени. Италия была главною цѣлью путешествія, сообразно съ чѣмъ искусство стало главною цѣлью будущихъ изученій Буслаева. Пройдомъ знакомясь съ Германіей, молодой Буслаевъ не имѣлъ возможности вступить въ болѣе тѣсное общиеніе съ представителями германской науки и не испыталь того особаго вліянія германской философской мысли, которому такъ много обязаны были молодые профессора, прибывавшіе съ 1835 года въ московскій университетъ.

Вотъ какъ описываетъ самъ Буслаевъ настроеніе одной части тогдашняго русскаго общества,—настроеніе, среди которого покидалъ Россію и онъ: «Надѣ умами и сердцами господствовалъ тогда мечтательный романтизмъ съ безотчетнымъ вѣрованіемъ во всевозможное и невозможное, съ выспреніями полетами въ невѣдомыя таинственные области, съ религіознымъ поэлоцѣніемъ искусству для искусства. Обѣтованію землюю для восторженныхъ душъ была тогда Италия, опустѣлая, убогая и порабощенная въ своемъ настоящемъ, и такъ неистощимо богатая и могущественная въ художественныхъ памятникахъ своего прошедшаго, будто необъятное владище всемирныхъ гигантовъ, сооружавшихъ нѣкогда столпотвореніе европейской цивилизації». По указанію профессора римской словесности Крюкова, Буслаевъ запасся въ Петербургъ руководствомъ Отфорда Мюллера по археологіи искусства и еще во время пути погрузился въ изученіе этой книги.

Мы не будемъ останавливаться подробно на ходѣ итальянскихъ изученій Буслаева. Проведя половину своего заграничного пребыванія въ Неаполь и его окрестностяхъ, а другую въ Римѣ, Буслаевъ успѣвъ основательно ознакомиться съ художественными богатствами Италии и изучать античную жизнь на юѣтѣ раскопокъ въ Помпѣї. Воспоминанія Буслаева свидѣтельствуютъ о поразительномъ трудолюбіи и настойчивости молодого ученаго, проводившаго вечера за усвоеніемъ общихъ руководствъ по исторіи искусствъ, а все остальное, свободное отъ педагогическихъ занятій время изучавшаго художественные музеи и галлерен Италии. Въ то же время Буслаевъ знакомился съ сокровищами старой итальянской литературы и одно время совершилъ погрузился въ изученіе своего давняго любимца—Данта. Художественная пышность итальянского католицизма съ силой поражала его фантазію. Его религіозные интересы получали тутъ волнующій импульсъ, который былъ необходимъ для его натуры во всѣхъ сферахъ духовной дѣятельности. Встрѣчи съ знакомыми искусствомъ и постоянныи бесѣды съ Строгановымъ довершали эти впечатлѣнія и занятія. Извѣстно, что Строгановъ умѣлъ не только руководить уже развиившимися интересами Буслаева, но старался привить ему новые, недостатокъ которыхъ онъ замѣчалъ въ талантливомъ учителѣ. Говоря объ одностороннемъ мечтательномъ энтузиазмѣ, которымъ были

проникнуты его изученія, вотъ что еще сообщаетъ Буслаевъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»: «Разумѣется, и тогда были люди, которые мначе смотрѣли на вещи. Къ такимъ людямъ принадлежалъ графъ Серый Григорьевич. Я уже говорилъ вамъ, какъ онъ преслѣдовалъ меня за глупое педантство въ непростительномъ равнодушіи къ красотамъ итальянской природы. Теперь въ Неаполѣ я давалъ ему новые поводы издѣваться и подсмѣиваться надо мною. Для него было странно и забавно мое полнѣшее невниманіе къ событиямъ дня, къ разнообразнымъ интересамъ современности». Чтобы ознакомить Буслаева съ современностью дѣйствительностью и политическимъ положеніемъ Италии, Строгановъ совѣтовалъ ему читать газеты. Бромъ того, онъ поручилъ Буслаева своему старшему сыну,—юристу и университетскому сперстнику будущаго ученаго. Молодые люди прошли вмѣстѣ изъто въ родѣ курса государственного права и политической исторіи Европы съ 1815 года. Буслаеву, по его собственному признанію, было чрезвычайно трудно вникать въ эти новые интересы; «по крайней мѣрѣ, замѣчасть онъ въ «Воспоминаніяхъ», мнѣ стало ясно унизительное положеніе бѣдной Италии, которую поработили себѣ Габсбурги и Бурбоны».

По возвращеніи изъ-за границы, Буслаевъ сохранилъ занятія въ семье попечителя и въ то-же время получалъ уроки въ 3-й московской гимназіи. Буслаевъ еще разъ обнаружилъ здѣсь неспособность подчинить свое дарование педагогической рутинѣ средней школы. Гимназіческие уроки стали для него источникомъ постоянныхъ волнений и пререканій съ начальствомъ. Будущее рисовалось Буслаеву въ мрачныхъ краскахъ. Фантастичесіе планы возникали въ его умѣ: первою представлялась ему мысль навсегда порвать съ гнетущей обстановкой и, переселившись въ любимую Италию, повторить судьбу Винкельманна. Строгановъ подсмѣивался надъ Буслаевымъ и, продолжая руководить его занятіями, направлялъ его теперь на изученіе педагогической литературы. И поздіе, уже оставивъ попечительство, Строгановъ продолжалъ сохранять самые близкія отношенія къ Буслаеву и все свое вниманіе на него.

V.

Буслаевъ въ 1848 году вступилъ въ университетъ въ качествѣ стоянаго преподавателя, а съ 1861 года получилъ каѳедру, которую и занималъ въ теченіе двадцати лѣтъ. Подобно своему предшественнику и учителю Шевыреву, Буслаевъ читалъ самые разнообразные курсы по исторіи языка и литературы, нерѣдко переходя и въ область исторіи искусствъ. Буслаевъ профессоръ прежде всего старался передать своимъ слушателямъ новѣйшія руководящія идеи наукъ, составлявшихъ его специальность, и какъ можно болѣе разнообразнаго образовательного научнаго материала. Эпизодичность лекцій Буслаева хорошо извѣстна: свободная, увлекательная бесѣда о научныхъ предметахъ навсегда осталась для него любимой формой преподаванія. Самъ лекторъ постоянно переживалъ вновь юный жаръ своихъ «учебныхъ и страническихъ лѣтъ». Такая бе-

съда съ слушателями, прерванная на лекціи, возобновлялась часто на квартире профессора, доступность и научная общительность которого не имѣли границъ. Притягательная сила Буслаева, какъ профессора, заключалась въ чрезвычайно свободномъ проявленіи его личности,—горячей, искренней, всецѣло преданной служенію наукѣ, всегда витающей въ сфере художественныхъ представлений и гуманныхъ интересовъ. И печатные труды Буслаева, даже самые специальные, почти всегда носили тотъ же характеръ—одушевленной и свободной научной бесѣды. Случай сдѣлалъ пишущаго эти строки очевидцемъ послѣдней публичной лекціи Буслаева. То было на археологическомъ съездѣ 1890 года въ Москвѣ, когда маститый уже семидесятилѣтній ученый, уступая просьбамъ своихъ учениковъ, появился въ ихъ средѣ и неожиданно увлекъ собравшуюся публику захватывающей бесѣдой о русскомъ искусствѣ,—бесѣдой чрезвычайно характерной для всей профессорской дѣятельности Буслаева. Въ то время зрѣніе уже замѣтно начинало измѣняться Буслаеву; но лицо его сохранило живую игру чертъ, а рѣчь, торопливая и неровная—всю горячность отроческихъ интонацій. Престарѣлый ученый говорилъ о стилизациѣ ландшафта въ рисункахъ старого русскаго Апокалипсиса, гдѣ земная растительность изображается подчасъ одинимъ огромнымъ зеленымъ листомъ, всѣ горы земли—какимъ-то кокончикомъ съ завитками по бокамъ, а выѣстилицы водъ—голубымъ многоугольникомъ съ колоссальной рыбой въ срединѣ. «Только такимъ смѣльымъ пріемомъ наивнаго иконо-писца,—замѣтилъ Буслаевъ,—возможно было выѣстить необыкнѣную группаду всѣй земли и моря въ малый ключекъ стилизованного ландшафта». Затѣмъ, противопоставляя эту суммарный пріемъ русскаго Апокалипсиса детальной манерѣ голландскихъ пейзажистовъ, Буслаевъ съ неожиданной силой вызвалъ въ умѣ слушателей два крайнихъ, характерныхъ полюса, между которыми врашаются всѣ человѣческія представлѣнія о ландшафте.

VI.

Историческая грамматика русскаго языка, исторические очерки древнерусской народной словесности и искусства съ ихъ продолженіемъ—позднѣйшими сборниками статей и, наконецъ, изслѣдованіе и изданіе лицевого Апокалипсиса—вотъ капитальные труды, оставленные Буслаевымъ русской научной литературѣ. Духъ русскаго языка, древній бытъ народа и его вѣрованія—вотъ тѣ проявленія, въ которыхъ изучалъ восторженный изслѣдователь главный предметъ своихъ симпатій—русскую народность.

Огромное вліяніе школы Гриима на эти труды Буслаева составляеть общепризнанный фактъ. Духовная связь между знаменитыми германскими учеными и его русскимъ послѣдователемъ прекрасно освѣщена А. Н. Пыпинъ въ его „Исторіи русской этнографіи“. Мы замѣствуемъ изъ этой характеристики рядъ отрывковъ, опредѣляющихъ отношеніе Буслаева къ Грииму. Буслаевъ, замѣчаетъ А. Н. Пыпинъ, примѣнъ сравнительный и исторический методъ Гриима къ объясненію русскаго языка, его

звуковъ и формъ, изучаль народную риторику и стилистику, извлекаль изъ старого народного языка материалы для исторіи быта военного, юридического, религіознаго, семейнаго, для опредѣленія языческихъ и христіанскихъ взглядовъ народа, рассматриваль грецизмы и варваризмы старого языка—какъ памятники его историческихъ сношений и развитія. Впослѣдствіи ученая дѣятельность Буслаева состояла въ дальнѣйшемъ приложеніи гринниковскаго метода къ старой русской народной словесности, быту и мифологии.

Внѣстъ съ научнымъ методомъ, Буслаевъ по свойству своего дарования соединилъ и другую черту, отличающую знаменитаго нѣмецкаго ученаго: Гриимъ не только критически, но фантазіей и поетическими чувствомъ восстановлять любимую старину; подобная черта давала привлекательность и трудамъ Буслаева. Буслаевъ самъ называетъ себя ученикомъ Гриимма, и, какъ замѣчаетъ онъ въ предисловіи къ одному изъ своихъ трудовъ, взялъ Гриима въ руководители именно потому, что „*почитается его начала самыми основательными и самыми плодотворными и для науки и для жизни*“¹. И эти слова Буслаева чрезвычайно характерны для его отношеній къ Грииму, ибо гринниковскій приемъ заключаетъ въ себѣ не только научную теорію, но и нравственно-общественное направление. Приведены слова Буслаева поназываютъ, что онъ именно понялъ или почувствовалъ это. Понятно, что Буслаевъ раздѣлялъ и многія научные увлечения Гриима,—его смѣлыя мифологическія построенія и абсолютные исторические выводы изъ данныхъ языка: вліяніе личности Гриима подавляло, приѣхъ Гриима быль поражающій: объясненія видѣлись близко, общий характеръ эпической старины казался разъ всегда угаданнымъ.

Связь работы Буслаева съ направленіемъ германского ученаго не была однако простынь подражаніемъ, она имѣла болѣе глубокую причину: для нашего общественного образованія пришла тогда пора переживать то настроеніе, которое выразилось въ дѣятельности научно-романтической школы Гриимма. Интересъ къ русской стариинѣ широко распространялся и ранѣе Буслаева, но за неимѣніемъ научной и гуманитарной подкладки это стремленіе къ народности получало подчасъ самыя фальшивыя выраженія и примѣненія. Писатели прогрессивнаго направленія отвергали это извращеніе народности, которое было имъ слишкомъ очевидно; но, полагая всѣ свои силы на вопросы современной общественности и просвѣщенія, они относились къ народной стариинѣ равнодушно, какъ къ пережитому прошедшему. Таковы были условія. Естественно было логически искать исхода изъ этихъ различно неудовлетворяющихъ точекъ зреїнія на народность и когда въ противоположность всѣмъ этихъ крайностямъ или недоразумѣніямъ являлась гринниковская теорія, вооруженная научной силой, глубокимъ проникновеніемъ въ недоступныя ранѣе области старины и народной жизни, сознательнымъ возвеличеніемъ народно-поэтическаго содержанія, теплымъ отношеніемъ къ народу, какъ къ носителю этого содержанія,— эта теорія нашла отголосокъ и въ нашей литературѣ. Такой отвѣтъ съ русской стороны на учение Гриима и поданъ былъ всего болѣе—Буслаевъ

вымъ. Старина привлекала его совершенно такъ же, какъ и Григорія, интересомъ первобытного умственного и поэтическаго творчества, цѣльностью быта и общенороднаго міровоззрѣнія, выражавшейся въ той поэзіи которой одна была дѣйствительно народною, создавалась всѣми и каждымъ, заключала общія, всѣми испытанныя и провѣренныя чувства и поэтическія представленія. И вотъ, долго изучая старину, ея мрачныя и свѣтлыя явленія, Буслаевъ вынесъ убѣжденіе о существованіи въ этой старой жизни возвышенныхъ нравственныхъ идеаловъ; и онъ ревниво берегъ это убѣжденіе, пріобрѣтенное цѣлою неустанныхъ изысканій. По убѣждѣнію Буслаева, совершенно справедливому,—этотъ міръ народнаго творчества, до тѣхъ поръ мало или совсѣмъ не сознаваемый или грубо объясняемый, долженъ быть наконецъ войти въ кругъ повятій общества и занять въ его литературныхъ идеяхъ подобающее мѣсто.¹⁾

Буслаеву было дано осуществить лучшія цѣли его жизни и съ удовлетвореніемъ оглянуться назадъ. Имя его задолго до смерти было окружено не только высокимъ уваженіемъ, но и теплой признательностью. Культь Буслаева до конца дней его сохранился въ многочисленной семье его слушателей и слушательницъ. Доживая въ Москвѣ, за покой, свои старческие годы, вотъ что говорилъ онъ иногда посѣщавшимъ его друзьямъ и почитателямъ: „Если бы Промыслъ судилъ мнѣ жить еще разъ и отъ меня зависѣлъ бы выборъ этой новой жизни, я не пожелалъ бы жизни иной, кроме той, которая прожита мною“. Благородныя семейныя узы, рапине и свободное пробужденіе духовныхъ интересовъ, позднѣе—постоянное общеніе съ гениемъ искусствъ и наукъ, теплая любовь къ человѣчеству, свѣтившая ученому въ научномъ культе народности, и пробужденіе тѣхъ же чувствъ и интересовъ въ сотняхъ воспріимчивыхъ молодыхъ душъ—вотъ въ чёмъ полагалъ счастье своей жизни Федоръ Ивановичъ Буслаевъ.

В. Щепкинъ.

¹⁾ А. Н. Пыпинъ. „Исторія русской этнографіи“, т. II, 75 - 109.

СМЪСЬ.

•Воли, Весьегонского уѣзда, Тверской губ.¹⁾)

По покойнику.

Стать то мнѣ на свои да на скоры ноги,
Есъ стоялъ-то подойти ко дубовынъ,
По тебѣ ли же, мой батюшка (пия и отч.),
Потихоньву да полегоньну,
Чтобъ не испугать тебя отъ сна отъ крѣпкаго,
Отъ просоньца то вѣковѣчнаго,

Али спиши ты крѣпко что не прѣснешься
И не пробудишься?
Унялись знать твомъ скорби-болясти?
Знать пришло ить тебѣ теперь здоровыице?

¹⁾ Запис. въ январѣ 1895 г. отъ местной волынщицы—крестьянки, урож. дер. Макѣй-Горы (Щербовской вол., Весьегонск. у.) Екат. Николаевой. Это очень бѣдная старуха—бобышка, 80-ти лѣтъ (или около того), профессиональная волынщица, известная въ окрестныхъ деревняхъ. По ея словамъ, она научилась „вопить“ отъ своей матери и въ свою очередь знала сноя передала дочери, которой и не могъ слышать, т. к. она живетъ за 25 verstъ замужемъ и изъ другой деревни. Не смотря на свой возрастъ, волынщица сохранилась хорошо; это женщина, дѣятельная и необыкновенно словоохотливая старуха, съ величайшей готовностью пересказывавшая и пѣвшая свои прічтания. Въ настоящее время она единственная волынщица въ ближайшей окрестности. Ова „вопить“ по покойникамъ, на свадьбахъ, словорахъ, по рекрутамъ. То, что мною записано, насколько мнѣ показалось, не замыкается всего известного ей. По всей видимости, она знаетъ еще много отдельныхъ стиховъ, но спѣти ихъ, не путая съ уже разъ пропѣтыми не можетъ: она безпрестанно меняетъ слова и даже цѣлые стихи, замѣняя ихъ другими и часто тутъ же и слагаетъ ихъ изъ своего обширнаго репертуара старинныхъ поэтическихъ словъ и оборотовъ. На мой вопросъ, не знаетъ ли ова бывш., она отвѣтала отрицательно. Въ заключеніе необходимо замѣтить, что въ похоронныхъ прічтанияхъ она имѣла въ виду и называла известнаго ей недавно умершаго поэта барина, въ свадебныхъ же—киѳвишуюся въ ея деревнѣ блѣдную невѣсту, чѣмъ объясняются некоторые особенности въ волынкахъ и прічтавіяхъ. Насѣвъ ея похоронныхъ волыней, насколько позволяетъ замѣнить ея совершившво разбитый дрожающій, старческій голосъ, до известной степени сходенье напѣвать духовныхъ стиховъ Рябинина. Ю. Г.

Знать на тотъ на бывшъ съѣть срываешься, сподобляешься
Отъ своей родимой матушки?

Я спрошу тебя, мой батюшка, (имя)

Кто звалъ тебя, кто подговаривалъ?

Кормилицъ-ли звалъ батюшка?

Али виупъ всѣ сродцы и сроднички?

Такъ спрошу я тебя, батюшка,

Какъ подкарались къ тебѣ смерть прекрасная?

Не побоялась ни погодъ, ни вынугъ, ни снѣговъ бывшихъ?

Какъ подошла да какъ подиралася она?

Тяжело было тебѣ съ домомъ благодатными разставатися,

А еще тяжеле со твою милой матушкой (или матери и др. сродниковъ),

Да еще то тяжелѣ было разстаться,

И еще то тяжелѣ было прощатися

Со бывшимъ свѣтомъ со прекрасныниъ,

Со житѣемъ-бытѣемъ (барскимъ) хорошимъ.

Пытли за тобой ухаживати:

Не жалѣла себя родима матушка,

Ужъ сокрушилъ же ты ее, кормилицъ батюшка.

Не ходили у неї ноженьки,

На твои гляди скорби-болясти.

Не посмотрѣла, видно, смерть прекрасная,

Пожалѣла, что у тебя несносныя скорби-болясти.

Пустынь-пустехонъко стало въ дому матушки,

Насилу ходить она при злодѣй-горѣ.

Только и видѣтъ она отхлянушки,

Коли сѣдѣть ко Божьей церкви,

Коли выйтѣть да взойдѣть на твой высокъ теремъ,

Только и въ покоїцѣ бываетъ ретинно сердце.

А какъ вернется во твою во спаленъку—

Завернется у неї ретиво сердце,

Что пустынъ вездѣ пустехонъко.

Что не думала она, не чаяла

Перенестъ то злодѣй-горе.

Знать поддержалъ ее Господь Богъ

Твою матушку родимую (имя).

Тяжело было ей съ тобой разстаться,

Ужъ насилу подходила по столанъ дубовыниъ,

Что не доживши вѣку, батюшка,

Молодехонекъ рѣшился житъ (барского) прекраснаго,

Да хорошаго дому благодатнаго,

Успоконить свое ретиво ты сердце.

* * *

Подойду я, горюша-то горькая:

Ужъ и гдѣ же мой-то батюшка (имя)?

И стану я будить тебя тихохонько,
 Разговаривать съ тобой легохонько,
 Не поймешь ли мой рѣчи горьки?
 Да и не проснешься ли не пробудишься?
 И не поговоришь ли со мной, не побаешь ли?
 Какъ ты разставался со бѣлымъ свѣтомъ,
 И съ твоимъ то домомъ благодатнымъ,
 И со своимъ житѣемъ бытѣемъ хорошіимъ (барскимъ).
 (И со службою-то царевою).

Ударилъ ¹⁾ бы смерть прекрасную
 Золотой казной иссчетною:
 Оставилъ бы на сколь поры, на времячко,
 Пожать бы тебѣ да повѣлевать
 На сеѧ на свѣту на вольноеніи,
 Во житѣй бытѣ прекрасноеніи.

А теперь, корнилецъ батюшка,
 Приходитъ пора времячко,
 Что кретать ²⁾ тебѣ изъ дома благодатнаго.
 Какъ пріѣдуть отцы то духовые,
 Тяжело тебѣ подняться со столовъ дубовыхъ,
 Видно разставаться тебѣ съ домомъ благодатнымъ.

Поскшилися ³⁾ къ тебѣ люди добрые
 Да и взяли тебя за бѣлы руки,
 Положили тебя въ вѣврѣчный домъ,
 Что безъ дверей то сдѣланъ безъ ходячихъ
 И безъ окопечекъ то сдѣланъ безъ свѣтыни.
 И поставить тебя, нашего батюшку,
 Во сырѣ землю, во желты пески.
 Да какъ укладутъ тебѣ, да какъ устроятъ,
 Крѣпкимъ-на-крѣпко уинуть сырѣ-то землю
 И ургняютъ заступами вострыми,
 Чтобы ни выходу не было ни выѣзду.

Мы упрашивали рыльщиковъ-копальщиковъ,
 Чтобъ оставили они то путь дороженьку,
 Хоть не ёзжалую да пѣшеходную.
 Вотъ какъ скопились мы къ тебѣ, батюшка (имя),
 Да придишь на твой высокъ терентъ,
 Бабы вышелъ ты къ намъ, батюшка,
 Разговорился бы съ нами да разбаялся
 Про свое то про свое житѣ,
 Хорошо ли тебѣ тамъ со вольной волюшкой,
 Со житїя-бытїя хорошаго?

¹⁾ Ударилъ.

²⁾ Вм. кретать—двигать, двигаться(?) Ред.

³⁾ Собрались.

Аль тоскливо, аль тошиаконько?
Только бъ жить тебѣ до волевати!

Коль посудился быть въ дороги гости,
Коль назначили пору-времячко,
Какъ змой ходить то больно выжливо,
А какъ осенью ходить то больно и дрозино,
А весиною то ходить больно вбдано.
Такъ назначилъ бы ты пору-времячко
Посередъ лѣта, посередъ теплаго,
Посередъ сѣнокесу краснаго.
Мы бъ удержали въ тѣ поры рабочихъ,
Наварили бъ, припасли пива пьяного,
И про тебѣ ли листа кусу сахарнаго,
И питья то медоваго (медянаго).

И поскопились всѣ то да и сѣхались
На ту пору на времячко,
Встрѣтили бъ тебѣ посередъ поля чистаго,
И посередъ то пути по дорожевъкъ,
И подхватили бъ тебѣ подъ бѣлы руки,
Да повели бъ во свой во благодатный домъ,
Посадили бы тебя за столы дубовые,
Стали бъ за тобой ходить, ухаживать,
Говорить бы стели, разговаривать,
Поспросили бы, не сердкись, не гнѣваешься ли?
Да и проводили бы тебя во чисто поме,
Да ужъ тутъ то и разстались и простились бы съ тобой (ими).
И поднялся бы опять ты на то мѣстечко
Что ко матушкѣ то ко Божьей церкви.

—

Что не дохнуль, не рассказалъ про житѣе тамошнее?
Нѣть оттуда ни выѣздцовъ ни выходцевъ,
Ни письма-то нѣть оттоль, ни грамотки,
И ни словеснаго то чѣдебитыца.
Знать сажали крѣпкинъ-на-крѣпко,
Подъ замками подъ врѣпкими,
Да за дверями за желѣзными.
Только и оставилъ ты одно звавыище,
Что бывъ нашъ корнилецъ батюшка (такой-то: ими).

А теперь наикъ никогда тебя не видывать
И голоску-то твосго не слыхивать,
Ни по походочкѣ, ни по обрядочкѣ,
Нигдѣ-то тебѣ не запримѣтити,
Ни въ добрыхъ людахъ, ни въ торгахъ, ни въ ярмаркахъ,
Ни въ городахъ-то тѣхъ уѣздныхъ,
Ни во матушкѣ-то во Божьей церкви.

По солдату.

Что ишь выйти на широку улочку,
 Что ишь встрѣтить братца батюшку (такого-то: иши).
 Чѣмъ тебя Богъ пообразовалъ?
 Какъ подѣзжали вы къ пріемамъ ко высокимъ,
 Какъ входили вы по частымъ лѣсеникамъ,
 По судыни да по начальникамъ,
 Не подкосялись ли у васъ скоры ноженьки?
 Какъ поставили васъ подъ избушку высокую,
 Скатится съ плети буйная головушка.

И станутъ подводить васъ по столамъ дубовыми,
 Ко бутылочкамъ хрустальныхъ,
 Затрясутся ваши бѣлы рученъки
 Жеребы то вынимать строгіе,
 Ужъ какъ поглядите, прочитаете,
 Что попалъ жеребѣй-отъ близехонъко
 Въ тое ли линю солдатскую
 Во службу то во царскую.

Какъ предметъ вашъ пора-времячко,
 Посадятъ васъ на стулья на дубовые,
 Посыпаютъ съ васъ русы кудри
 Да и краинутъ васъ съ своей сторонушки
 Отъ родимаго отъ батюшки
 Въ города-то тѣ уѣздные,
 Во службу-то царскую,
 Во ученье государское.

Тяжко будетъ жить трудится
 Со мужицкой вольной волюшкой.
 Не успашь и въ темну ноченьку,
 Не угудяешь и въ Господни празднички,
 Все въ заботушкѣ солдатской.

Мое ишое ты дитятко,
 Посиди на свой лавочкѣ,
 Не усидѣть тебѣ въ неволюшкѣ,
 Въ неволюшкѣ во солдатской.
 Солдатъ-то посидя выснится,
 А походи накушается.

Свадебные сопи.

Вечѣрь пришла съ бессѣды невѣста и завыла:

Ужъ и сиду молодехонька
 На лавочку висутую,
 Я спрошу тебя, родитель батюшка,
 Что откль подсыпалъ ишѣ злодѣй-гори?

Проводили меня голубушки подруженьки
Со веселой со беседушками
Со веселыми со пѣснями.
У меня-то молодехоньки
Не были скоры помянуть.

Откъоль прикочнулось миѣ злодѣй-горе,
Что ты запоручилъ, родитель батюшка,
За порукой-то за крѣпкою,
За скова тѣ вѣковѣчны.

Молодынь бы еще я молодехонька,
Да знать побоялся ты, мей батюшка,
Что надѣла миѣ жизнь батрацкая,
Отдаль молодехоньку да зеленѣоньку меня.

Поступать миѣ видно во чуми люди, въ чуму сторону,
Ко чужому отцу къ матери,
Да къ чужому дородину добру молодцу.
Надо миѣ держать голубушку исклонисто,
А изыгъ то держать ласковехонько;
Подъ скорой ногой воробья легкаго,
А во сахарныхъ устахъ солонъя веселаго;
Говорить-то миѣ надо ласковехонько
Да ходить-то надо миѣ тихохонько;
А привыкать-то миѣ будетъ тихеихонько
Ко чужому дородину добру молодцу,
Со дѣвичьей-то вольной возюшки,
Со матушкиной нѣжной нѣгушки;
Тихеихонько миѣ будетъ да томихонько.

Такъ знать узконене отъ Господа Бога,
Что подыматься-то во чуми люди,
На често вѣковѣчное, прѣстъянисое
Привыкать надо старатися,
Заботиться кѣ дому благодатному.

Дѣвушки подымаются съ пѣснями и подходятъ къ дому невѣсты.
Невѣста выходитъ изъ нихъ на встрѣчу и вѣнить:

Иду я по полю по пленному,
Переводники то дубовые.
Переводники, не гнитеся,
Половники, не ломитеся:
Не тихела я молодещенъка,
Тихело на миѣ злодѣй-горе.

Выходила я на уличку шарокую,
На крылечко на висучее,
Встрѣчала и подруженскъ голубушекъ
Со веселыми со пѣснями.

Привела въ свѣтлицу свѣтлую
 Къ родимому во батюшкѣ
 И стала говорить родимому:
 Погляди-тако ты, родимый батюшка,
 На моихъ голубушекъ подруженець,
 Что стоять ой сряднинъ сряднеконинъ,
 Буйны головы попричесаны,
 Русы косы позаплетены,
 По русымъ косамъ ленты пошавязаны,
 Стоять ой веселеконинки.
 А какъ и у васъ, родимый батюшка, онку,
 Позапачкавшись да позачищиввшись,
 Буйна головушка-то не причесана,
 Было лицено ис понамытое.
 Сижу у васъ во злодѣй-горѣ,
 Во злодѣй-горѣ во везкіемъ.

Тяжело мнѣ отставати-то
 Отъ подруженекъ отъ голубушекъ,
 Отъ веселой отъ бесѣдушки,
 Привыкать да къ толпѣ женской (полку женскому)
 Во чужой дальней сторонушкѣ;
 Отставатъ отъ вашего житья-бытия,
 Отъ житья-бытия хорошаго,
 Отъ вольной своей волющки
 А и будеть мнѣ тяжелеконинко, тошиконою.
 Хорошо, коли дастъ Господь счастлице,
 Не стану тогда пѣнить жалиться,
 Что понаперла я идти во чужиѣ люди,
 Что опасно идти въ чужедальну сторону,
 И поступила въ житье крестьянское.

Батька станетъ пиво заваривать.

Къ чему ты завариваешь пиво пьяное,
 Къ какому веселью во праздничку?
 Мое чадо, мое милое,
 Ко твоей ли свадѣй веселой.

Батька, сваты и женихъ сражаясь станутъ ѣхать на ярмарку (новый обычай пронизывать невѣсту), невѣста зачнетъ вѣнить:

Пойдете во торги, во ярмарки,
 Не пейте тамъ пива пьянаго,
 И вина-то веленаго.
 Вы глядите поглядывайте
 За чужими дородными добрыми молодцемъ,
 Не напьется ли онъ до-шыни,
 Не станетъ ли бродяжничать.

Не испугайтъ мое ретиво сердце,
Какъ что замѣтите, увидите.

Пріѣдетъ сватъ за плетами (полотенцами).

Что же вы не погодили, не помѣшили
Давать платы тальянскіе?

Что жѣтъ у насъ ясна сокола,
Ясна сокола братца батюшки,

А сидѣть она (иерѣста) порасчесана,
Вся руса коса-то поразбачека
И стоять коло нея голубушки,
Голубушки-то подруженьки.

Говорить красна дѣвица:
Подавай, родина матушка,
Подавай платы тальянскіе,
Пора жѣтъ съ нашего дома
Сватамъ то чужестраннинъ.

Подничалась красна дѣвица
Со висучей со лавочки,
Подходитъ ко кормильцу батюшкѣ,
Она пала ему во скоры ноги:
Благослови, кормилецъ батюшка,
Распласти-то мій русу косу,
Распустить ее по могучимъ плечамъ
По волосику по единому.

Подойду жъ родиной матушкѣ:
Благослови, родина матушка,
Распласти-то мій русу косу,
Распустить по могучимъ плечамъ
По волосику по единому.

Благословите жена, люда добрые,
Сусѣды и сусѣдущи,
Распласти-то мій русу косу,
Распустить по могучимъ плечамъ
По волосику по единому.

Наканунѣ скадьбы:

Родина моя матушка,
Родимый мой батюшка,
Поглядите на меня на молодехоньку:
Пристало ли мій безъ русой косы?
Какъ березочка безъ верхушки,
Такъ то я молодехонька
Безъ русой своей косы.

У васъ, кормилецъ батюшка,
Чадо милое разположеное,

Руса носа распилетая,
По могучимъ плечамъ распущеяя;
Вѣдь мѣй у васъ, корнильецъ батюшка,
Не годы вѣковать, не недѣли недѣливать,
Одна мѣй темза почва почевать
Во вольной-то во волюшкѣ.

Въ день свадьбы:

Вставай-ко, батюшка, разехонъко
Да засѣки пути дороженьки,
Что ѻхать чужестраннымъ добрымъ людямъ,
Что за иной ѻдуть за молодехонъкой.
Что то я ровно поодумалась,
Не спалоси мѣй всю темну иоченьку.
Думы-думы побивають,
Слезы-слезы помываютъ,
Что тяжело подняться во чумы люди,
Что два ума надо два разума,
Два обычъка надо легкіе,
Чтобъ не было вами пенильщицковъ,
Что стану худо жить я во чумихъ людяхъ,

Запис. Ю. Гомье.

„Причёты“ Пошехонского уѣзда, Ярославской губерніи.

1. Свадебные.

I.

Благослови-ко меня, Господи,
Пресвятая Богородица,
Что повѣти да мѣй поплакати.
У меня-ль, у молодехонъки,
У меня-ли горя ѹѣтути,
Ужъ мѣй плакать-то да не обѣ ченъ?
Я во ѹѣстечкѣ-то сижу во печаль-
номъ,
Во печальному-горемычному:
Прити печи-то печальныеё¹⁾,

Прити устья-то камчатнаго,
Прити столба горемычнаго²⁾.
Мѣй недолго, молодѣонъкъ,
Кресеватель-то у батюшки
И родимию своей матушки;
Мѣй же лѣтчко поработати,
Не весна красна погуляти
Со своимъ да со подруженькамъ,
Со своимъ да со голубушкамъ,
Во своей да дивѣй красотѣ.

¹⁾ Древній обычай садиться „нѣ горѣ“, противъ печи соблюдается въ настоящее время нѣ очень рѣдкихъ случаяхъ: на свадьбѣ, наприм., на похоронахъ, на сборѣ рекрута.

²⁾ Столбъ, на который кладутъ воронецъ,

Что моя-та давыя красота
Что была да красовитая:
За три поля было видѣть,
За четыреста вёрстъ слышати.
Я не знала, молодохонька,
У родимаго у батюшки,
Гдѣ встаётъ да красно солнышко,

Гдѣ встаётъ да закатаётся,
Гдѣ зоря да занимается¹⁾;
Во чужихъ людяхъ незнанныхъ,
Незнаныхъ-незнакомыхъ
Я узнаю, молодошенька,
Гдѣ стаётъ да красно солнышко,
Гдѣ зоря да занимается.

II.

Вы подите, добро-жаловать,
Менъ ильё подруженьки²⁾.
Не осерчайте, мои матушки,
Что не вышла да не встрѣтила
Середъ улицы широкій,
Середъ ласёнки брускатѣй
Середъ мостику каминова;
Не брала я двери за снобу,
Не отворяла-же ихъ на пяту;
Не брала вѣсъ за бѣлы руки,

Не садилъ, мое матушки,
Подъ косящате оконечкѣ³⁾.
Не обезсудьте, мое матушки:
Я сижу да, молодохонька,
Что во горѣ во кручинушкѣ.
У племя-ль, у молодохоньки,
Гори три поля насіяно
И кручиной огорожено,
Горючими слезами полеваво.

III.

Вы, цвѣты-ли ион, цвѣтки⁴⁾,
Голубыё, васильковыё,
Было иного ясь посізно,
Больно мало уродилося!
Что одна у насъ изъѣвища
И большая лицемѣрица:
Сказала, что замутъ не пойду,
Сказала, въ монастырь - городъ
пойду,
Цвѣтило платье вкладу положу,
Передумала-замѣжъ пошла.
Ты послушай-ко, голубушка,
Наша малая подруженька;
Ужъ мы шли путёмъ-дорогомъ,
Намъ попала⁵⁾ дивыя красота
Что твой да красовитая,

Отъ насъ отворотилася,
И нась не поклонилася;
Подѣтѣла дивыя красота
Во лѣса во темныѣ, во грязи во
черныѣ,
Сѣла дивыя красота ва горкую
осинушку;
Осинушка вѣчается,
Красна дѣвица сплѣвается.
— „Ужъ ты, свѣтъ - нормандецъ
батюшки⁶⁾,
И родимага мой матушки,
Что нелья-ли дѣло роздѣлати?“
— „Родимоѣ нашо датятко,
Дарами подарилися
И перстинки обручилися⁷⁾.“

1) Т. е. отецъ вѣжить дочку, не заставлять работать рано утромъ до солнышка и вечеромъ до заката и утренней зари.

2) Этими причётомъ встрѣчаетъ говорѣнка своихъ подругъ всякий разъ, какъ они назѣдаютъ ее.

3) Самое почетное мѣсто.

4) Въ отвѣтъ на причёты говорѣнки, начинаятъ причитать подруги.

5) Повстрѣчалася.

6) Причитаетъ говорѣнка.

7) Этими словами родители указываютъ на невозможность „дѣло роздѣлать“

2. По рекрутъ.

I.

Ужъ ты, сѣть да соколь иллый
брать,
Ты куда же собираешься,
Хорошо такъ наряжаешься:
Не въ торги-ли, не во ярмарки,
Не въ веселыя-ль во гульбища?
Я сама да едогадалася,
Собирается соколь иллый братъ
Что во службу-ту во царскую,
Что во службу государскую,
Что служить да царю Бѣлому
За Россію-ту за матушку.

Что ушлють да соколь иллый
брать,
Въ города ти да во дальныё,
Что по край да сѣтю бѣлаго.
Ты пиши да соколь иллый братъ,
Со чужой-далньей сторонушки
Скворописчатую грамотку,
Не перомъ, да не черниламъ,
Ты пиши да горючими слезами
Ко своемъ да братъиши иллыши:
Не покинули-бы бѣдаго
На чужой-далньей сторонушки.

II¹⁾.

Ужъ ты сѣть да соколь иллый
брать,
Снарадить то теби есть кому,
Благословить-то тебя некому.
Попроси, соколь иллый братъ,
Что своихъ да братьевъ иллыихъ,
Что сходили-бы братья батюшки
На высокую колоколёнку,
Что ударили-бы братцы иллы
Во большой-отъ да во колоколь,

Въ подбольшіе подголосочки,
Что-бы чуть да было слышати
Высоко да по поднебесью,
Глубокъ да въ мать сырь землю.
Ты роздайся, мать-сыра земля,
Ты раскройся гробова доска;
Роспахися, полотенечко,
Ты вовстань, кормилицъ батюшко,
На свои-да на скоры ноги,
Благослови-ко сына иллаго.

Сообщилъ Я. Ильинскій.

„Крики“ Рязанской губ., Ряжского уѣзда.

„Крики“ дѣвушки по вечерамъ за недѣлю до свадьбы.

Милы мои подруженьки!
Подите ко мнѣ къ горькой, несчастной, провѣдайте меня.
Закабалили мою головушку во чужie люди.
Во чужихъ людяхъ жить тошнеконъко, грустнеконъко,
Трудно угодить на чужого отца, матерь.
Во чужихъ людяхъ безъ солнышка сушать,
Безъ лютого безъ мороза сердце знобить.

¹⁾ Причитаетъ сестра, если рекрутъ сирота

Кормилица мамушка и кормилець батюшка!
Откинулася, отстиналася я у васъ.
Милые мои братцы, милые мои сестрицы!
Не обижайтесь на меня, что я вамъ по глупости сказала,
Сочтите мою грубость за глупость.
Когда къ вамъ я горькой, несчастной приду,
Вы меня не поите, не кормите,
Ласковымъ словомъ приговорите.

Когда за столъ заводятъ.

Желанная моя мамушка-крестная!
Куда вы меня заводите?
Я думала, вы меня заводите во зеленый садъ,
А вы меня заводите за дубовый столъ, за бѣлую скатерть.
Желанный мой братець!
Поди, сходи, возьми востёръ топоръ,
Поди, сходи въ зеленую рощу,
Сруби бѣлую березу,
Перегородите всѣ пути дороженьки,
Не пущайте моихъ разлучниковъ,
Которые разлучить хотятъ съ отцомъ, съ матерью.
Кормилець мой батюшка!
Благодарю васъ за хлѣбъ, за соль,
Что вы меня кормили-поили, во чужie люди вывели.
Желанный мой братець!
Благодарю тебя за хлѣбъ, за соль.
Любезная моя невѣстушка!
Не попомни мои грубы-досады.
Можетъ я вамъ по глупости нагрубила,
Почтите мою грубость за глупость,
Не покиньте меня горькую.
Приду я изъ чужихъ людёвъ къ вамъ горькая,
Вы меня не поите, не кормите,
Ласковыкъ словомъ приговорите.
Пойду я отъ васъ сыта-сытёшenка,
Весела-веселехонька.
Желанный мой братець!
Сходите къ Божіей церкви,
Ударьте въ трижды въ большой колоколь,
Разбудите родимую мамушку
На этотъ часъ-минуточку...

Когда благословляютъ.

Кормилець мой, батюшка!
Благословите меня горькую,
Благословите меня несчастную.

Ничего я отъ васъ ив желаю:
 Ни злата, ни сребра,
 Только одно благословенъице.
 Кормилица моя, матушка!
 Благословите меня горькую,
 Благословите пения несчастную.
 Ничего я отъ васъ не желаю:
 Ни злата, ни сребра,
 Только одно благословенъице.

"Кричатъ" по мертвѣй.

Кормилица ты моя, матушка!
 На кого ты меня покинула горькую, несчастную?
 Съ кѣмъ ты эту думушку думала?
 На кого ты меня, горькую, покинула?
 Я горькая, несчастная.

Кормилица матушка,
 Встань, проснися, отерой очи ясныя,
 Расхлесни руки бѣлыя
 И возьми меня горькую, несчастную
 Съ собой подъ правое крыышко.
 Не давай мнѣ горя мыкать,
 Много и безъ тебя горя увижу.

Милая моя сестрица,
 Гдѣ-же наша кормилица мамушка?
 Буда мы ее проводили?
 Въ какой сторонушкѣ будемъ поджидать?

Кормилица, мамушка!
 Ты бы намъ сказала, когда къ намъ придешь,
 Мы все двери отворили-бы,
 А окна открыли бы для тебя.

Село Мостье.

Записалъ гимназистъ V класса Алексѣй Виноградовъ.

Къ легендамъ и повѣрьямъ о змѣяхъ.

а) Змѣиная мудрость (змѣиное мясо).

Въ «Кievской Старинѣ» 1889 г. (ви. 5 и 6) мы сообщали, въ дополнение къ «Культурнымъ переживаніямъ» Н. Ф. Сумцова, украинскій разсказъ о томъ, какъ человѣкъ, съѣвшій вываренное мясо змѣи, получаетъ не только особенную мудрость, которую тѣль отливаются змѣи, а даже способность слышать и понимать говоръ животныхъ и растеній, узнавать цѣлебное значение послѣднихъ. Тотъ-же мотивъ развивается еще въ слѣдующемъ вариантѣ, записанномъ и сообщенномъ намъ учителемъ Тимофеевымъ изъ села Невыгодова Борочанскаго уѣзда, Бурской губерніи.

«Посылае разъ панъ своего робитыча пійтматъ ёму гадыну, змю, значить, гадюку, тай сказавъ, щобъ синъ приготовивъ ёму кушанья зъ неи. Той ніймавъ гадюку, изжарывъ чи зварывъ, тай подае, а самъ та-
ки оставывъ себи косточку, думае: якъ панъ буде йисты, той я зъѣмъ; мабудь вкусне, якъ панъ йистъ. Поснидавъ панъ, даже косточки не оставывъ, тай собирается лихатъ. Отъ йидутъ воны зъ тымъ робиты-
комъ. Прышлось перейти черезъ якусъ лужу, чи що; перехалы
воны, а лошакъ (жеребенокъ) молодый и застаявъ на тымъ бояці лужи.
Колы кобыла кричить, рже, значить, до своего лошонка: «А чого ты та-
къ зостався?» — Боясь, — каже лошакъ, — воды багацько. — «Не байсь, — рже
ему зновъ кобыла, — аже я перешла.» Той послухавъ, тай побигъ. А ро-
битыкъ слухавъ, слухавъ, та якъ зарогоче, — піякъ не удержиться.
«Ты чего смієшся?», — пытае панъ у робитыка. А той не говоре
правды. — Та такъ, каже, чогось смішки взялы. — «Нѣть, врѣшь!», — го-
воре панъ: — «а затѣмъ ты смотриши на того лошонка? Ты что-то такое
знаешь!» Той и признався. «Такъ отъ зачимъ отъ пана йидить гадыну!» —
подумавъ робитыкъ, и винъ, значить, ставъ понимать, якъ росказують
одно зъ однимъ звирявы разни и скотына и даже навить трава. Якъ
воны стали лихатъ по лугу, то трава й каже: «Я отъ таїи болѣзни...
а я отъ такои». И багато ставъ знать той робитыкъ, усе ровно якъ
панъ. Отъ панъ и каже: «Ну, колы ты теперь усе знаєшъ ти, що и я,
то не кажи-жъ никому, а бильше всего не передавай жинци, а то по-
ловину забудешъ». Отъ уже той робитыкъ отъ пана й отстрявъ; пры-
шивовъ до дому, и дома куды не прыиде, усе розбира и усе понима, якъ
скотына балака, якъ птыця. А винъ слуха, та все рогоче. Жинка замі-

тыла тай прыстала до ёго: «чоге тай чого ты, чоловиче, речочешъ? Винъ значала отказувавсь, та ничего не жигъ поддлать зъ своею жинкою, уявъ тай прызнався; а жинка тоже не втерпила, порознесла по всему свиту.

Теперь того знанія нымѣ; нымѣ, значитъ, такого чоловика, щобъ зінавъ усе, а каждый знае потрошку: одынъ зва про скотыну, другой про траву, третій про що-небудь ще иначе; а вже не знаю, чи е таки люди, щобъ понимали, про що пивин спивають, чи нема. Це, мабудь, казак; було колись въ старе времѧ, а теперъ може де-небудь въ заводи звони ллють, такъ распускаютъ мову чи брехню, щобъ лучше колокола лыльсь».

Сообщ. *M. K. Васильевъ.*

б) Летучіе, огненные змѣи.

1) Всѣ легенды объ огненныхъ змѣяхъ, слышанныя мною отъ крестьянъ Тальменской волости, Барнаульского округа, Томской губерніи, относятся къ давно прошедшему времени. Въ настоящее время никто уже не видить такихъ змѣевъ; но, вполнѣ вѣруя въ непогрѣшимость прадѣдовскихъ и дѣдовскихъ сказаний, народъ до сихъ поръ еще сохраняетъ убѣждѣніе, что дѣйствительно были такія „чудовища“. Въ общемъ всѣ легенды сходны между собою и сообщаютъ слѣдующее.

Огненные, летающіе змѣи были не что иное, какъ нечистая сила, „дьявольщина“. Никто не видалъ ни одного змѣя днемъ или у своего хозяина, но всегда видѣли только ночью, летающимъ по небу къ тому дому, въ которомъ жилъ. Наружный видъ его описываютъ такъ: длиною онъ съ аршинъ, толщиною въ завитъ руки у мужчины; цвета огненного; помѣтъ его подобенъ падающей звѣздѣ, по дорогѣ отъ него сыпаются искры, Подлетѣвшія къ дому, гдѣ жилъ, она разсыпается по крыши искрами которыхъ тотчасъ же исчезаютъ.

Жили огненные змѣи у захарей и, большою частію, у захарокъ, потому что эти лица знали разные заговоры отъ нечистой силы и умѣли распоряжаться ею. Но не у каждого захара или захарки водились они, а только у тѣхъ, которые сами желали имѣть ихъ. Пріобрѣсти огненного змѣя возможно было двоякимъ способомъ: или взять у когонибудь готоваго, или высадѣть изъ пѣтушьяго яйца. ¹⁾ Высадживаніе производилось слѣдующимъ порядкомъ: брали пѣтушье яйцо подъ пазуху правой руки и носили до тѣхъ поръ, пока не выходилъ изъ него змѣй. ²⁾ Баждому хо-

¹⁾ Пѣтушьимъ яйцомъ наши крестьяне до сихъ поръ называютъ обыкновенное куриное яйцо, только не вполнѣ развитое, маленькое, величиною съ голубиное. Они допускаютъ, что подобное яйцо можетъ снести молодая курица не достигшая года, но не вѣрятъ, что оно можетъ быть отъ старой курицы; поэтому всегда считаютъ такое уродливое яйцо не куринымъ, а пѣтушьимъ. По понятіямъ крестьянъ, пѣтушье яйцо предвѣщаетъ дому несчастье. Въ пишу его не употребляютъ.

²⁾ Срв. литовскую легенду „Айчварасъ“, въ „Этногр. Обозр.“ кн. X, стр. 231. Ред.

зиму нельзя было держать змѣя больше 3-хъ лѣтъ вслѣдствіе того, что послѣ этого срока онъ могъ принести какой-нибудь вредъ; поэтому слѣдовало или убить его, или передать кому-нибудь; вотъ при такомъ обстоятельствѣ и представлялась возможность пріобрѣсти готоваго змѣя.

Уходъ за змѣемъ не представлялъ ничего особенно труднаго: для него нужно было только гнѣздо и пища. Гнѣздо устраивалось подобно гусиному; пищу составляли лица и молоко. Держали змѣя, судя по всемъ разсказамъ, исключительно для наживы, такъ какъ онъ имѣлъ способностьносить своему хозяину богатство, „животъ“. Богатство онъ бралъ тамъ, где оно было положено „не благословясь“. Носилъ змѣй богатства, повидимому, очень немного, такъ какъ по всемъ легендамъ оказывается, что лица, имѣвшія змѣевъ, не считались особенно богатыми, даже въ средѣ крестьянского населения. Здѣсь замѣчается исходство возврѣній народа на нечистую силу; по всемъ нашимъ народнымъ сказкамъ нечистая сила можетъ давать громадное богатство лицу, оказавшему ей какую-нибудь услугу; между тѣмъ змѣй, тоже какъ нечистая сила, не даетъ своему хозяину значительного богатства. Для того чтобы согласовать такое разногласіе возврѣній, необходимо предположить, что огненный змѣй служилъ не исключительно только для наживы, а еще для другой какой-то цѣли.

Сообщ. *Н. Пузиревъ.*

(С. Павловское, Барнаульскаго у.)

2) Въ 1890 году я шелъ однажды въ церковь къ обѣдни. На пантерѣ одна пожилая женщина подвела ко мнѣ другую, молодую, съ желтымъ лицомъ и мутными глазами, и, теребя ее за рукавъ, что-то ей говорила. Молодая женщина слабымъ голосомъ проговорила мнѣ: „Прости меня Христа ради, ко мнѣ летунъ летаетъ“, и поклонилась мнѣ. Какъ оказалось, это была крестьянка одной со мною волости, деревни Крутого, Афинья Маслова, которая влюбилась въ крестьянина своей деревни Камакина, не отвѣчавшаго ей взаимностью. Отъ этого она сильно заболѣла и въ горячкѣ бредила этимъ крестьяниномъ. Горячечный бредъ крестьяне объясняли тѣмъ, что къ женщинѣ летаетъ летунъ (летающій дьяволъ), и она съ вимѣ разговариваетъ. Чтобы избавить ее отъ этого, крестьяне привели ее на пантерѣ, где она каждому входящему въ церковь должна была говорить вышеприведенные слова. Въ другихъ случаяхъ такихъ женщинъ лѣчить еще отчитываніемъ, заклинаніемъ. Подобныхъ фактовъ здѣсь бываетъ не мало.

Сообщилъ *Степ. Шаровъ.*

(Учитель с. Писиры, Таможниковской вол., Нижегор. губ.).

3) Въ Мерефянскій волостной судь (Харьк. уѣз.) крестьянка Александра Буряковская обратилась съ такимъ прошеніемъ: „1893 года, марта 5 дня, крест. Татьяна Онищенко оклеветала меня по всей Мерефѣй неслыхан-

нымъ позоромъ, совершенно несообразно съ человѣческою жизнью, ии съ нашей религіей, что будто бы ко мнѣ летаетъ змій какой-то, съ которыемъ я состою въ дружескихъ отношеніяхъ. Подобная клевета меня до крайности оскорбляетъ. Я имѣю у себя мужа законнаго и дѣтей взрослыхъ и честно продолжала нашу семейную жизнь, какъ даже извѣстно и обществу и нашимъ соѣднямъ, многие десятки лѣтъ, а теперь неожиданно является такой позоръ... Она просила далѣе вызвать свидѣтелей и наказать Онищенкову за клевету. Волостной судъ опредѣлилъ: „Татьяну Онищенкову за толкованіе подобныхъ нецѣлостей подвергнуть на общественные работы на три дня, Александру Буряковскую за принятие на себя подобныхъ нецѣлостей—на два дня, тоже на общественные работы“. (Сп. „Сынъ Отеч“. 1893 г., № 175, 29 июня).

Къ исторіи собирания русскихъ былинъ.

I.

Въ 70-хъ годахъ скончался въ Нерчинскѣ купецъ **М. А. Зензиновъ**. Человѣкъ наблюдательный, съ живымъ интересомъ вглядывавшійся въ своеобразную жизнь Забайкалья, М. А. Зензиновъ часто дѣлился своимъ наблюденіями съ читающей публикой и напечаталъ, главнымъ образомъ въ «Трудахъ» Вольно-Экономического Общества, рядъ статей по торгово-промышленнымъ и этнографическимъ вопросамъ, скрывая обыкновенно свое имя подъ псевдонимами—Даурецъ, Даурскій пастухъ, Сонбирякъ и т. п.—Бакъ этнографа, покойного Зензинова больше всего интересовали буряты, а особенно такъ называемая тибетская медицина бурятъ—ланристовъ; въ свое время Зензиновъ пользовался по ту сторону Байкала извѣстностью большого знатока этой медицины.

Въ настоящее время сынъ М. А. Зензинова, М. М. Зензиновъ, имѣя виду составить для трудовъ Читинской філіаціи Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества биографію своего отца, какъ выдающагося мѣстнаго дѣятеля, занялся разсмотрѣніемъ многочисленныхъ рукописей, оставшихся послѣ покойнаго. Пользуясь любезнымъ разрѣшеніемъ М. М. Зензинова, я просмотрѣлъ тѣ рукописи, которыхъ содержатъ этнографические материалы.

Среди этихъ рукописей, заключающихъ вообще много любопытнаго (рядъ монгольскихъ сказовъ, описание нерчинской свадьбы, масса лирическихъ народныхъ пѣсень), нашелъ я отрывокъ былины о Ставрѣ. Къ сожалѣнію, вопросы о томъ, когда, кѣмъ и гдѣ былъ записанъ этотъ отрывокъ, могутъ быть решены лишь предположительно. Даты записи въ вашенъ отрывкѣ не имѣются,—приходится, съдовательно, довѣрствоваться свѣдѣніемъ, что М. А. Зензиновъ производилъ свои этнографическія наблюденія съ 30-хъ годовъ до 73 года. Можно думать, что бы-

лина была записана изъ устъ сказителя не самимъ Зензиновымъ: орографія рукописи, заключающей былину и писанной рукою Зензинова, слишкомъ не похожа на орографію другихъ его рукописей; встречающиеся въ рукописяхъ Зензинова указания на корреспондентовъ, доставлявшихъ ему этнографический материалъ, даютъ некоторое право заключить, что имѣющійся въ моемъ распоряженіи отрывокъ былины есть копія съ доставленной Зензинову записи. Название деревни, въ которой записанъ отрывокъ, стоитъ въ заголовокѣ былины, но червила выцвѣли настолько, что разобрать название я не могъ; изъ другихъ рукописей и дневниковъ М. А. Зензинова видно, что кругъ его этнографическихъ наблюдений ограничивался исключительно Забайкальемъ. Наконецъ, самый важный при изученіи былинной традиціи вопросъ—отъ кого записанъ нашъ отрывокъ,—не можетъ быть решенъ даже и гадательно, такъ какъ никакихъ указаній на это у Зензинова нѣть.

Не смотря на отсутствіе въ записи Зензинова столь важныхъ указаний, какъ отмѣченные выше, сохранившіеся въ его рукописяхъ отрывокъ былины о Ставрѣ имѣеть, по моему мнѣнію, значительный интересъ. Во-первыхъ, очень характерно заглавіе былины—«Старина деревни С....», заглавіе, лишній разъ подтверждающее, что народное название для былины есть «старина»; во-вторыхъ, очень характерна зачинъ былины; въ-третьихъ, изъ содержанія былины, хотя и неоконченной, видно, что она примыкаетъ къ той редакціи былинъ о Ставрѣ, которую пр. В. Ф. Миллеръ называетъ сибирской; наконецъ, предполагаемая возможность записи нашего отрывка въ Забайкальѣ любопытна для вопроса о географическомъ распределеніи былинъ.

Вотъ самый текстъ отрывка со всѣми его орографическими особенностями.

Старина деревни С....

1. Благословиша меня Господи старину сказать
Старину сказать стару прежнюю
Стару прежнюю да старадавнюю ^{1).}.
Какъ во славномъ было въ Городѣ во киевѣ,
5. Уласкова князя владицѣра,
Ужъ было шированыцио почесной ииръ,
Какъ про многихъ про князей про бояриновъ,
И про сильныхъ могучей про богатырей
И провсю полѣницу Удалую,
10. Только нету напишу вѣть боярина Ставра,
Какъ Боярина Ставра Сына Годиновича,
Тутъ возговорилъ промолвилъ владимерь кинсь,

¹⁾ Зачинъ этотъ, вписаный между заглавіемъ и началомъ самой былины, сначала былъ, очевидно, пропущенъ: онъ вписанъ, по недостатку места, мелкимъ и скатымъ почеркомъ.

- Ужъ вы гогей Слуги мои верныя,
Ноезъйтъка Слуги За бояриномъ Ставроимъ,
15. За бояриномъ Ставромъ Сыномъ Годиновичемъ,
Вы подайтъ ка Ставру Мою Грамотку,
Позовитъ вы Ставра на вселой пирь.
Какъ немного тому врѣмью миновалося
Приезжаетъ ко князю бояринъ Ставръ.
20. Онъ ступаетъ вopolаты бѣлокамѣпныя
Онъ Крестъ кладѣть пописаному,
Онъ поклоныто вѣдетъ поученому
Онъ кланяется да поклоняется,
Онъ навсѣ то начетыре настороночки,
25. А владимѣру князю наособицу.
Онъ Сали Задубовыя Столы
А затѣжа вѣть, заскатѣти Забраныя,
И затѣжа Есвы Сахарныя
Онъ вѣ ноль пятья бояра нацивалися
30. Онъ вѣ поль сѣты бояра наедалися,
И мѣжду Собой бояра призахвасталися
Хвалитца Златомъ Серебромъ,
Еще хвалитца Скатнымъ Земчугомъ,
Какъ возговорить промолвить бояринъ Ставръ
35. Бояринъ Ставръ Сынъ Годиновичъ,
Ужъ вы Глупыя Бояра неразумныя
Вы хвалитесь Златомъ Серебромъ,
Еще хвалитесь Скатнымъ Земчугомъ,
Ужъ какъ Есть умѣниа убоярина Ставра
40. Убоярина Ставра сына Годиновича
Молода жена василевна
Она ростомъ дороствомъ дородиѣ всехъ,
Красотою йѣштою она ираше всехъ
Ее белое Лицо, бутьто белой Снегъ,
45. Ее черныя Брови, какъ у соболя,
Ее ясныя очи, какъ у сокола,
Умѣеть она Истуга Лука Стрелять,
Въ Семисотную версту въ золотъ перстѣнь.
Тутъ возговорить промолвить владимѣръ княсь,
50. Ужъ вы гои еси Князья Мои боярави
Вы Сильныя могучиин богатыри,
Еще вся шольница вѣть удолая,
Не напраснали Ставръ похваляется,
Вы возмитъ Ставра Забѣлъя Ево ручки
55. Отъ вѣдитѣко Ставра въ тѣйну тѣйници.
Тутъ услышала Ево молодая вѣть жена
Молода дочь василевна,
Приказывать имать Своево добра коня,

- На туже на узицу на тѣсманью,
 60. Сѣдастъ Бони во черкацкое Седло
 Какъ подътагивать 12 подъпругъ шелковыхъ
 Подъпоясыватсъ тиской палицою,
 И подъстѣгъваетъ Свой тугой Лукъ
 Она тугой Лукъ вѣть разрывчотой.
65. Какъ негрозная туча подымалася
 Какъ невихри Вополахъ, давѣть Завѣли,
 Подымается Ставрова Молода Ево жена
 Молода дочь василиса васильевна
 Подъезжаетъ додвору Кнізя владимѣра.
70. Она крикнула Громкинъ Голосомъ.
 Засвистала она Свистомъ бутыто лютой звѣрь.
 Ахъ ты Батюшка, владимѣръ княсь,
 Ты поданка миѣ Ставра Сына Годиновича.
 Ты почтожа нать Ставромъ величатсѧ.
75. Отшучу я тѣбѣ шуточку немалиньюко
 Ты заплотишъ Миѣ пошлину вѣликую
 Затаю вѣть обидушку несносную.
- * * * * *

Сообщилъ Н. Мендельсонъ.

II.

Въ виду интереса, который вызываетъ въ послѣднее время вопросъ о географическомъ распространеніи былинъ и другихъ формъ народного творчества, заслуживають вниманія нѣкоторыя свѣдѣнія, сообщенные въ VII т. биографіи Погодина (стр. 227—229) объ одномъ собирателѣ 40-хъ годовъ, *Н. Борисовѣ* изъ Шенкурска Архангельской губ. Этотъ Борисовъ былъ дѣятельнымъ корреспондентомъ Погодина, доставлявшимъ ему пѣсни, сказки и т. п.¹⁾. Посылая разъ Погодину матеріаль, Борисовъ пишетъ: „Послѣднія (сказки), можетъ быть, плохи, но извините, я не успѣлъ переписать лучшіхъ; въ скоромъ времени пошлю вамъ: Илью Муромца, Баллана Каландаровича, Марью Царевну и сказку о Курьей избѣ, трехъ платыцахъ и саночкиахъ-самокаточкахъ—превосходныя сказки! Я нашелъ здѣсь крестьянина, сообщившаго миѣ эти сказки, у которого, кажется, вся голова тѣмъко и наполнена сказками да пѣснями; онъ самъ говорить, что знаетъ „чортову пропасть эвтакихъ разныхъ побывальщинокъ; до трехъ сотъ!!“ Но вотъ бѣда: онъ такъ отчаянно пишеть, что въ его каравулькахъ надо съ огнемъ искать смысла; со словъ же его писать нѣть возможности: онъ сказываетъ свои сказки, какъ будто читаетъ „Помилуй мя, Боже“; тише

¹⁾ Именемъ этого Борисова обозначены нѣкоторыя сказки въ собраніи Аѳанасьева, вѣроятно полученные Аѳанасьевымъ изъ Географич. Общества, куда могли сіѣ попасть отъ Погодина, по его словамъ съ Надеждиными. Ихъ-же напечатана въ „Москвитянинѣ“ 1843, № 4, одна сказка („О Горѣ-горячинѣ Даниѣль дворянинѣ“), вошедшая въ собраніе Аѳанасьева.

не можетъ, сбивается. Извините меня, что посыпаемыя пѣсни дурно переписаны; я торопился и въ хвостъ и въ голову; впрочемъ, я полагаю, что вы разберете мои іероглифы. Я не знаю, не напечатанъ ли *этотъ самыи Илья Муромецъ* въ собраніи Кирши Данилова; этой книги у насъ не водится. У меня сказка такъ начинается:

Во славномъ городѣ, во Муромѣ,
Во селѣ Карагаровѣ
Жилъ былъ старикъ Иванъ Тимоѳеевичъ;
У него былъ сынъ Илья Муромецъ,
Онъ былъ на возрастѣ,
Какъ быть соколь на взлетѣ;
Онъ просилъ у родного батюшки
Благословенныя великова,
Найти иерушимова ... и пр.

Я читалъ объ этомъ Ильѣ въ критикѣ „Отечество. Записокъ“ на Киршу Данилова; къ несчастью, изъ этой критики я ничего не попалъ о Муромецѣ и списываю его, полагая, что мой Муромецъ только однофамилецъ съ Муромцемъ Кирши Данилова, а въ ходѣ рассказа они различны“.

У Кирши Данилова, действительно, нѣтъ варианта этой былины съ такими началомъ, равно какъ и въ „Рус. былинахъ старой и новой записи“, изданныхъ Этнографическимъ Отдѣломъ.

Сообщилъ *А. Грузинскій*.

Народные толки 1897 г.

1.

Тысяча восемисотъ дывяносто дывятого года мы будуть тургувати лавошники крамомъ: будуть казьони лаввы, все будуть раздавать бызъ гропый, куму чого потребуетъ(ъ)ся; гропый не треба буды, воны будуть ваяятъ(ъ)ся по вулыцахъ. У насъ, у Моловатци¹⁾ ѡесть линка торгуйе бызъ свидыты(ъ)ства дышевши на половыну противъ лавошниковъ. Йийи бралы у допросъ: „Де ты берешъ“? Вона кажы: „Я быру у лавкахъ“! Такъ воны, ти паны, и пойихалы, ничего и мы зробымы. Теперь у Моловатци усіи люди у суконныхъ кужухахъ тымы, шо дешевши сунно. Такъ вона тѣль продайе: у день гропи возмы, а крамъ у ноги о(х)дайе. Йийи ибысы потчу чоловикъ кучырявый. Вона упередъ тургувала у свекра, а теперь у родного батька: йийи свекоръ прогнавъ, кажы: „Де

¹⁾ Новомоловатка, слоб. Богучарского уѣзда, въ семи верстахъ отъ места жительства автора. *М. Д.*

ты берешъ краиъ? а вона кажы: „У садку у насъ багато, повышъ са-
докъ. Пидить, подынит(ь)ци! Воны пидуть, подынят(ь)ци—ничего тамъ
и ныма, а вона пиды та пренесе что(!)—зна скилы краину. А свекоръ
узынь мий и прогнавъ, бойнт(ь)ци. Люди сажутъ, що це Аицыхрестова маты,
и каждого человека запысуйе, хто бери(!) у неини краинъ. Такъ у насъ
люди боят(ь)ца и братъ у неини краину: кажутъ, вона позапысувала лю-
дей, такъ вони уси будуть Аицыхрестовы. Та и подумать можно, що
одъ Аицыхреста продайе: таки сокио(1), що тры цилковыхъ за аршинъ,
а вона по цилковому продайе—скилы вгодно быры, та боят(ь)ца люди
брать того, що запысуйе. За цей краинъ будуть почати(1) прывладать.
Того года, 99-го, вы буды еонин, заховайт(ь)ци; Царь утыче у чужу
землю; люди змишуют(ь)ци: туркы, чиркесы, кыргизы, комишки, а Царь
одынъ буды на весь светъ. И будуть ходить пророки и будуть казать:
„Блайтысь, ото скоро буды страшный судъ!“ (И)ихъ возмутъ, и Царь
прикажы убывать. Люди знатыму(ть), що одъ нихъ кроин займыт(ь)ци
зымы, такъ вони будуть настыль оправчива здоровий кругъ, щобъ ви-
брзыауда кровь на землю. Нашнути быть, такъ кровь тавы брызны на
землю и займыт(ь)ци уся змы, съ того буды страшный судъ.

2.

Воронежс(ь)кой губерни, Павловс(ь)кого города, волости Михайловки
у слободи Пытровци ёесть чоловикъ, салдатъ, такы(И), що самъ себе за-
кувавъ залізомъ уже одынадцять годинъ. (И)ого бравъ станокъ, роскуч-
кавъ, а винъ упъйтъ закуваися. Теперъ уже на шыйн иззаду зарисъ
чепъ, уже пырыросю тила иль на долоню. Началиво до чына замкнъвъ,
тры звонькы таки, що хунтивъ во пять або по 6; высить залізна
палка, а чепъ отъ шийн та до колинъ прыкованый пять сорочкою; на-
вхрыс(ть) шыпы чырысь плечи; поязъ (1) залізный ись шыпы; на ру-
кахъ, на кожному пал(ь)ци залізни бил(ь)ци повросталы, на ко-яныхъ
пал(ь)цихъ уже поспадалы, попырыйдалы, сани кисточки остались; и
(въ) нушахъ кил(ь)ци пороссылюнани позаводыно (кил(ь)ци ти, що у
у кинс(ь)ныхъ хомутахъ,—залито и кил(ь)ци). Николы вы ляга спить:
винъ такъ спить, почуйе по вручахъ. У його ныма своей хаты, винъ
ходы по мыру; юму люди даютъ гропши, винъ гропши та роздайе та за-
вупуйе, та вишна на себы. Уже высить на йому заліза пудивъ два,
це мы бачымы свойими очима, а у роти у його пятанъ, винъ носы
на те, щобъ мы белакать. Никто його вы дозна, чы винъ святый, чы
який винъ ёесть. Такъ це мы щытайты за выдумиу, а це собственна
правда.

(Оба Мѣ сообщили крест. слободы Попасной, Богучарского уезда, Трофимъ
Автономовичъ Суббота, 12 лѣтъ)

М. Дикаревъ.

Критика и Библіографія.

А. Мюллэръ. Исторія іслама съ основанія до новѣйшихъ временъ.
Переводъ съ вѣмецкаго подъ редакціей прів.-допента *Н. А. Мядникова*.
Томъ III, СПБ. 1896, стр. 448. Т. IV, СПБ. 1896, стр. 271. Цѣна 5 руб.

Въ свое время мы уже сообщали читателямъ «Этногр. Обозрѣнія» о выходѣ первыхъ двухъ томовъ этого изданія и тогда же отмѣтили всю необходимость появленія труда Мюллера на русскомъ языке. Конечно, и трудъ Мюллера не свободенъ отъ нѣкоторыхъ поспѣшныхъ заключеній. Напр., въ т. III, стр. 212, суфизмъ Саадія характеризуется, «какъ кроткая и чистая, въ высшей степени разумная жизненная философія». Оставляя въ сторонѣ субъективный вопросъ о степени разумности, мы все же постыдимся видѣть кротость и чистоту у того писателя, который (вприн., во 2-ой половинѣ Голистана) произносить такія сентенцы: «Не держи себя волкомъ, но не держи себя и овцою, чтобы тебѣ ве съльни волки», «Ни съ другомъ, ни съ врагомъ не доводи до крайней степени ни дружбы, ни вражды: быть можетъ, ты съ другомъ нѣкогда поссоришься, съ врагомъ помиришься», «Будь скрытъ съ людьми и, даже говоря къ головѣ стѣнѣ, будь остороженъ: быть можетъ, за стѣною тебѣ подслушиваютъ». Едва ли можно назвать такія правила кроткими и чистыми... Однако, не смотря на подобные *lapsus calami*, трудъ Мюллера остается очень цѣннымъ, и появленію русскаго перевода нужно радоваться.

Къ сожалѣнію, переводъ далеко не всегда удовлетворителъ. Очень часто онъ тяжелъ, а иногда прямо грѣшилъ противъ русской фразеологіи: «Полный остроумія и ума, ему все же въ умственномъ отношеніи недоставало глубины» (III, 73), «Хотя и будучи довольно независимъ», (III, 120), «Погашеніе возстанія» (III, (97)), «его достойная (т. е. цѣнная) исторія» (IV, 198); съ подобными неуклюжими фразами можно, разумѣется, примириться, но въ другихъ случаяхъ прямо извращенъ смыслъ: «Чингиз-ханъ считался монголомъ» (III, 294) вм. «былъ всѣмъ известенъ, какъ монголъ»; иной читатель подумаетъ, пожалуй, что Чингиз-ханъ вовсе не былъ монголомъ. «Мы, иѣцы, до сихъ поръ еще негодуемъ, когда наши дѣды рассказываютъ намъ о бѣдствіяхъ наполеоновского времени: но что значитъ это двѣнадцатилѣтнее недовольство въ сравненіи съ цѣлыми двумя столѣтіями (турецкихъ раздоровъ)?» (III, 209). У насъ нѣтъ подъ руками вѣмецкаго текста Мюллера (рецензія эта пишется въ одной

изъ отдаленныхъ деревень Ливана, куда нельзя было перевезти много книгъ съ собою), но, очевидно, тутъ произошло какое-то недоразумѣніе при передачѣ подлинного термина (*Unfriede?* раздоры?)¹⁾. Послѣдняя строка т. III, стр. 121 содержитъ или грубую ошибку или (что вѣрѣе) описку: «ученія» ви. «чтения».

Нѣкоторыя изъ неточностей перевода не извинительны потому, что переводъ, повидимому, дѣмался людьми, свѣдущими въ восточныхъ языкахъ: восточные языки должны были бы помочь переводчикамъ въ уразумѣніи нѣмецкаго текста. Книга «Калила и Димна» названа *волшебными* сказками (III, 49). Неужели такъ и у Мюллера?²⁾ «Бахръ по-арабски — море, или большой потокъ» (III, 182), — не потокъ, а рѣка; но-иѣмцы и то и другое — *Strom* (рѣчь идеть о Нилѣ). «Бустанъ — садъ увеселеній» (III, 213). Слово «бустанъ» значить просто «фруктовый садъ», и если у Мюллера написано *Lustgarten*, то надо было перевести «пріятный садъ»; «садъ увеселеній» имѣть по-русски свое особое значеніе, не го-дишееся для заглавія творенію Саадія. Сочиненіе Низамія «Хамсе» объясняется какъ «пятерня» (III, 213). Для пяти поэмъ годится название «пятерница», а «пятерней» обыкновенно называютъ писть руки. Девизъ Тимура: «расті—русти» переводится «право—сила» (III, 292) и назы-зывается лицемѣріемъ. Русскій читатель непремѣнно пойметъ «сила» въ смыслѣ подлежащаго, но будешь недоумѣвать, въ чёмъ же здѣсь лицемѣріе. На самомъ же дѣлѣ слово «расті» значить по-персидски «правда» или «правота», и у Мюллера, очевидно, написано *Rechts* (срв. выражение: *ich habe Recht* — я правъ). Слово «факъхъ» обыкновенно переведено въ точности: «правовѣдь», во на стр. 268, т. IV — «правовѣрный»; вѣроятно, это простая описка. Прозвище «Утрущъ» переведено «иѣмой» (III, 40), а оно значитъ «глухой».

Мюллерь, составляя свою книгу, издавалъ ее выпусками. Иногда въ послѣдующихъ выпускахъ онъ поправлялъ ошибки предыдущихъ. Въ русскомъ переводѣ, да вѣбабовъ въ такомъ, фирмѣ которого согласился взять на себя ориенталистъ-специалистъ, слѣдовало бы не повторять ошибокъ Мюллера, а сразу же ихъ исправлять. Между тѣмъ переводчики этого не сдѣлали. Бѣдный русскій читатель, изучая исторію Багдада (т. II), не догадается, конечно, что въ ней есть ошибки, очень серьезные, отмѣченныя лишь въ исторіи Персіи (т. III, примѣч. къ стр. 25). Также едва ли догадается читатель, что свѣдѣнія, сообщенные во II т. (стр. 336), объявляются въ т. III, стр. 264, какъ «непростительный lapsus calami, который, быть можетъ, можно извинить только его чудо-вищностью». Читателю и въ голову не придется сомнѣніе, потому что въ другихъ случаяхъ онъ видитъ примѣчанія редакціи, оспаривающія какое-

¹⁾ Въ оригиналѣ Spanne: „was aber will diese Spanne von einem Dutzend Jahren sagen gegen zwei ganze Jahrhunderte?“ — Далярнайша догадка г. рецензента на счетъ отдельныхъ выражений въ оригиналѣ вполнѣ справедливы. Ред.

²⁾ Въ подлиннике просто: *Märchensammlung.* Ред.

нибудь именіе Мюллера, и по неволѣ подумаетъ: что не оговорено ре-
дакціей, то, значитъ, несомнѣнно.

Правописаніе собственныхъ именъ—вообще правильно, но иногда есть
и ошибки. Мы оставимъ въ сторонѣ имена европейскія (въ томъ числѣ
даже «Тиръ Вильямъ Муиръ» I, 263, вм. «Соръ Уильямъ Муиръ») и
отмѣтимъ только некоторые восточные. Иѣзикое въ породло у пер-
еводчиковъ неправильная начертанія: «Ісь-аль-мулькъ» (III, 127, вм.
«Іззъ»), «Азисъ» (III, 159 вм. «Азизъ»), «Хессанъ» (III, 287—288,
много разъ, вм. «Хасанъ»), «Сиръябъ» (IV, 51, вм. «Зиръ-ябъ»);
Исмаилъ всегда называется Измаиломъ. Вм. «дж» написано «дж» въ
«Синдшарь» (III, 158). Къ прозвищу Нуреддина «аль-Маликъ ас-Са-
лихъ» (т. е. «благой царь») добавлено примѣчаніе: «выговаривать х-
твѣрдо, какъ въ словѣ: мохъ (III, 169),—ну и выйдетъ вмѣсто «благаго
царя» «царь сдиратель шкуры»¹⁾. Мюллерь, очевидно, написалъ «Salih»,
и долженъ быть сдѣлать примѣчаніе насчетъ h,—не то иѣцы совсѣмъ
не произносили бы его. Наибольшій курьезъ вышелъ у переводчиковъ съ
армянскімъ лѣтописцемъ Фоной изъ Медзопа²⁾: они его называютъ «То-
масъ фонъ Медзоффъ» (III, 292, 314).

Самымъ существеннымъ недостаткомъ русскаго изданія мы считаемъ
избытокъ хронологическихъ опечатокъ. Вотъ, напр., нѣсколько, которыхъ
намъ бросились въ глаза при самомъ бѣзломъ чтеніи, откуда мы заклю-
чаемъ, что ихъ гораздо больше: Смерть Якуба Сафара 875 г. (III, 34—
вм. 878); окончаніе «Шах-наме» Фирдоусіемъ 1001 г. (III, 70,—вм.
1011); взятіе Хорезма Сельджуками 1042—1043 г. (III, 87—вм. 1045—
1046); принятие атабекомъ азербайджанскимъ титула «султанъ» датиро-
вано по христіанской эрѣ вѣрно (1191), но годъ гианы указанъ невѣр-
но: 581 вм. 587; нападеніе Тогрула III на Рей—1394 (III, 147,—вм.
1194); годъ смерти Нуреддина Махмуда, «пробрѣтшаго неувядаемую
славу и всемирно-историческое значеніе», показанъ 1179 (III, 158), а онъ
умеръ въ 1174 г.,—значить, прибавлено пять лѣпныхъ лѣтъ неувядаемой
славы; смерть Кызыджъ-Арслана II—1292 (III, 179,—вм. 1192);
объ Альфараби сказано, что этотъ знаменитѣйший изъ арабскихъ филосо-
fovъ жилъ гораздо позднѣе эпохи сельджуковъ и хорезишаовъ (III,
209), а онъ жилъ еще до наступленія ея; царствованіе Аргуна показано
1291—1295 (III, 275,—вм. 1284—1291); взятіе Багдада Тимуромъ—
1491 (III, 332,—вм. 1401); Узунъ Хасанъ—1149 (III, 353,—вм. 1449).

Мы очень жалѣемъ, что г. Мѣниковъ согласился дать свою фирму
всѣ вполнѣ удовлетворительному переводу.

A. Крымскій.

¹⁾ Что касается звука С вначалѣ, то будетъ ли онъ писаться съ буквою
«сингъ» или «садъ», значеніе этого слова въ народномъ языке остается неиз-
мѣняемымъ:—«сдиратель шкуры».

²⁾ О немъ см. Etude sur Thomas de Medzoph et sur son histoire de
l'Arménie au XV siècle, par F. Nève. Paris 1855.

Н. Я. Никифоровский. Простонародные притчи и поверья. Суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и мъстахъ. Собр. въ Витебской Бѣлоруссії. Витебскъ, 1897. 8° X+308+30.

Новый обширный трудъ извѣстнаго знатока Бѣлоруссіи Н. Я. Никифоровскаго заслуживаетъ саамаго серьезнаго вниманія. Стараясь охватить бѣлорусскую жизнь такъ, какъ она представляется суеверному сознанію бѣлорусса-витебянина, собиратель охарактеризовалъ его мировоззрѣніе съ тѣою полнотою и объективностью, какая возможна лишь для человѣка, духовно сроднившагося съ окружющей средою и сосредоточившаго въ наблюденіяхъ надъ нею лучшія стремленія и чувства своей жизни. Глубокая наблюдательность и многолѣтній житейскій опытъ, снимавшій верхніе пласти народной и общественной жизни и раскрывающій ея внутреннія, сокровенные основы, удачно соединились въ собирателѣ для того, чтобы сдѣлать его книгу одинаково интересной и для этнографа, который подойдетъ къ ней съ историко-культурными цѣлями, и для народника-бelletrista, которому она дастъ богатѣйшую канву для всевозможныхъ узоровъ народнаго быта и духа.

Личность собирателя совершенно отсутствуетъ въ книгѣ, (исключая, конечно, предисловія); нигдѣ онъ не говоритъ о себѣ съ активной точки зрѣнія, ничего не объясняетъ, кроме тѣхъ случаевъ, где объясненіедается самимъ народомъ, нигдѣ не полагается на предположенія и догадки. 2300 слишкомъ отдельныхъ наблюденій и замѣтокъ, собранныхъ въ его книгѣ, представляютъ собою, безъ всякой подмѣси, настоящія извлечения изъ бѣлорусской жизни: она дробится и отражается здѣсь въ безконечномъ разнообразіи деталей матеріального и духовнаго быта и производить впечатлѣніе поражающаго своимъ реализмомъ подлинника, по которому не прошласьничкы прихотливая кисть. Этотъ реализмъ, это беспристрастіе Т. и. сырого матеріала есть въ то же время крупная научная заслуга, и ее свидѣтельствуетъ не одинъ исследователь, который остановитъ любознательную мысль на той или другой сторонѣ этого характернаго матеріала.

Обращаясь къ содержанію, мы видимъ, что въ этой книгѣ выражалось все, доступное мысли и слову невѣжественнаго, некультурнаго, но пытливо отыскивающаго истинную дорогу человѣка, еще скованнаго путами вѣкового предразсудка и нужды, но инстинктивно чувствующаго, что правда и сѣть когда-нибудь заглянутъ и въ его убогую, жалкую обитель. Это чувство поддерживается въ неѣ глубокую вѣру въ полу-христіанскаго, полуязыческаго бога, окруженнаго сонмомъ добрыхъ и злыхъ геніевъ, которые ведутъ споръ за человѣка отъ первого дня его рожденія до могилы. Послѣдній долженъ быть очень осмотрителенъ въ жизни: каждый его поступокъ, каждое слово и взглядъ должны быть строго согласованы не только съ кодексомъ обще-житейской практики, но и съ преднаречаніями и волей «силы нездѣшней»: иначе человѣку со всѣхъ сторонъ угрожаетъ болѣзнь, несчастье и смерть. Характеръ этой «нездѣшней силы», по своему дѣйствию на людей, опредѣлился вполнѣ, опредѣлились ея симпатіи и антиподы, и вѣковой опытъ раскрылъ цѣлую сѣть притчъ и предзнаменованій, которые могутъ обратить ея дѣй-

ствіа на благо или вредъ. И среди богатѣйшаго материала, характеризующаго это двоевѣрное настроеніе умовъ бѣлорусской крестьянской массы, духовенство нерѣдко, новидимому, становится въ положеніе «захарей», этихъ присяжныхъ стряпчихъ въ дѣлѣ защиты человѣческихъ интересовъ отъ посягательствъ на нихъ лукаваго, темнаго божества. Насъ не удивляетъ, когда мы читаемъ о частныхъ случаяхъ превращенія чародѣйской силыю людей въ волковъ или «волколакъ», и когда послѣдніе, послѣ обратнаго превращенія, рассказываютъ о своей волколаческой жизни, напримѣръ, слѣдующее. «Образъ жизни «волколаковъ» разнится отъ обычновеннаго волчьяго. Такъ, волколаки воютъ на востокъ, или въ сторону своихъ деревень, когда ложатся спать и встаютъ—это молитва; подъ головою устраиваютъ изголовье изъ иха, травы, хвороста, или обрубка дерева и камня; утромъ умываются, проводя мордою по росистой травѣ; появившись привычкѣ, въ первую весеннюю пору они разгребаютъ землю—пашутъ». Но странно встрѣтить въ числѣ симпатическихъ и механическихъ средствъ, которыя должны облегчить появленіе младенца на свѣтъ Божій, обращеніе къ священнику не за молитвой, не за нравственной поддержкой во время страданій, но за тою же чародѣйской символикой, въ которую входятъ лишь церковные обряды и предметы. Когда не помогаетъ родильницѣ ни отварь изъ сухого чернобыльника, ни ея девятикратное переступаніе черезъ мужа, который въ это время покорно лежитъ у порога избы съ внутренней стороны, тогда въ крайности обращаются къ священнику: «старшій въ семье мужчина просить священника расчищить царсвія врата: тогда и для новорождѣнца откроются ворота материнской утробы». Или: «въ крайнемъ и послѣднемъ случаѣ родитку оповѣщаютъ тѣмъ поясомъ, который употребляется священникомъ при церковномъ облаченіи, при условіи, чтобы этотъ поясъ ни прежде, ни послѣ не употреблялся подобною страдалицею». При крещеніи священникъ участвуетъ въ суевѣрномъ гаданіи и тоже на церковной подкладкѣ. «Срѣзанные при Крестѣ волосы, читаемъ мы въ п. 135, священникъ мнеть съ кусочкомъ себѣчного воска и бросаетъ въ купель. Если восковой комочекъ немедленно потонетъ, дитя скоро умретъ; будетъ плавать на поверхности купельной воды—дитя долго проживетъ». «Если не смерть, такъ рядъ болѣзней постигнетъ то дитя, которое чихнетъ, кашлянетъ, вздохнетъ или сблюетъ подъ Кстомъ» (133).

Эти примѣры показываютъ достаточно наглядно, какъ мало привилось въ бѣлоруссу хригіанство своей внутренней, идеальной стороной.

Такого рода примѣты встрѣчаютъ рожденіе и врещеніе ребенка; ими окружено его раннее дѣтство; они усынаютъ весь его жизненный путь, и онъ же провожаютъ его въ послѣднее жилище. Реальная условія бытъ, связанныя съ вопросами о томъ, где, какъ и чѣмъ живеть человѣкъ, выразились въ нихъ съ гораздо большей полнотой и реальностью, чѣмъ это можетъ быть сдѣлано въ лирической или даже эпической пѣснѣ. Уже не говоря о множествѣ суевѣрныхъ примѣтъ, относящихся къ предсказыванію погоды, земледѣльческому труду во всѣхъ его видахъ, къ жизни семейной и общественной, однѣ примѣты и указанія, касающіяся болѣз-

ней, представляютъ собою не только интересный въ научномъ отношеніи, но и поучительный въ общественномъ смыслѣ матеріалъ. Острый жалудочный болѣй мать изговаривается у ребенка тѣмъ, что сбѣтъ его прутьями по животу, дѣлаетъ ему «паривку по нузи», «съ явнымъ намѣрѣніемъ причинить болѣй» (274). «Когда наступитъ особенно сильный приступъ родимца, нужно надрѣзать изинецъ правой руки больного временно и кровью помазать лобъ, глаза, носъ, ротъ и грудь его» (279). «Почти вся горловая дѣтскія болѣзни успѣшино изыѣчиваются водою, три раза перелитою чрезъ волчье горло, которое сберегается отъ убитаго волка» (291). «Когда у малыѣнаго дитяти выпадаютъ кашки, нужно взять его за ножки и, перевернувъ головкою внизъ, встѣхнуть три раза. Но если то же приходится сдѣлать съ болѣе возрастнымъ дитятей, то въ дѣберной яснѣкѣ вволачивается крѣпкій гвоздь, и дитя привѣшивается погами на полчаса приблѣзительно. Это нужно повторить не менѣе трехъ разъ» (284). «Много помогаетъ отъ суроцьва вода, добытая именно со два колодца,—для чего слѣдуетъ нырнуть на дно колодца съ бутылкою. Послѣ каждого приема такой воды нужно бросать въ этотъ колодезь по одному холодному углю, и это средство будетъ помогать тогда осураженѣемъ людямъ всѣхъ возрастовъ» (245). Такія средства употребляютъ народно-медицинская практика въ Витебской Бѣлоруссіи, и средства, надо сознаться, радикальныя, рѣшительныя, если не въ одну, то въ другую сторону; множество другихъ средствъ отличается, правда, болѣе невиннымъ характеромъ, но зато эти средства и менѣе дѣйствительны.

Краю нужна не одна врачебная организація, но и школа. Эта потребность созывается населеніемъ, и нерѣдко выражается на страницахъ разбираемаго труда. «Передъ вторымъ купаньемъ, разсказываетъ собиратель въ п. 99, новорожденному дается въ руку книга, или лоскутокъ печатнаго листа, и перо, чтобы дитя впослѣдствіи было письменными и умными». Въ числѣ предметовъ, полагаемыхъ у порога избы, чрезъ который должны переступить кумовья, рядомъ съ топоромъ, пилой, золотомъ и т. д. кладется и книга, въ надеждѣ, что впослѣдствіи дитя будетъ мастерски владѣть этими предметами (126). Такъ, пуповину мальчика бабка отрѣзаетъ или на дубовой плаѣ, чтобы онъ былъ крѣпокъ, или на книгѣ, чтобы былъ грамотнымъ. И подобныхъ примѣровъ много. Жизнь дѣлаетъ свое дѣло, и понемногу, незамѣтно програждаются въ житейской кругозорѣ новые понятія, клиномъ входящія въ старину и поселяющія въ вѣкъ расколъ. Старое крѣпко, «съ вимъ проходится считаться», «спокъ еще не подоспѣло корениное преобразование сувѣрно-предразсудочнаго кругозора простолюдина», но и новое, если поддаться оптимистическому тону автора виже цитируемыѣ слоиъ, виѣть не мало шансовъ для усившой берѣбы «Юная пока-что, говорить г. Никифоровскій, но имѣющая все задатки просвѣтительскаго роста народная школа, расширявшаяся до захолустій, мрачныхъ завѣтъ, безостановочно лѣтъ туда сѣсть, истину и трезвый взглядъ». А если это такъ, и если «текущая жизнь воочию подтверждаетъ, что и уцѣльвшамъ остаткамъ старины предстоитъ конечное исчезновеніе», то мы должны быть особенно благодарны собирателю за

то, что онъ сберегъ для этнографической науки относительно-полную картину мірсозерцанія до— и послѣ-реформънаго бѣлорусса, отразившагося въ записяхъ собирателя, старѣйшія изъ которыхъ помѣщены шестидесятими годами.

И въ этихъ записяхъ, непосредственно примыкающихъ къ извѣстнымъ уже «Очеркамъ простонароднаго житья-бытия въ Витебской Бѣлоруссіи» и занявшихъ въ настоящемъ томѣ болѣе 300 страницъ четкой, убѣристой печати, собиратель неразсчетливо въ множествѣ разсыпал драгоценный материалъ заговоровъ, заклинаній, легенды, пословицъ, поговорокъ, крылатыхъ словъ и выражений, изъ которыхъ каждая группа, будучи выдѣлена въ самостоятельный трусь, уже имѣла бы цѣну и заслуживала бы поощренія. Въ самомъ дѣлѣ, того, что даетъ имѣга г. Никифоровскаго, съ успѣхомъ хватило бы на серію выпусковъ, изъ которыхъ въ первый вошли бы приимѣты и преднаменованія, сопрѣщающія человека, отъ рожденія до смерти, во второй, напримѣръ, болѣзни, ихъ лѣченіе, народно-медицинскіе средства и пріемы, заговоры и заклинанія, въ третій легенды, которыхъ очень много и между которыми не мало любопытныхъ, вродѣ легенды о превращеніи въ вукунекъ или тѣхъ, что помѣщены въ отдѣль «Дополнительныхъ сказаній» (напр., о ростѣ бывшихъ людей, «осиляхъ», происхождевіе болотъ, зарастающія озера, возникновеніе горы и проч.); далѣе могли бы быть выдѣлены демонологическія представлениія, нечистики, вѣдьмы, вѣдьмари, захаріи и захарки. наконецъ, пословицы, поговорки, гадательныя формулы и мѣткія слова могли бы представить также весьма почтенный материалъ для сужденія не только о силѣ и экспрессії устной рѣчи витебчанъ, но и объ особенностяхъ говора, извѣстнаго собирателю въ совершенствѣ и передаваемаго съ тою точностью, какую только можетъ передать наша еще не установившаяся и искусственная транскрипція.

Н. Я. Никифоровскій расположилъ свои наблюденія и замѣтки по извѣстнымъ группамъ, которые даютъ возможность читателю ориентироваться послѣ небольшаго знакомства со сборникомъ, но далеко не сразу раскрываютъ все богатство заключеннаго въ немъ материала — и потому при поверхностномъ знакомствѣ съ нимъ получается впечатлѣніе, значительно менѣе выгодное, чѣмъ то, которое соотвѣтствуетъ ему по существу. Вотъ на какія крупнѣйшія рубрики дѣлить г. Никифоровскій свою книгу: А. Дитя «одѣ спычатку, до конца «блазноцтвы». Б. Молодые люди обоего пола; брачующіяся чета. В. Будничная жизнь дома и внѣ дома. Г. Животные исконасмія и явленія природы. Д. Святочная жизнь дома и внѣ дома. Е. Къ вечеру — не рано (болѣзни, старость, всяческія недомоганія и кончина человѣка). Ж. Дополнительныя (смѣшанныя) сказанія. «Въ посильной систематизації разнообразныхъ сказаній, говорить по этому поводу собиратель, пришлось дать имъ предметное распределеніе: что тѣснѣйше относится къ человѣку, то расположено преимущественно къ теченію жизни послѣдняго, и въ сей слуачѣ всѣ сказанія сообща передаются сущѣрно-предразсудочный кругозоръ простонародья о человѣкѣ отъ колыбели до могилы, или, точнѣе — отъ того неуловимаго мгновенія, когда чутъ-чуть

опредѣлилось земное бытіе его, и до того опять же теряющагося време-
ни, когда у отдаленныхъ сродниковъ исчезаетъ памятование о немъ, когда
онъ обращается въ безличное имя «дядевъ». Остальные сказавія, не отно-
сящіяся непосредственно къ человѣку, группируются при основной нити
сказаний о земномъ владыкѣ, какъ положительные и отрицательные спут-
ники». Несомнѣнно желательно было бы видѣть въ такомъ обширномъ
сборникеъ подробный предметный указатель, который помогъ бы ориентиро-
ваться въ собранномъ матеріалѣ. Расположеніе послѣдняго по рубрикамъ
дѣло чрезвычайно трудное: вотъ почему мы не споримъ съ собирателемъ
относительно принятаго имъ порядка. Но отсутствіе указателя—единствен-
ный сколько-нибудь существенный недостатокъ. Интересы науки во всемъ
прочемъ въ достаточной степени гарантируетъ научная подготовленность
собирателя, уже известнаго въ этнографической литературѣ и воочислен-
ными трудами этого рода, ясное сознаніе преслѣдуемыхъ имъ научныхъ
цѣлей, обусловливающее и его техническіе пріемы, и внутренний хара-
ктеръ его наблюденій. «Въ какой простотѣ послѣдняя (т. е. повѣсть, сказа-
ние, мелкое сообщеніе) выходила изъ устъ сказателя, въ томъ видѣ она,
по подлиннымъ словамъ собирателя, поступала въ настоящій сборникъ». «Гдѣ оказалось возможнымъ и гдѣ для вполнѣ оттѣнка нужно было, въ
текстѣ сказаний внесены типичныя речењія передатчиковъ, при чёмъ въ 390
выносахъ и примѣчаніяхъ, помѣщенныхъ въ концѣ, дается объясненіе
тѣхъ рѣчей, «кои не отысканы въ словарихъ или коимъ на мѣрѣ при-
дается новый лексический оттѣнокъ». Если добавить къ этому, что почти
каждое отдельное сказаніе сопровождено указателемъ места и времени
записи, а въ приложениіи помѣщено общий географическій указатель, то
становиться ясно, что въ книгѣ г. Никифоровскаго мы встрѣчаемъ не только
обширный и усердный, но и-solidно обставленный въ научномъ отноше-
ніи трудъ, объективность котораго всѣ можетъ подтверждать сомнѣнію.

Евг. Дзицкій.

**А. Е. Бурцевъ. Сказки, разсказы и легенды крестьянъ сѣвер-
наго края. Спб. 1897.**

Г. Бурцевъ принадлежитъ къ числу тѣхъ библиомановъ, которые за-
ботятся лишь объ увеличеніи числа библиографическихъ рѣдкостей. Въ
виду этого не слѣдуетъ удивляться примѣчанію на оборотѣ заглавного
листа настоящей книги: «Печатано въ количествѣ 40 экземпляровъ по
для продажи».

Бѣ счастію для занимающихся этнографіей въ народной поэзіи, вновь
вышедшая библиографическая рѣдкость лишена всякаго значенія. Трудъ
составленія для г. Бурцева не былъ также: главная часть №№ сбор-
ника перепечатана имъ изъ «Живой Старины», изъ изданий Афанасьевы
Рыбникова, Барсова, Славянской, Харузина (о лопаряхъ,) одинъ № даже
изъ сборника Кирши Данилова; кое-что (не имѣющее никакого отношенія
къ нашему сѣверу) взято изъ лубочныхъ книжекъ недавнаго времени, меж-
ду прочимъ «Англійскій Милордъ Георгъ» и «Французъ Венеціанъ»; само-

му г. Бурцеву принадлежать лишь нѣсколько разсказовъ, короткихъ и мало интересныхъ по содержанию. Ни объяснений, ни библиографическихъ указаний нѣтъ.

Внѣшняя сторона книги—изъ заурядныхъ заурядная: посредственная печать, почти полное отсутствие орнаментациі, плохая корректура.

A. Соболевский.

Н. А. Смирновъ. Русскія народныя пѣсни новѣйшаго времени. Этнографіческій очеркъ. СПб. 1895. 26 стр. ц. 60 к.

Небольшая книжка г. Смирнова, уже отмѣченная мимоходомъ въ «Этногр. Обозрѣніи» (XXXIII, 93), представляетъ собою попытку охарактеризовать русскую пѣсню «новѣйшей формациі». Приступая къ своей работѣ, авторъ упрекаетъ собирателей народныхъ пѣсень въ томъ, что они руководствуются только личнымъ вкусомъ и, вслѣдствіе этого, совершенно игнорируютъ новѣйшія народныя пѣсни, находя ихъ пошлыми и грубыми. Напоминая читателю, что Костомаровъ еще въ 1872 году говорилъ, что не должно пренебрегать и новой пѣсней народа, онъ указываетъ на то, что приведенные слова до сихъ поръ еще не находятъ себѣ отзыва. Правда, въ послѣдніе два, три года стали раздаваться отдѣльные голоса, говорящіе какъ бы въ защиту новой пѣсни (Перетцъ), но едва ли можно сказать многое при отсутствіи въ литературѣ нового пѣсенного матеріала». Матеріалъ этотъ скуденъ, разбросанъ по провинциальнымъ изданіямъ; собиратели по большей части «люди случайные»; мѣста собираній—большею частью окраины Россіи.

Нельзя, конечно, не согласиться съ тѣмъ, что упреки, высказанные г. Смирновымъ по адресу собирателей народныхъ пѣсень до нѣкоторой степени справедливы и что не лучше было напомнить имъ слова Костомарова; но все это даетъ намъ право ожидать, что г. Смирновъ вполнѣ изучилъ все то, что было написано о современной народной пѣснѣ, всѣ тѣ «отдѣльные голоса, говорящіе какъ бы въ защиту новой пѣсни», которые стали раздаваться въ послѣдніе годы. А между тѣмъ, какъ намъ кажется, г. Смирновъ не совсѣмъ внимательно относится къ литературѣ интересующаго его вопроса. Въ его книжкѣ упоминается лишь работа Перетца (Современная русская народная пѣсня. Сравнительные этюды. СПб. 1893) и ни слова не говорится ви о статьѣ г. Успенского «Новые народные стишкі»¹⁾. (Сочиненія т. III. СПб. 1891), ни обѣ очеркѣ С. М. Пономарева «Что поетъ про себя Приуралье» (Съверн. Вѣсти. 1887. XI, XII), ни о книжкѣ И. Я. Львова «Новое время, новые пѣсни» (Устюгъ 1891), о которой была подробная рецензія въ «Вѣстникѣ Европы» за 1892 г. (октябрь)²⁾. Каждый изъ упомянутыхъ авторовъ работалъ надъ имѣющимися у него лично рукописнымъ матеріаломъ, въ

¹⁾ Это именно та статья изъ «Русск. Вѣдомостей», которая не точно обозначена нами въ «Этногр. Обозр.» XXXIII 93 (въ выносѣ). Ред.

²⁾ См. еще «Этногр. Обозр.» XXXIII, 176, подъ № 4. Ред.

составь которого входят пѣсни Новгородской, Вологодской гг., Пріуралья; тѣми изъ этихъ пѣсенъ, которая обнародованы въ указанныхъ нами статьяхъ, могъ бы воспользоваться и г. Смирновъ и дополнить то, что онъ извлѣкъ изъ просмотрѣнныхъ имъ сборниковъ 70-хъ и 80-хъ годовъ. Очеркъ его отъ этого выигралъ бы въ полнотѣ и выводы были бы болѣе обоснованы.

Упрекая собирателей и изыскывателей народныхъ пѣсень въ пристрастіи, г. Смирновъ приводитъ слова Бостомарова, что «никакъ не слѣдуетъ пренебрегать пѣснями новѣйшаго склада, или же носящими отпечатокъ новѣйшихъ передѣлокъ: если для нашего эстетического вкуса онъ представляются уродливыми, пошлыми, даже циническими и лишенными всякой поэзіи, то для историка и мыслящаго наблюдателя человѣческой жизни онъ все-таки драгоценныя памятники народнаго творчества. При этой точкѣ зрѣнія, видимая безсмыслица для насъ иногда не бываетъ лишена смысла». Намъ кажется, что г. Смирновъ и самъ не вполне остался вѣренъ точкѣ зрѣнія, установленной Бостомаровымъ. Онъ не придаетъ никакого значенія «частушкамъ», которыхъ, по его мнѣнію, «представляются по большей части безсмысленный наборъ словъ»; къ этой безсмыслицѣ однако сдѣловоало бы отнести повнимательнѣе; можетъ быть, тогда авторъ не говорилъ бы объ нихъ съ такимъ презрѣніемъ. Въ упомянутой статьѣ Г. Успенского мы находимъ такія слова объ этомъ типѣ современной пѣсни:

«Не изъ чего собрать и сложить пѣсню, но сочинить «стишокъ», отвѣкнуться на разнообразнѣйшія явленія обыденной жизни, этого даже и утерпѣть нельзя народу. И вотъ онъ сочинилъ такъ называемую частушку, т. е. куплетъ, и этими частушками отвѣкается на каждую малость жизни... Собравъ эти частушки съ таюю же щадительностью, какъ собираются статистическія свѣдѣнія о всякихъ мелкихъ подробностяхъ хозяйства въ крестьянскомъ дворѣ, и разработавъ ихъ соответственно тѣмъ сторонамъ народной жизни, которыхъ онъ касается, мы имѣли бы точное представление о нравственной жизни народа» (Сочиненія. т. III стр. 655). Тотъ же взглядъ проводился и въ недавней статьѣ г. Балова: «Бороденкіи пѣсни, или «крипѣвки»» («Этногр. Обозр.» XXXIII, 93).

Книга г. Смирнова основана почти исключительно на появившихся уже въ печати сборникахъ, на которыхъ онъ остановился, пересмотрѣвъ литературу по интересующему его вопросу за 70-е и 80-е годы. Только три пѣсни записаны лично авторомъ: одна описываетъ желѣзную дорогу, другая рисуетъ разгульное житье фабричного парня, третья, очень грустная,—рассказъ дѣвушки о ея паденіи въ Петербургѣ. Всѣ три пѣсни записаны въ Петербургской губ.

Какъ мы уже замѣтили, очеркъ г. Смирнова не даетъ полной характеристики современной народной пѣсни, да и самъ авторъ не претендуетъ на это, сознавая, что материала, лежащаго въ его распоряженіи, слишкомъ мало для этого. Подробно касается онъ отраженія въ пѣснѣ вѣнчанаго вліянія городской культуры, вліянія ея на взаимные отношенія мужской и женской молодежи деревни и на положеніе деревенской женщины;

пѣсни, касающіяся фабричнаго быта и отхаживанія промысловъ вообще, а также ареставанія пѣсни или совсѣмъ не затронуты имъ или затронуты слегка.

Подводя итоги своей работы, авторъ говорить, что «содержаніе новѣйшей народной пѣсни слишкомъ бѣдно въ сравненіи со старою пѣснью, которая открывала передъ нами обширнѣйшій горизонтъ иненческихъ воззрѣній народа или рисовала старинные обычая его жизни». Современная пѣсня расپѣваетъ про «колошицы», «конверты», «штафеты», желѣзныя дороги и т. п. предметы цивилизации, хотя не оставляетъ безъ вниманія, какъ мы видѣли, и интересовъ семейной жизни, но только новой, а не старой, сдѣлавшейся для народа теперь и мало интересной, и неновитой. Намъ кажется, что иными г. Смирнова о бѣдности содержанія современной народной пѣсни не совсѣмъ вѣрно. «Колошицы», «конверты», «штафеты» являются скорѣе, такъ сказать, аксессуарами пѣсни, а не предметомъ ея; содержаніе ея по прежнему берется въ народной жизни и едва ли теперь бѣднѣе, чѣмъ въ старыя времена. Даѣте авторъ и самъ смыгчаетъ свой приговоръ, совершенно справедливо говоря, что «современная народная пѣсня... не такъ ничтожна, какъ ее считаютъ: въ ней есть и смысль, и ironія, иногда даже болѣе глубокая, чѣмъ въ старой пѣснѣ, однимъ словомъ, она по-прежнему остается отраженіемъ народной жизни. Если получается некрасивое отраженіе, то слѣдовательно некрасивъ предметъ, который отражается». «Современная народная пѣсня—по вѣрному замѣчанію г. Смирнова—лучшее доказательство того, что для нашего народа наступило переходное время, настала другая эпоха—эпоха личныхъ интересовъ, личного творчества, могущаго совершенствоваться только при условіи развитія образованности».

Въ общемъ, не смотря на нѣкоторые недостатки, книжечка г. Смирнова представляеть интересъ, какъ по указаніямъ на литературу 70 и 80-хъ годовъ (не совсѣмъ впрочемъ полнымъ), такъ и по разработкѣ извлеченіаго авторомъ пѣсенного материала. Но главное достоинство этой книжки заключается собственно въ ея, такъ сказать, публицистической сторонѣ, въ томъ, что авторъ еще разъ напоминаетъ нашему образованному обществу о значеніи тѣхъ «фабричныхъ» «лакейскихъ» пѣсень, къ которымъ очень многіе относятся съ полнымъ пренебреженіемъ.

Д. С.

Труды VIII-го Археологического Съезда въ Москвѣ 1890 г. т. III. (Подъ ред. зр. П. С. Уваровой. М. 1897. 4° стр. 341 съ 28 табл. рис.).

Значительное большинство статей, помѣщенныхъ въ обширномъ и роскошно изданномъ 3-мъ томѣ «Трудовъ» VIII-го археологического съезда, посвящено разработкѣ и выясненію археологическихъ вопросовъ, бывшихъ предметами докладовъ и обсужденій на Московскомъ съездѣ 1890 г. Нѣкоторыя статьи представляютъ однако и чисто этнографический интересъ; на нихъ-то мы и позволимъ себѣ остановиться.

Прежде всего обращает на себя внимание статья В. А. Городцова: *Жилища неолитической эпохи в долине р. Оки*. Чрезвычайно интересная работа г. Городцова — результат его проделательных, произведенных съ замечательной детальностью и тщательностью, изысканий въ долинѣ р. Оки слѣдовъ культуры неолитического человека. Основные выводы, къ которымъ пришелъ г. Городцовъ, отчасти уже известны изъ его реферата, читанного В. И. Сизовымъ въ засѣданіи Ипп. Моск. Археологическаго Общества и напечатанного въ «Археологич. Изѣст. и Замѣткахъ» (1895 г. № 4). Изысканія г. Городцова обратили на себя заслуженное внимание въ виду того, что они касаются одного изъ крайне интересныхъ, но оставшагося до послѣдняго времени темнымъ вопроса о типѣ жилищъ, которымъ пользовался человѣкъ неолитической эпохи р. Оки — мѣстности особенно богатой слѣдами долговременного пребыванія въ ней человѣка въ періодъ т. в. каменного вѣка. Естественно, что этотъ вопросъ не можетъ быть чуждъ этнографии, которая для установленія процесса развитія изъ разныхъ сферъ человѣческой культуры, вынуждена дополнять и иногда провѣрять свои выводы данными археологовъ. Между тѣмъ о жизни населения Россіи во «внѣметаллическій періодъ» наука обладаетъ лишь крайне скучными свѣдѣніями: древности каменного вѣка сравнительно мало привлекаютъ вниманіе нашихъ археологовъ. Г. Городцовъ принадлежитъ къ числу тѣхъ сравнительно немногочисленныхъ въ Россіи лицъ, которыхъ посвящаютъ свои силы специальному изученію этого далекаго періода. Насколько неожиданными и цѣнными для науки могутъ быть подобныя изысканія, доказывается результатами, добытыми г. Городцовымъ: изысканіе дюнь, при которомъ онъ нашелъ остатки сгорѣвшаго, повидимому конического шалаша, даѣше находка очаговыхъ ямъ и оконецъ землянки-ямы (на платинѣ Черепково) — проливающія яркій свѣтъ не только на вопросъ о типахъ жилищъ неолитического періода въ долинѣ Оки, но позволяютъ судить и объ образѣ жизни первобытныхъ обитателей, оставившихъ многочисленные памятники своего быта въ видѣ орудій изъ камня, черепковъ посуды и т. п. Шалаши служили, повидимому, лѣтнимъ, ямы-землянки — зимнімъ жилищемъ. Выводы г. Городцова вполнѣ сходятся съ выводами этнографіи, видящей въ этихъ двухъ типахъ эмбрионы дальнѣйшаго развитія жилища у разныхъ народовъ и въ частности среди современныхъ инородческихъ племенъ Россіи. Предположеніе автора, что землянка на Окѣ явилась на сѣнѣнушерному жилищу, требуетъ, на нашъ взглядъ, большихъ доказательствъ. Во всякомъ случаѣ находка жилищъ двухъ типовъ у неолитиковъ на Окѣ ставитъ вопросъ, находившій себѣ болѣе или менѣе гадательное решеніе, на прочную почву фактическихъ данныхъ и даетъ линій интересный фактъ для этнографа. Ф. Ф. Чекалинъ въ статьѣ: *Мещеры и бургасы по сохранившимся о нихъ памятникамъ* — старается установить, что подъ тѣмъ и другимъ названіемъ слѣдуетъ видѣть одну и ту же народность. И. Н. Смирновъ въ небольшой замѣткѣ: *Бесермяне Вятской губ.* — старается пролить свѣтъ на другую неопредѣленную еще наукой съ историко-антропологической точки зренія народность бесермянъ. Авторъ старается отмѣтить

антропологическая и этнографическая черты сходства и различия между бесермянами съ одной стороны и вотяками и татарами—съ другой; въ результате проф. Смирновъ приходитъ къ предположенію, что «бесермяне, не будучи ни вотяками, ни татарами, являются овотячившимися потомками какого-то тюркского племени, ранѣе татарь жившаго въ бассейнѣ Чепцы. Что это было за племя, остается пока для насъ загадкой». Если въ отношеніи вопроса о буртасахъ наука вынуждена ограничиваться собираниемъ скучныхъ историческихъ и архивныхъ свѣдѣній, то въ отношеніи мещеры или бесермянъ изслѣдователи находятся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ: изученіе языка и антропометрическая измѣренія могутъ дать прочную почву для рѣшенія вопроса о принадлежности обѣихъ народностей къ той или иной племенной группѣ. Для рѣшенія вопроса о мещерякахъ накоплено со временъ VIII-го археологического съзыва извѣстное количество материаловъ, между прочимъ благодаря дѣятельности Общества Археол., Исторія и Этнографіи при Имп. Казанскомъ университѣтѣ; антропометрическая измѣренія (надъ небольшимъ количествомъ мещеряковъ) были произведены между прочимъ проф. Зографомъ. Дальнѣйшее накопленіе материала о мещерякахъ дастъ, надо надѣяться, достаточно оснований, чтобы съ одной стороны рѣшить вопросъ о происхожденіи мещеряковъ и опредѣлить районъ ихъ обитанія, а съ другой подкрѣпить или ослабить предположеніе о тождествѣ ихъ съ буртасами. Бесермянамъ не посчастливилось въ той-же мѣрѣ, какъ мещерякамъ: въ предположеніи г. Смирнова о происхожденіи бесермянъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, но только дальнѣйшія изслѣдованія дали бы возможность если не рѣшить, то по крайней мѣрѣ поставить на болѣе прочную почву вопросъ о происхожденіи бесермянъ. Нельзя поэтому не пожелать, чтобы Казанское Общество Археологии, Исторіи и Этнографіи, уже иного потрудившееся надъ изученіемъ Волжско-Камскихъ инородцевъ, обратило вниманіе и на небольшую группу бесермянъ и оказало своимъ изслѣдованіямъ содѣйствіе къ рѣшенію вопроса обѣихъ происхожденіи и историческихъ судьбахъ. Другая, болѣе обширная замѣтка проф. И. Н. Смирнова посвящена вопросу обычайскому нѣкогда каннибализму у вотяковъ—*Воспоминанія об эпохѣ каннибализма въ народной поэзіи вотяковъ*. Материалами для возстановленія этой эпохи служатъ автору вотяцкія сказки. Произведенія народной словесности могутъ служить источникомъ для возстановленія прошлаго быта народности только тогда, когда само произведеніе вѣ ока-зывается заимствованнымъ: намъ кажется поэтому нѣсколько страннымъ, что г. Смирновъ на ряду съ сказками и преданіями, отражающими моментъ существованія эпохи каннибализма у вотяковъ и принадлежащи-ми, повидимому, къ цивил национальныхъ произведеній вотяковъ, счѣлъ возможнымъ, для доказательства своего положенія, еще привлечь запи-санній имъ варианѣтъ извѣстной сказки, очевидно заимствованной воти-ками у русскихъ. «Солдатъ принесъ изъ лѣса чудную птицу: человѣкъ, который сѣѣль-бы ея голову, могъ сдѣлаться царемъ,—сердце—высо-кимъ сановникомъ. Провѣдалъ это знакомый солдату купецъ и условил-ся съ солдаткой: сѣѣдинъ птицу; и буду царемъ, ты «санаторъ». Уго-

воръ этот подслушалъ солдатовъ работникъ и скормилъ птицу двумъ сыновьямъ солдата. Пріѣхалъ купецъ, узналъ, что случилось, и говорить: нужно зарѣзать ребятъ; когда мы ихъ съѣдимъ, мы все таки будемъ — я царемъ, ты санаторъ¹⁾). Не останавливаясь на возбуждающей многия сомнѣнія статьѣ г. Прозоровскаго: *О славяно-русскомъ до-христіянскомъ счислении времени, отмѣтимъ слѣдующія работы, имѣющія ко-свенное отношеніе къ нѣкоторымъ этнографическимъ вопросамъ: Н. Е. Бранденбурга: Къ вопросу о камскихъ бабахъ, Н. Ф. Бѣльшев-скою: Слѣды первобытного человѣчка на берегахъ р. Днѣпра, вблизи Кіева, и Г. Л. Скадовскаго: Бѣлоозерское городище Херсон-скаго у.*

Н. X.

Ізвѣстія Императорской Академіи Наукъ. Томъ IV-й. № 1 (янв.). Клеменціз, Д. Отдѣльная Экскурсія въ Восточную Монголію (докладъ, читанный 6-го сент. 1895 г.).

№ 2 (февр.). Въ отчетѣ по физ.-мат. и истор.-фил. отдѣленіямъ: о смерти Д. А. Ровинскаго; о смерти византиста Гавр. Сцир. Дестуниса; о смерти классика и археолога проф. Бреславльскаго унив—та Мартина Гѣрца; о смерти біолога и знатока первобытныхъ древностей проф. Базельскаго унив—та Людвига Рюттимейера.—*Фома-Леміз. О, д-ръ. Дополненіе къ мемуару: «Коптскіе отрывки къ исторіи патріарховъ александрийскихъ»* (докладъ 29 ноября 1895 г.).

№ 3 (мартъ) Въ «извлеченияхъ взъ протоколовъ» — сообщеніе *A. A. Куника* о татарскомъ періодѣ русской исторіи.—Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русск. яз. и слов. за 1895 г., составл. *A. Ф. Бычковымъ*; вышель III вып. Словаря русского яз. на букву Д, начатаго *Я. К. Громомъ* и продолженнаго *A. Ф. Бычковымъ*, — продолженіе возложено на *A. A. Шахматова*; собирается материалъ для областнаго словаря русскаго яз.; напечатанъ четвертый вып. Материалъ для словаря древнерусскаго языка по письменнымъ памятникамъ, собр. понойнымъ *И. И. Срезневскимъ* (буквы Л, М, Н); печатается, подъ наблюденіемъ *A. A. Шахматова*, Словарь олонецкаго нарѣчія, сост. *Г. И. Куликовскимъ*; напечатанъ 1-й вып. Іитовско-русско-польского словаря бр. *Юшкевичей*, подъ ред. проф. *Ф. Ф. Фортунатова* (A — Dz); *A. A. Шахматовымъ* составлена программа сѣверно-великорусскихъ говоровъ; подъ ред. ак. *М. И. Сухомлинова* изданы 7 и 8 томы Материалъ для исторіи Академіи Наукъ; ак. *И. В. Яличъ* издалъ 7-й томъ Изслѣдований по русскому яз.: *«Разсужденія южно-славянской и русской старины о церковно-славянскомъ языкахъ»*, извлеченія болѣе чѣмъ изъ 60 рукописей; онъ же, задавшись цѣлью составить критическое обозрѣніе богатаго материала объ употребленіи разныхъ тайныхъ языковъ у слав-

Въполномъ видѣ сказка помѣщена въ монографіи автора „Вотаки“⁴. Ср. Асанасьевъ, Сказки, II, № 115, Сборн. свѣд. для изуч. быта крестьянск. населения Россіи, II (материалы Н. А. Иваницкаго).

вянъ, выпустилъ сочиненіе: «Die Geheimsprachen bei den Slaven» (здесь, между прочимъ, русскій тайный языкъ сефарей, старцевъ, мако-валовъ и перстовитовъ); она же напечаталъ: «Ruska Književnost и osamnaestom stolještu (помѣщено въ «Матицѣ Хорватской»); она же въ изданіи Вѣнскай Академіи Наукъ помѣстила: «Anzeiger der philosophisch—historischen Classe»; ак. А. Н. Веселовскій въ Щури. Мин. Нар. Просв. помѣстилъ отрывокъ изъ приготовляемой имъ истори-ческой поэмы, а именно, статью: «Изъ исторіи эпитета», тамъ же *его* замѣтка: «Молитва св. Сисинія и Верзилово коло» (привлечены зоіонскіе тексты молитвы, давшіе новое соображеніе); адъюнктъ А. А. Шахматовъ во юнѣ и юлѣ отчетнаго года совершилъ поездку въ Калужскую губ. для изученія мѣстныхъ говоровъ; въ результатѣ изслѣдователь при-шелъ къ заключенію, что врядъ ли гдѣ найдется этнографическая грани-ца между бѣлоруссами и южно-великоруссами: тѣ и другіе, по его мнѣ-нию, одно общее племя; напечатана рецензія ак. А. Ф. Бѣлькова на соч. Р. М. Зотова, «О черниговскихъ князьяхъ по Любецкому сино-дику и о Черниговскомъ княжествѣ въ татарское время»; *его* же на соч. В. С. Иконникова «Опытъ русской историографіи»; рец. И. В. Яичча на соч. А. Карнѣева, «Материалы и замѣтки по литературной исторіи Физіолога»; *его* же на кн. П. А. Кулаковскаго, «Иллірізмъ, Изслѣдованіе по исторіи хорватской литературы периода возрожденія»; рец. А. Н. Веселовскаго на трудъ Ф. И. Леонтовича «Очерки исторіи літовско-русского права, Образованіе территории Литовскаго госу-дарства»; въ отчетномъ году Академія содѣйствовала проф. Филевичу въ его путешествіи въ Прагу, Вѣну, Будапешть, Колошъ (Клаузен-бургъ), Сибинъ (Германштадтъ) и Черновцы для пополненія и обработки матеріаловъ по изученію Карпатской Руси; Академія содѣйствовала чеш-скому этнографу Д. Кубѣ для собирания народныхъ напѣвовъ и пѣсень въ Сербіи; напечатанъ трудъ Д. А. Ровинскаго: «Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX вѣковъ»; продолжались печатаніемъ: 1) сочиненіе Д. А. Ровинскаго, Черногорія, въ ея прошломъ и настоя-щемъ,—П. В. Шнейна, Материалы для изученія быта и языка русска-го населенія сѣверо-западнаго края,—Ф. А. Брауна, Разысканія въ області Гото-Славянскихъ отношеній,—II-й томъ онежскихъ былинъ, со-бранныхъ А. Ф. Гильфердингомъ; Отдѣленіе Русс. яз. и Слов. приступило къ воспроизведенію фотографіей хранящейся въ Люблянскомъ музѣй из-вѣстной Супрасльской рукописи XI вѣка, содержащей въ себѣ мартовскую милю четию; смерть Н. Н. Булича и П. И. Савватіова и біографическая справки о нихъ.—Ломоносовская премія присуждена Б. К. Ульянову за сочиненіе: «Значеніе глагольныхъ основъ въ літовско-сла-вянскомъ языкахъ».—Отчетъ о присужденіи премій графа Д. А. Толстого: первая медаль—Вал. Ал. Журавскому за соч.: «Древности Закаспій-скаго края, Развалины старого Мервя.. Спб. 1894.; вторая медаль—проф. В. А. Лебедеву за соч.: «Финансовое право»; третья медаль—А. Н. Харузину за соч.: «Крестьянское землевладѣніе въ Эстляндской губерніи по даннымъ 1892—1894 гг». Ревель 1895.—Отчетъ о присужденіи премій

имени Императора Александра II, учрежденной Сибирскимъ дворянствомъ; полная премія — Ф. А. Щербина за соч.: «Воронежское земство 1865—1889. Историко-Статистический Обзоръ. Ворон. 1891». — Отчетъ о присуждении преміи А. М. Сибирикова: присуждена Н. Н. Олоболину за соч.: «Обозрение столбцовъ и книгъ Сибирского приказа».

№ 4 (апр.). Въ извлеченияхъ изъ протоколовъ по Отдѣленію Русск. яз. и Слов. находятся слѣдующіи свѣдѣнія: въ Академію представленъ 1-й томъ болг.-русского словаря, составленаго Н. Геровыма (будетъ печататься въ изданіяхъ Отдѣленія); сборникъ великорусскихъ прѣсновъ П. В. Шейна принятъ Академію для изданія; ак. А. А. Шахматовъ изготавлена «Первая глава исторической грамматики русского языка» (будетъ напечатана); отпечатанъ составленіе А. А. Шахматовъ «Программа для собирания особенностей сѣверно-великорусского нарѣчія» (Спб. 1895); по предложенію А. А. Шахматова и А. Ф. Бычкова, при Отдѣленіи рѣшено издавать отъ 4 до 6 разъ въ годъ «Извѣстія Отдѣленія Р. Я. и С. И. А. Н.» (въ числѣ 400 экз.); помѣщена записка А. А. Шахматова по вопросу объ изданіи Словаря русского языка, согласно которой опредѣлено не исключать слова областныхъ и вообще слова изъ живого разговорного языка въ устахъ великорусского нарѣчія; подобраны материалы для II тома «Изслѣдований по русскому языку». — *В. Васильевъ*, Записка о надписяхъ, открытыхъ на памятникахъ, стоящихъ на скалѣ Тыръ, близъ устья Амура. Долож. 14 февр. 1896. (стр. 366—367). — *И. Я. Спрогисъ*, Литовский языкъ въ памятникахъ юридической письменности (415—420 стр.).

№ 5 (май). Касающагося этнографіи нѣтъ ничего.

Томъ V № 1 (июнь). Въ извлеченияхъ изъ протоколовъ находимъ: по представлениіи ад. В. К. Ериштедта, издается рукопись съ греческими текстами «Повѣсти о семи мудрецахъ» (Сантини); помѣщены записки ак. В. Г. Васильевской о русско-французскомъ предпринятіи по изученію памятниковъ церковной истории и искусства въ Абои. — *Н. Кащенко*, О находеніи остатковъ мамонта около Томска (31-я стр.).

№ 2 (сент.). *В. Кордть*, Отчетъ о занятіяхъ въ голландскихъ архивахъ лѣтомъ 1895 г. (143—148 стр.).

№ 3 (окт.) Отчетъ о дѣятельности Русского Археологического Института въ Константинополѣ за 1895 г. (179—207 стр.). Отчетъ, о 38-мъ происходеніи наградъ гр. Уварова (мал. премія): 1) *Н. Н. Собко* — за «Словарь русскихъ художниковъ съ XI по XIX вѣкъ», т. I, вып. 1 и т. II, вып. 1. 2) *П. В. Голубовскому* за соч.: «Исторія Смоленской земли съ начала XV вѣка». Киевъ 1895. 3) *П. Н. Смирнову* за соч.: «Восточные финны. Историко-этнографический очеркъ». Т. I (ч. 1 и 2) и II (ч. 1 и 2); 4) *Фр. Ас. фонъ Кейслеру* за соч.: «Окончаніе первоначального русского владычества въ Прябалтійскомъ краѣ въ XIII столѣтіи» (рукопись).

№ 4 (ноябрь). Въ извлеченияхъ изъ протоколовъ находимъ: поставлено печатать представленный въ рукописи сборникъ Шейна (см.

выше); А. А. Шахматовъ взялся слічить представленный въ Академію словарь белорусскихъ идіотизмовъ *С. Г. Бородинца* съ словаремъ Носовича; Академія содѣйствуетъ изданію трудовъ А. А. Погебни (Изъ записокъ по русской грамматикѣ); *В. И. Юшкевича* представилъ краткій очеркъ о поѣздкѣ въ Волынѣ и материалы бр. Юшкевичей (лит.-русский словарь); сообщеніе *А. А. Шахматова* о ходѣ работъ по собираему материаламъ для словаря русского языка; въ Академію представлены «Материалы для словаря техническихъ морскихъ и рыбныхъ словъ, собранныхъ чинами Министерства Путей Сообщенія по мысли Ф. Ф. Веселаго»; вдовѣ известнаго собирателя П. И. Рыбникова—*А. А. Рыбниковой* (изъ Калиша) обѣщано содѣйствіе при 2-мъ изданіи «Сборника былинъ»; отпечатана составленная *А. А. Шахматовымъ* «Программа для собираемія особенностей южно-великорусского нарѣчія», и начата печатаніемъ составленная *Е. Ф. Карскимъ* «Программа для собираемія особенностей белорусского нарѣчія»; свѣдѣнія объ изслѣдованіи *В. Н. Щепкина* объ языкахъ древнійшаго памятника Кирилловской письменности—Савинской книги; поступили «Материалы для словаря местнаго нарѣчія Нерчинскаго края—подполк. *Н. А. Новевича*; свѣдѣнія о работахъ по словарю русскихъ писателей (400,000 записей) *С. А. Венгерова*, подъ заглавиемъ: «Списокъ русскихъ писателей и ученыхъ и источниковъ для ихъ изученія» (опредѣлено напечатать въ 4 года); записка прив.-доц. *В. М. Истриной* о печатаніи его изслѣдованій апокрифа: «Откровеніе Мессодія Патарскаго» и связанныхъ съ нимъ «Видѣній Даниила»; свѣдѣнія о найденной Е. В. Пѣтуховы иъ рукописи XVIII в. съ проповѣдями *Гавриила Бужинскаго*; свѣдѣнія о присланныхъ *К. Ф. Филимоновъ* изъ его статьяхъ: «Этнографические материалы: 1) Коштугское нарѣчіе; 2) Слова и выраженія, употребляемыя жителями Коштугской волости въ разговорной рѣчи» (въ оттискахъ) и въ рукописи—дополненія къ печатнымъ его статьямъ.—Записка *П. В. Шейна* (объ изданіи его великорусского сборника: система распределенія пѣсенного материала, обрядовъ, игръ и проч. и проч.).

№ 5 (дем.). Докладъ *А. А. Кунника* о работахъ его и *Вестберга*: «Извѣстія Ал-Беира и другихъ авторовъ о Руси и славянахъ» (печатается въ «Зап. Ак.») Гутъ, Г. д-ръ, Замѣтка о разборѣ Нью-чжинской надписи въ Янь-тай.

Извѣстія Восточно-Сибирск. Отдѣла И. Русск. Географ. (общества. Т. XXVI, № 4—5 (1898) г. *А. А. Кауфманъ*: Сложныя формы землевладѣнія въ Сибири по местнымъ изслѣдованіямъ 1887—1892 гг. Авторъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ земельной общины въ Сибири, сообщасть различныя формы, которыя принимаетъ земельная община въ разныхъ местностяхъ Сибири. Въ виду того, что въ послѣдней встрѣчаются самые разнообразныя формы землевладѣнія, начиная отъ захватнаго пользованія землей, что въ некоторыхъ местностяхъ происходитъ выдѣление сельской общины изъ волостной, что пользованіе различными угодьями, въ зависимости отъ условій каждой данной местности, представляеть зна-

чительное разнообразие,—статья г. Кауемана представляет серьезный интерес для изучения истории развития земельной общины вообще. *Ф. Конь:* Хатынъ-Арынское скопческое селение. Описание экономического быта скопцовъ; культурное воздействие ихъ на соседей-якутовъ. *П. Е. Кулаковъ:* Буряты Иркутской губ.: обстоятельный очерк хозяйственного быта бурятъ; развитие ихъ материальной культуры; воздействие на нихъ русскихъ; движение бурятского населения въ зависимости отъ экономическихъ, бытевыхъ и культурныхъ факторовъ. *М. Кроль:* Предварительный отчетъ о работахъ по изысканию Забайкальскихъ бурятъ за периодъ 1892—95 гг.: общественный строй; обычное право (охотничье, пастушеское, семейное, наследственное); история разселения Забайкальскихъ бурятъ и экономической ихъ бытъ). Надо замѣтить, что всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя г. Кроль, кратки и отрывочны. Это объясняется конечно характеромъ самой статьи. *Н. Геккеръ:* Три якутскія могилы. Въ этой небольшой статьѣ авторъ довольно подробно описываетъ произведенія имъ раскопки трехъ якутскихъ могилъ. Одна изъ нихъ была произведена въ уроції Туранахъ, на юго-западѣ отъ небольшого поселка «Ытыккубъ», другая въ уроції «Нилагатта», верстахъ въ 3-4 отъ того-же поселка, и третья во 2-мъ Жексогонскомъ наслегѣ. При описаніи вышеупомянутыхъ могиль авторъ приводить цифры ширины, длины могилы, разстояніе ея отъ уровня земли, расположение въ ней скелета; описывается также найденные въ могилѣ различные предметы. Въ связи съ этимъ онъ касается вопроса о способахъ погребенія, указываетъ на два: 1) посредствомъ зарыванія въ землю и 2) въ арангасѣ, т. е. въ выдолбленной изъ толстаго дерева колодѣ или же срубѣ, которые вмѣстѣ съ покойникомъ подвѣшивались на вѣткахъ дерева въ лѣсу, и склоняется къ мысли, что въ древности былъ распространенъ только второй способъ. Въ результатѣ онъ приходитъ къ тому заключенію, что эти три могилы болѣе поздняго происхожденія, а найденные въ нихъ скелеты болѣе ранняго. Объясняется это, по его мнѣнію, отчасти распространеніемъ христіанства, подъ влияніемъ которого якуты снимались деревьевъ арангасы и предавали ихъ землѣ, отчасти же распоряженіемъ начальства о зарытии арангасовъ.—*В. С. Е. Якутский родъ.* Статья эта является отвѣтомъ на статью «Шамятной книжки Якутской области» о якутскомъ родѣ до прихода русскихъ. Не смотря на полемический и даже задорный тонъ статьи, она является интересной въ научномъ отношеніи въ виду тѣхъ вопросовъ, которые затронуты ею. Прежде всего авторъ разъясняетъ вопросъ о власти отца и мужа и приходитъ къ заключенію, что эту власть въ якутской родовой организаціи нельзя характеризовать чертами абсолютизма, простирающагося до права жизни и смерти надъ всѣми домочадцами. Далѣе онъ разбираетъ положеніе женщины въ добрачный периодъ и характеризуетъ его, какъ периодъ свободныхъ половыхъ отношеній. Въ связи съ этимъ онъ приводить много фактовъ въ пользу прохожденія якутами стадіи матріархата. Въ заключеніе авторъ, во-первыхъ, выставляетъ положеніе, что родовая власть, какъ организація, носить республиканскій характеръ, защищаетъ его примѣрами изъ якутскихъ сказокъ и

жизни якутовъ; во вторыхъ симысваетъ общественный бытъ якутовъ подъ господствомъ русскихъ.

Кавказская Жизнь. Художественно-литературный сборникъ. Тифлисъ, 1896. III. Э. Давидовъ предпринялъ въ Тифлисѣ новое иллюстрированное издание, имѣющее цѣлью знакомить русскихъ читателей съ народностями Кавказа. Содержаніе первой книжки даетъ представление о той програнѣ, по которой будетъ издаваться «Кавказская Жизнь». Сюда вошли: Гость (изъ осетинскихъ правовъ), *Куртатинна*; Обрядъ коронования грузинскихъ царей. *Ш. Арагва*, стихотвореніе (съ грузинскаго, изъ поэмы кн. Ильи Чавчавадзе «Ачдили»), *Иванъ-да-Марья*; Грузинскій театръ 1850—1895 гг. *А. Хахамова*; Вечеръ, стихотвореніе *П. Опочинина*; Гуинно, сцена изъ кахетинской жизни, *Не ахъ*; Стрептивый Аракель, быль (съ армянского), *А. Адельянна*; Изъ Златоуста, изречевія, *Ив. Тхоржескало*; Шавшети и Имерхеви, этнографические наброски *Ш. Дашдоза* и, наконецъ, *Ре-ро*, имеретинская пѣсня (для хора съ оркестромъ, въ переложеніи на фортепіано) *Н. С. Кленовскаго*. «Ре-ро» съ успѣхомъ было исполнено въ Москвѣ, на первомъ этнографическомъ концертѣ, устроенному подъ управлениемъ Н. С. Кленовского. Замѣтимъ, что почтенному автору, во словамъ кавказскихъ газетъ, удалось лѣтомъ прошлаго года записать много новыхъ мотивовъ въ Кахетіи у извѣстныхъ знатоковъ старинныхъ пѣсень.

Anthropologie. 1896. I. Ed: Piette: Etudes d'ethnographie pr  historique (прод. въ № 4). Изученіе флоры переходного отъ палеолитическаго къ неолитическому періоду на основаніи раскопокъ въ Mas-d'Azil. Въ промежуточномъ слоѣ Шеттомъ найдена масса небольшихъ плоскихъ камней, поверхность которыхъ покрыта рисунками, отдѣланными минеральной краской, добываемой изъ горныхъ породъ около места раскопокъ. Окраска камней происходила при помощи кисти, палочки или пальца; «палитрами» служили раковины и камни; рисунки сдѣланы преимущественно розовой или красной краской. Исследователь относить ихъ къ періоду, когда, по исчезновенію съверного оленя, населеніе постепенно забыло искусство рѣзбы и скульптуры и перешло къ окрашиванію предметовъ. Рисунки на камняхъ, въ противоположность культурѣ послѣдней эпохи дилювія, не представляютъ подражанія природѣ; это грубо сдѣланные линии и геометрическія фигуры (круги, эліпсы, кресты и пр.). Часть рисунковъ Шеттъ считаетъ пиктографическими знаками, изображеніями змѣй, деревьевъ, орудій производства окоты, животныхъ и пр., часть представляетъ, по его мнѣнію, символическая изображенія (напр. солнца), наконецъ, значительную долю изображений слѣдуетъ отнести къ цифровымъ и алфавитнымъ знакамъ: «это своего рода письмо, смыслъ котораго остается для насъ тайной». Сравнивая найденные изображенія со знаками, иногда встрѣчаемыми на рисункахъ, отосящихся къ эпохѣ распространѣя съв. оленя въ Зап. Европѣ, и со знаками древней письменности Бибира, Эгей и Троады, авторъ высказываетъ предположеніе, что зачатки

письменности, появившись впервые въ Зап. Европѣ (въ частности въ Пиринеяхъ) были занесены миграциями съ запада на востокъ. Далѣе сравненіе финикийскаго алфавита съ знаками изъ Mas-d'Azil приводить г. Піетта къ предположенію, что финикияне восприняли рядъ знаковъ изъ Пиринейской цивилизациіи, а это, въ виду того, что древнѣйшая греческая цивилизациія уже пользовалась одинаковыми знаками письменности, облегчило восприятіе греками финикийской азбуки. Финикияне измѣнили значение, но не форму древней азбуки изъ Mas-d'Azil. Нахodka Піетта безусловно представляетъ большой интересъ, такъ какъ открываетъ новую сторону художественного творчества доисторического обитателя Зап. Европы, но выводы его имѣютъ значение лишь очень смѣлой и недостаточно доказательной гипотезы. Къ статьѣ приложены рисунки и кромѣ того (къ № 4) большой альбомъ изображений этихъ камней въ краскахъ.

Dr. MacIaud: Notes sur les Pakhala (Африка); исторія, географическая границы ихъ распространения, виѣшность, одежда, вооруженіе, жилище.

L. Lapicque: Documents ethnographiques sur l'alimentation minérale; употребление соли, способы добыванія и приготовленія ея у разныхъ некультурныхъ народовъ.

2. *E. T. Hamy: Les races malaiques et américaines.* Антропологические очерки; вступительная лекція къ курсу антропологии, чит. въ Muséum d'hist. naturelle.—*R. Verneau: De la pluralité des types ethniques chez les négrilles.* Антропологический очеркъ карликовъ племенъ Африки, среди которыхъ авторъ отличаетъ два основныхъ типа: брахи- и долихоцефальный; мѣстами оба типа смѣшаны.—*S. Reinach: La sculpture en Europe avant les influences gréco-romaines* (см. Antropologie 1894 и 1895 гг.). Авторъ заканчиваетъ свою интересную работу изученіемъ изображений животныхъ, птицъ и сложныхъ сюжетовъ въ доисторическомъ искусстве Евроцы; основной выводъ г. Рейнаха сводится къ признанію мѣстныхъ, самостоятельно развившихся элементовъ искусства въ средней Европѣ, безъ вліянія на него восточныхъ цивилизаций. Недостаткомъ труда можетъ считаться сопоставленіе предметовъ безъ достаточного распределенія ихъ въ хронологическомъ порядкѣ.

3. *R. Collignon et J. Demicker: Les maures du Sénégal.* Антропологич. очеркъ берберского населения, смѣшанного съ неграми.—*S. Reinach: Découvertes récentes en Attique et à l'Égine.* Нахodka при изслѣдованіи могильниковъ и городищъ предметовъ микенской и до-микенской культуры; открытие домовъ, относящихся къ эпохѣ до-микенской.

4. *Piette. Etudes etc.* (см. № 1) *G. Paroisse: Notes sur les peuplades autochtones de la Guinée française.* Нѣкоторая этнографическая свѣдѣнія о туземныхъ племенахъ.—*Dr. Tautain. Sur l'anthropophagie et les sacrifices humains, aux îles Marquises.* Антропофагія въ указанной мѣстности вышла изъ употребленія въ новѣйшее время. Случай ея проявленія были отмѣчены еще въ 80-хъ годахъ текущаго столѣтія. Антропофагія связана на Маркизскихъ островахъ со слѣдующими причинами: жертвоприношенія (кормленія боговъ), корм-

ление человѣч. мясомъ вождей, считавшихся земными представителями божества, представлений о восприятіи качествъ съдѣнаго человѣка; далѣе истиромъ антропофагіи является желаніе обезвредить, уничтожить умершаго: маори вѣрять, что покойники продолжаютъ жить почти что физической жизнью послѣ смерти, и могутъ отомстить за убийство: съдѣніе убитаго прекращаетъ загробное существованіе мертваго. Мотивами антропофагіи являются далѣе чувство мести, любовь къ человѣческому мясу вообще и, наконецъ, голодъ при долговременныхъ передвиженіяхъ въ лодкахъ. Авторъ останавливается далѣе на человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, способахъ умерщвленія жертвъ, на устройствѣ жреческой касты и положеніи другихъ жрецовъ, касается затѣмъ случаевъ употребленія въ пищу мертвыхъ и употребленія человѣческого мяса и женщинами. Болѣе часто встрѣчающіеся случаи употребленія въ пищу дѣтей и женщинъ авторъ объясняетъ вѣ гастрономическими соображеніями, а способомъ охоты за людьми, когда партия охотниковъ старалась овладѣть болѣе слабымъ элементомъ населения. Въ періоды голода-нія встрѣчались случаи употребленія въ пищу стариковъ, родителей, женъ и собственныхъ дѣтей. Въ большинствѣ случаевъ, однако, господствуетъ экзоканибализмъ. Людоедство, въ виду своей обыденности, не сопровождалось празднествами. Интересенъ обычай, согласно которому роды убитаго и назначенного для съдѣнія лица, имѣла право, съ соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ (обнажевіе тѣла и окраска тѣла углемъ), приходить во вражеский лагерь, чтобы проститься съ умершимъ, не опасаясь враждебныхъ дѣйствій со стороны убийцъ¹).

5. *W. Z. Ripley: Notes et documents pour la construction d'une carte de l'indice cphalique en Europe.* Между прочимъ значительное количество библіограф. указаний по вопросу о головномъ указателѣ среди населения Европы.—*P. d'Enjou: L'appendice caudal dans les tribus Moï.* Авторъ во время своего путешествія по Индокитаю въ 1890 г отыѣтиль у одного изъ индивидовъ, принадлежащаго къ племени мои ясно выраженный хвостовидный отростокъ. По преданію самихъ мои только скрещивание съ другими племенами привело къ утратѣ у большинства изъ нихъ хвостовидного отростка, которымъ они, по преданію, въ древности отличались и которымъ гордились. Авторъ ставить вопросъ о возможности существованія въ прошломъ хвостатыхъ людей и склоненъ къ рѣшенію его въ положительному смыслѣ; это была раса, составляющая звено между человѣкомъ и антропоидами. Онъ склоненъ считать мои, нѣкогда занимавшихъ весь Индокитай, потомками такой расы. Одинъ субъектъ, которого могъ наблюдать исследователь, и преданіе мои служить вирочемъ единственной опорой его предположенію.
S. Reinach: La Crète, l'Ulysse et l'Italie méridionale. Культурная связь указанныхъ мѣстностей въ до-исторический періодъ.—*Dr. Tautau: Notes sur l'ethnographie des îles Marquises.* Божества, вѣра въ ду-

¹⁾ Статья подробно изложена д.-р. Эразмомъ Маевскимъ въ варшавскомъ „Tygodnik illustrowany“ 1897, № 18. Ред.

ховъ умершихъ. Отношения къ дѣтникъ, культь предковъ, возрашающихъ ся въ новорожденныхъ, усыновление, представляющее о загробномъ мірѣ—Havaiki, Birotu; авторъ обращаетъ вниманіе, что въ царство мертвыхъ Havaiki—на Маркизахъ, Birotu—на Тонгѣ, могли, по вѣрованіямъ, сохранившимся до послѣдняго времени, переселяться только души привилегированного класса. Остальная масса населенія послѣ смерти оставалась на мѣстахъ, где они жили и умирали. Это даетъ автору поводъ выказать предположеніе, что съ Гавайи (Сандвичевы о-ва) въ прежнее время населеніе Маркизскихъ о-въ находилось въ тѣхъ или иныхъ отношеніяхъ и что впослѣдствіи воспоминаніе о Гаваї постепенно утратилось, и название его перешло въ название царства мертвыхъ, которое иными понимается подъ землей, но иными указывается на сѣверъ, т. е. по направлению къ Сандвичевымъ о-вамъ.

6. *Zaborowski. La circoncision, ses origines et sa r  paration en Afrique et à Madagascar:* обзоръ географическихъ границъ распространенія обычая обрѣзанія въ Африкѣ и на Мадагаскарѣ. Авторъ отрицаєтъ мнѣніе о происхожденіи обрѣзанія изъ фаллотории и приводить въ доказательство вѣсій фактъ сосуществованія обѣихъ обычаевъ у разныхъ народовъ. Даѣтъ онъ старается доказать, что въ обрѣзаніи слѣдуетъ видѣть одинъ изъ обрядовъ, употребительныхъ при испытавшихъ, которымъ освѣщается переходъ къ зрѣлости: оно явится посвященіемъ въ половую жизнь; это доказывается тѣмъ, что обрѣзаніе совершается надъ взрослыми и лишь впослѣдствіи (какъ напр. у евреевъ) переходитъ въ обрѣзаніе младенцевъ. Въ Африкѣ обрѣзаніе распространялось частью благодаря влиянию др. Египта, евреевъ и народностей, движавшихся отъ восточныхъ областей материка на западъ и югъ; они приносили вѣсты съ обрѣзаніемъ и культуру риса, и какъ и послѣдняя—обрѣзаніе во многихъ мѣстностяхъ Африки явлеѳе недавнее.

Globus. 1895. Изъ статей этнографического содержанія обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія. Bd. LXIX. 1. *Zemtrich. Deutsche u. Slavenepen* (съ картой). Географическое распространеніе обѣихъ национальностей. W. Horák. *Irrlichter in Mähren.* Вѣрованіе, что блуждающіе огни—души умершихъ некрещенныхъ дѣтей. Mason. *Uebereinstimmung einer amerikanischen u. einer finnischen Webervorrichtung* (съ 2 рис.). Schaubert. *Hochzeitsgebräuche der kurdischer Chaldaer.* Краткій очеркъ свадебныхъ обрядовъ. 2. Rhamm. *Die tchecho-slavische Ausstellung für Volkskunde in Prag 1895.* 3. Iguchi. *Japonisehe Märchen.* H. Zondervan: *Neue Arbeiten über Niederländischen Ost-Indien.* 4. Hoffman. *Die Shoshoni- u. Banak-Indianer;* историческая свѣтлана, географическое распределеніе, занятія, одежда. Th. Achelis. *Ethnologie. Geographie n. Geschichtsschreibung;* авторъ дѣлаетъ попытку определить границы между указанными науками. 5. R. T. Kaindl: *Neue Beiträge zur Ethnologie und Volkskunde d. Huzulen.* Жилища, повѣрья (м. пр. о животныхъ), возвращенія на бракъ. Schilde u. Panzer bei d. amerikanischen Bevölkerung. 6. R. T. Kaindl (оконч.) Вѣрованія въ предзначеніяхъ, обрядъ при погребеніи, отношения брачные, одежда и

пр. у гунуловъ. 7. G. Kossina. Die geschichtliche Entwicklung d. germanischen Volksgrenzen in Ost und West. 8 Hrolf Vanghan Stevens. Der Cholera Zauber bei den Temia auf d. Halbinsel Malaka. A. Oppel. Das Museum f. Natur-Völker u. Handelskunde in Bremen. По поводу открытия музея. 9. H. V. Stevens (окончаніе). H. Vambry. Bilder aus China. W. Joest. Läuse Essen u. Eau de Cologne-Trinken. Распространенность этихъ обычаевъ у разныхъ народовъ. 10. G. Radde. Besuch auf Buton u. Süd-Celebes. Ambrosetti. Die Grotten-Bilder v. Cara-huasi (Argentinien) съ табл. въ краскахъ. A. Vierkandt. Der Ursprung d. Haustierzucht u. die Wirtschaftsformen; не поводу кн. Hahn'a: Haustiere. 11. Blumentritt: Die Mangianenschrift von Mindoro. Новое свидѣтельство о сохранившемся до настоящаго времени туземной азбукѣ. Lapiques Forschungsreise auf d. Andamanen. (этнogr. свѣдѣнія). Radde (продолж.). 12. C. Keller: Reisestudien in den Somoliländern. Radde (оконч.). Bülow: Das ungeschriebene Gesetz d. Samoaner (обычно-правовые нормы, обществ. устройство, угол. право, отношения между супругами, положение женщинъ, гостеприимство и пр.). Przyborski: Totengehräuche beim rumänischen Landvolke in Südjungarn (положение съ умершимъ платковъ, форма траура и пр.). 13. R. Hansen: Die Bauernhäuser in Schleswig. Keller: Reisestudien (прод.). Kraemer: Ueber jukagirische Briefe (извлеч. изъ статьи Шаргородского въ «Землевѣдѣніи», 1895, 2 и 3). 14. P. Sartori. Die Sitte d. Namensänderung. Gardes Forschungsreise in Südwestgrönland. P. Stein: Die Kirgisen d. Kreises Saissansk im Gebiete v. Semipalatinsk (свад. обычай, разводы, нѣкот. свѣдѣнія о системѣ штрафовъ за обиды и проч.). 15. Gardes Forschungsreise (прод.). Sartori: Namensänderung (прод.). 16. C. Hahn: Kaukasische Dorfanlagen und Haustypen. G. v. Buchwald: Atebar u. Uhu im germanischen Elementargedanken. Kellen: Neue Beiträge z. elsässischen Volkskunde (обычай, обряды). Mogess: Erforschung von Papagueria und Seriland, am oberen Teile des Meerbusens v. Kalifornien.—Neue Schnitzereien u. Masken von Bismarck-Archipel und Neu-Guinea. 17. Hahn: Kaukasische Dorfanlagen (прод.). Buchwald: Atebar u. Uhu (прод.). H. Seidel: Ethnographisches aus Nordost-Kamerun (mit Nachrichten über Seelenmehrheit u. Seelenessen) (быть, образование, погреб. обряды). 18. F. G. Schultheiss: Die geschichtliche Entwicklung d. geographischon Begriffes „Deutschland.“—Ein Aufenthalt bei König Menelik v. Abyssinien. 19 F. G. Schultheiss: Die geschichtliche Entwicklung etc. (прод.). 20. G. Radde: Besuch im Amboina. Bülow: Samoanische Sagen. 21. E. Seelman. Das Deutschtum in Artois. E. Goebeler: Die Forschungsreise des abbé Le Camus nach Klein-Asien. H. Meyer: Muschelhügel (Sambaki) u. Urnenfeld bei Laguna (Brasilien). 22. G. Radde: Besuch v. Mankassar. E. Goebeler: Forschungsreise (прод.). H. Seidel: Aus Französisch-Indochina (торговля, города и проч.).—Selbstmorde unter den Schwarzen im Gebiete v. Lorenço Marques (частные случаи самоубийства, причины и способы их-).

шения себя жизни со стороны туземцевъ). Warum arbeiten die Naturvölker nicht? (отвѣтъ—на основаніи психологіи дикари.) 23. C. Keller: Reisestudien etc. (прод.) E. Seler: Götzendienerei unter d. heutigen Indianern Mexikos (съ изобр. идоловъ). C. M. Pleyte: Die Kwa-kwabank d. Buschneger Surinams (религіозныя празднества). R. Andree: Das Kreiselspielen u. seine Verbreitung (свѣдѣнія изъ разныхъ странъ объ игрѣ въ волчекъ). G. A. Krause: Merkwürdige Sitten d. Haussa (празднства, семейные обычаи и обряды, свадьба.) G. Kampf-meyer: Ein alter Bericht über litauische Totengebräuche (свѣдѣнія отъ конца XVI в.). 24. R. F. Kaindl: Viehzucht u. Viezauber in den Ostkarpaten.

Bd. LXX 1. Zum 70-ten Geburttage Bastians. A. Oppel: Die altmexikanischen Mosaiken (съ 15 рисунками древн. мозаическихъ масокъ и др. предметовъ). Fr. Müller: Die Fortschritte d. amerikanischen Linguistik. 2. M. Buchner: Zur Anatomie u. Ästhetik bei d. Japanern. C. Hahn: Die grusinische Militärstrasse (путевые очерки). 3. E. Förstemann: Neue Mayaforschungen. Продолженіе статей Buchner'a и Hahn'a.—Die Verbreitung von Mythen unter den Indianern Nordwestamerikas (легенда о воронѣ, основанія миоологии народности). 4. O Finsch. Aus Neu-Guinea. F. Grabowsky: Rückentals Forschungen im malaischen Archipel. B. Laufer: Zur Geschichte des Schminkens in Tibet. 5. Näpfschensteine in der Schweiz (описание и рис. „чашныхъ камней“). 6. Kisak Tamai: Die Erforschung des Tschiwangebietes auf Formosa durch die Japaner (обряды, празднства, матер. культура). 7. C. M. Pleyte: Ein arakanesischer Hausgötzte (съ изобр.). 8. J. Hoffman: Die Pit River Indianer in Kalifornien (образъ жизни, жилища, оружие). 9. R. Hansen: Ueber Wanderungen germanischer Stämme auf der Cimbrischen Halbinsel. H. Vambery: Bilder aus Bochara. W. Joest: Nochmals Läuse-Essen und Eau de Cologne-Trinken. 10. T. Maler: Neue Entdeckung von Ruinenstädten in Mittelamerika. F. Grabowsky: Semons Forschungen in Australien, Neu-Guinea u. den Molukken. S. Yagi u. Shinomura: Zur Prähistorik Japans (съ рис. предметовъ, добытыхъ изъ раскопокъ). C. Keller: Reisestudien in d. Somaliländern (прод.) A. Vierkandt: Eine Probe wissenschaftlicher Ethnologic (по поводу замѣтки Frobenius'a въ Arch. f. Ethnogr. IX, 3). 11. M. Hörnes: Bosnien u. die Hercegovina in Vergangenheit u. Gegenwart. C. Keller: Reisestudien etc. (оконч.). L. Jacobowski: Das Weib in der Poesie d. Hottentotten. H. Samter: Noch einmal die Pleijaden (объясненіе названія созвѣздія). H. Seidel: Ein Wahrsagegerät aus Kamerun. 12. O. Lerch: Eine Fahrt auf dem Princepulca u. Banbaflusse (Nordost-Nicaragua). M. Hörnes: Bosnien etc. (прод.) R. Karutz: Ohrdurchbohrung u. Ohrschmuca 13. Продолженіе статей M. Hörnes'a и R. Karutz'a. 14. Die armenisches Frauen (съ 6 рис.; положеніе женщины). Stenin: Die Wurden des gouv. Eriwan (образъ жизни, постройки, одежда, семейное устрой-

ство, бракъ и свадьба, погребеніе, религіоз. возрѣнія; легенды о животныхъ, происхожденіе обезьянъ, медвѣдя, кошки, кукушки). *Fr. Figura*. Das Schwirrholz in Galizien (употребленіе его пастухами). 15. *F. Tetsner*: Die Kaschuben am Lebasee (местожительство, занятія, жилище, видѣшность и характеръ, пища, одежда, могила и надгробные памятники). *H. Grotte*: Ein Besuch in Bengasi (Cyrenaika). 16. *F. Tetsner*: Ueber Kannibalismus aus orientalischen Quellen. 16. *F. Tetsner*: Die Kaschuben (продолж.). Die orientalische Frage in d. Anthropologie. 17. *G. Ldm-precht*: Die Schaukel der Tochter Potikitana, Nga-Uproko-E-Rua (переводъ пѣсни маори). *F. Tetsner*. Die Kaschuben (прод. пѣсни, пословицы, сказания). 18. *A. Ambrosetti*: Jaguareté-Äba. Der Uerwolfglauben bei den Südamerikanischen Indianern (сказание объ ягуарахъ). 19. *J. Hoops*: Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere (излож. кн. R. Loewe подъ указанымъ заглавиемъ). —Die Forschungen von Dutreil de Rhins in Centralasien. 20. Die Forschungen v. Dutreil de Rhins (оконч.). 21. *Kisak Tamai*: Japanische Bluttrache gegen die Koreaer. 22. *C. Keller*: Reisestudien in den Somaliländern (прод.). 23. *G. Minkevitch*: Reise nach Mesched in Persien. Die ungarischen Zigeunerkonkription vom Jahre 1893 (число всѣхъ цыганъ за исключеніемъ Будапешта определено въ 274940, изъ нихъ осѣдыхъ 243432, полуосѣдыхъ — 20406, неосѣдыхъ 8938*). 21. *Kisak Tamai*: Japanese Bluttrache gegen die Koreaer. 22. *C. Keller*: Reisestudien in den Somaliländern (прод.). 23. *G. Minkevitch*: Reise nach Mesched (оконч.). 24. *K. Th. Preuss*: Die Totenklage im alten Amerika (vom Standpunkte d. Völkerpsychologie) 25. *C. M. Pleyte*: Seltene ethnographische Gegenstände von Kisar (идолы, божицца). 26. *C. Keller*: Reisestudien (оконч.). Nansens eigener Bericht über seine Polarreise. 22. *F. G. Schultheiss*: Das Haberfeldtreiben in Oberbayern (разматривается съ историко-этнографической точки зрѣнія судебное разбирательство по обвинению 48 лицъ за устройство суда нравовъ — остатокъ средневѣковой старины). 27. *L. Wilser*: Die bemalten Kiesel von Mas-d'Azil (по поводу находокъ Piette'a, см. выше Anthropologie 1896 г.). 28. *H. Seidel*: Transvaal u. seine Goldausblute. 29. *K. Th. Preuss*: Die Totenklage im alten Amerika (прод.). 30. *Zimmermann*: Die Entwicklung v. Britisch-Indien — Die Eunuchen im kaiserlichen Palast zu Peking. 31. *A. Oppel*: Die Herkunft d. Bevölkerung von Madagaskar. 32. *Halbfass*: Saley und Ager, zwei kleine deutsche Sprachinseln in Piemont.

Internationales Archiv f. Ethnographie 1896. Bd. IX. 1. *C. Sapper*. Alterthümer aus d. Republik San Salvador. *F. S. Krauss*: Bojagié

* Тутъ вкраилась какая-то ошибка, потому что общая цифра не сходится съ итогомъ подраздѣлений.
Ред.

Alile's Glück und Grab; zwei moslemische Guslarenlieder (къ исто-
рії сюжетовъ юго-славянскаго эпоса; текстъ, переводъ, объясненія). Мел-
кія замѣтка: 1) Antike südamerikanische Keulen. 2) Ein
alterthümliches Signalinstrument (употребление въ Курландіи и Вен-
грии др. оружія въ средніе вѣка и въ современности; доп. къ статьѣ
о Hille-bille (т. VIII, 121). 3) Begräbnisgebräuche in Japan (погре-
беніе тѣ сидячимъ, скорченномъ положеніи, сожженіе. 4) Ueber gefloch-
tene Kragen v. Westafrika; 5) Aberglaube im XIX Jahrh (въ Гам-
бургѣ въ 1895 г. полиція привлекла къ отвѣтственности женщину,
специально занимавшуюся, какъ ремесломъ, узаніемъ съевѣрныхъ
средствъ женщинамъ и девушкамъ для освобождения мужей и воз-
любленныхъ отъ всевозможныхъ пороковъ). 6) Die Schlangen in der
Volksmedizin (употребление настоекъ на гадюкахъ, какъ лѣкарств.
средства, въ Пруссіи). 7) Ueber das Anspucken erstverdienten Geldes
(распространеніе этого обычая въ Германіи). 2. *Ling Roth*: Alleged Na-
tive Writing in Borneo. M. C. Schadel. Bijdrage tot de Kennis
van de Ethnographie der Westerafdeeling van Borneo. Мелк. зам.:
1) *H. Kern*: Ein civaitisches Heiligthum auf Borneo. 2) Zur
Ethnographie der Matty-Inseln. 3) Hunde u. Naturvölker (собака въ
нар. вѣрованіяхъ). 4) Blaserohrpfleile mit Haizahnspitze v. Borneo.
3. *Schmelz*: Beiträge zur Ethnographie von Neu-Guinea. L. Frobe-
nius Stilgerechte Phantasie (объ основаніи міро-озерцанія у дикарей).
Мелк. зам.: 1) Skizzen aus West-Borneo (взиманіе долговъ, гипнозъ
и внущеніе. 2) Ein Fisch als Aphrodisiacum (употребление въ пищу
рыбы Fistularia serrata въ случаѣ безплодныхъ браковъ). 3) Prudery
in scientific Matters (о фальшивомъ культе). 4. S. K. Kusnezow:
Ueber den Glauben vom Jenseits und den Todtentcultus der Tsche-
remissen (прод. статьи г. Кузнецова, начат. въ томѣ VIII. Погребальные
обряды, изложенные чрезвычайно детально). К. Hagen. Chinesische
Prunkwaffen. Мелк. зам. 1) Neuere Beiträge zur Ethnobotanik (вѣ-
рованія и обряды, сопряженные съ представлениями о разныхъ растеніяхъ).
2) Hunde u. Naturvölker (собака въ нар. вѣрованіяхъ). 3) Pin-wells
and ragbusches (въ Японіи). 4) Nâmeçons en bois employés près de
Bordeaux. 5) Исчезновеніе первобытной культуры въ Алясکѣ, на основ.
Dall'a. Alaska as it was and is, 1865—1895. 5. G. Schlegel. La
fête de fouler le feu (Китай). R. Parkinson, Beiträge z. Ethnogra-
phie der Matty-und Durour-Inseln. Мелк. зам. 1) Firedrill and Chop-
sticks from New Guinea. 2) Das Hakenkreuz in Afrika (употребление
севастинки въ Африкѣ въ качествѣ орнамента). 3) Zur Ethnographie der
Matty-Inseln. 4) Bestrebungen z. Erhaltung und Neubebelung alter
Volksgebräuche, Trachten u. Sitten (Швеція, Австрія, Франція, Голлан-
дія, Германія). 5) Ueber die ethnographischen Elemente der Millennium-
Ausstellung in Budapest (изл. реф. Herman'a въ Вѣнскомъ антропологич.
Обществѣ). 6) Nashornvogelschnäbel als Schmuck. Eine neue Schild-
form (Kaiser-Wilhemslанд). 7) The invention of the Net. 8) Eine
Reinigungsopfer in Pahang. 9) Объявление о смерти путемъ передачи частя

платья умершаго на Целебесѣ. 10) Frauenleben in Korea. 11) Das Theater in Japan. 12) Ein neuer Beitrag z. Kenntniss des Höhen-Kultus (Kangéan-Archipel). 13) Ueber die Tätowirungen der Prostituirten (въ Европѣ). 14) Trepanation bei den Ureinwohnern der Canaren (съ рис.). 15) Деформированные черепа изъ Перу. 16) Die Kenntniss der Sprachen und der Schrift der eingeborenen Stämme de Philippinen. (обзоръ новыхъ трудовъ по этому вопросу). 6. H. Schurs. Zur Ornamentik der Aino. Малк. зам.: 1) Ueber die Negritos von Mindanao oder die Mamanuas. 2) Ein Teponazli im ethnographischen Museum d. Universität Basel (рис. орнамента) 3) Ueber die Vertheidigungswaffen der Eingeborenen Amerikas (по поводу труда W. Hough'a, Primitive american Armor). 4) Anthropophagie in prähist. Zeit in Böhmen (по нов. статьи Matiegka¹), въ Památky archaeol. XVI). 5) Ueber Menschenopfer in Serbien (для получения взада). 6) Die chinesische Mauer. 8) Pleistocene Man in Amerika. 9) Die tschecho-slavische Ausstellung (въ Прагѣ, 1895 г.).

Mittheilungen d. Anthropologischen Gesell. in Wien. Bd. XXVI. 1896.
 I: R. S. Steinmetz: Endokannibalismus (см. отдель критики въ XXXI кн. «Этн. об.») O. Herman: Ethnographische Elemente der Milenniums-Ausstellung Ungarns, mit besonderer Berücksichtigung der Urbeschäftigungen. L. H. Fischer: Paläolithische Fundstelle im Löss von Willenhof (Niederösterreich). Между прочимъ находка костей мамонта совмѣстно съ каменными орудіями.—II. W. v. Schulenburg: Ein Bauernhaus im Berchtesgadener Ländchen (съ 118 рис.) Чрезвычайно подробное описание дома, утвари и орудій. A. Makowsky: Beiträge z. Urgeschichte Mährens. Найдены могильы съ инвентаремъ бронзоваго века и предметовъ культуры la-Tène. Рец.: 1) на „Этногр. Обозр.“ 1890 г., г. Bugiel'я. 2) K. Skrzynska: Kobietu w. pieśni ludowej (женщина въпольскихъ пѣсняхъ. Варш. 1891). H. Zoigrafъ: Некрологъ А. П. Богданова.—III. G. Bancalari: Forschungen und Studien über das Haus. I Курная изба, очагъ, печь, труба, каминъ (съ 55 рис.) H. Matiegka: Antropophagie in der prähistorischen Ansiedelung bei Knovize u. in der prähistorischen Zeit überhaupt. Переводъ статьи Матейки, помѣщ. въ Památkach archaeologickych (1893, т. XVI). J. E. Pisko: Gebräuche bei der Geburt und Behandlung d Neugeborenen bei den Albanesen. Обычаи и обряды при рождении ребенка, способы лѣчевія. K. v. Inama-Sternegg: Interessante Formen d. Flurverfassung in Oesterreich. Формы распределенія земельныхъ участковъ въ нѣсколькоихъ деревняхъ и попытка объяснить ихъ историческими и культурными условиями.—IV и V: R. Fr. Kaindl: Haus u. Hof der Huzulen (съ 228 рис.) Жилыя помѣщенія и утварь. Суевѣрія, связанныя съ различными частями дома. S. K. Kusnezow:

¹⁾ См. „Этногр. Обозр.“ кн. XXV. Статья Матейки переведена также въ вѣнскіхъ „Mittheilungen“ и пр. (см. ниже).

Fund eines Mammuthskeletes und menschlicher Spuren in der Nähe d. Stadt Tomsk. Описание обстоятельств находки скелета мамонта совместно съ каменными орудиями около Томска въ апрѣль 1896 г., по изслѣд. проф. Бащенко.

Периодическо Списание на българското книжовно дружество въ Срѣдецъ. Кн. XLIV Априровъ, С. Одна българская рукопись XVII вѣка въ Пражскомъ музѣй.—Сарафанова, М. К. Населеніе княжества Болгаріи по тринь первыхъ переписяхъ (оконч.; см. „9. О.“ кн. XX). Народныя българския произведения. (Нар. пѣсни, записанныя въ с. Преславѣ Таврической губерніи, въ Россіи, Преславскииъ учителемъ Тан. Върбанскии).—Шапкаревъ, К. А., Нѣсколько поправокъ (къ матеріаламъ для българского словаря изъ г. Прилѣпа).—Д-ръ Франко Рачки † Сообщ. В. Д. Стоиловъ.

Кн. XVI. Дмитровъ, Солунь въ своемъ прошломъ.—Ивановъ, М., Къ изученію българскихъ диалектовъ (Замѣтки о говорахъ въ области Срѣдногорскаго нарѣчія).—Цоневъ, Б., Юго-славянская Академія наукъ и искусствъ въ Загребѣ.—Дацовъ, С. Ж., Отъ Софіи до Праги. (Путевые замѣтки и воспоминанія).—Плачковъ, И. И., Окончаніе -е во множ. числѣ существит. муж. р. въ новобългарскомъ языке.—Народныя българския произведения (изъ Горно-Джумайска, въ Македоніи), запис. А. П. Стоиловъ¹⁾.

Кн. XLVIII. Занетовъ, Г., Българскія колоніи въ Россіи.—Бълковский, Гр. А., Денежная система въ Болгаріи. Юридическо-экономической этюдъ. — Априровъ, С., Къ българской библиографіи до 1877 года. Авторъ, имена въ виду труда А. Теодорова: „Български книгописъ“ (1 ч.: со времени первой новобългарской печатной книги до послѣдней русско-турецкой войны 1641—1877. Софія 1893. 8°. 176 стр.), дополняетъ его библиографическимъ указателемъ 122-хъ изданий.—Начовъ, Н., Экскурсъ въ нашу народную поэзию. Авторъ, ознакомившись съ трудами своихъ и иностранныхъ любителей и исследователей българской народной поэзіи, которые касались, главнымъ образомъ, содержания и отчасти формы народныхъ пѣсень, рѣшается внести въ эту область изученія творчества свои небезынтересныя свѣдѣнія. „Ний ще се опитамъ“, говоритъ онъ: „да кажемъ иѣщо отъ туй, което тѣ не сѫ казали.“ Вся его статья состоять изъ трехъ частей: 1) Пѣсни и пѣсни въ нашей народной поэзии, 2) Музыка и музыкальное исполненіе, 3) Виды музыкальныхъ инструментовъ (продолж. и оконч. въ кн. XLIX—L и LI).—Българскія народныя произведения: пѣсни, собранныя А. П. Стоиловымъ (жлтвенные, лазарская, богоявленская („водички пѣсни“), юрьевская) изъ Горно-Джумайска и Прилѣпа.—Стоиловъ, А. П., Матеріалъ для българского словаря изъ Горно-Джумайска.—Шапкаревъ, К. А.,

¹⁾ Кн. XLVI и XLVII см. въ „Эти. Об.“ XXIV, стр. 161. Содержаніе XLIV и XLV кн. „Пер. Спис“ даемъ по оглавлению, помещенному въ концѣ XLIII кн.

Еще нѣкоторыя поправки къ сообщеннымъ г. А. П. Стоиловыиъ сло-
вамъ изъ гор. Прильпа, какъ материалъ для болгарского словаря.—
Изъ рецензій можно отмѣтить: *Н. А. Н.* О нѣкоторыхъ трудахъ
Димитрія Хоматіана, какъ историческомъ материалѣ. *М. Дринова*, Визан-
тійскій Временникъ, вып. 2.; ? Лекціи по славянскому языкоизвавю
Тимофея Флоринскаго.—Климентъ епископъ словенскій. Трудъ В. М.
Ундо́льскаго, съ предисловіемъ П. А. Лаврова), АЛФѢ (Рѣчики на
българскіи языки. Найденъ Геровъ.)

Кн. XLIX—*Л. Балабановъ, Марко Д.*, Борьба за отечество и вѣ-
ру, или Скендербей, албанскій герой (1444—1467).—*Начовъ, Н. А.*,
О побратимствѣ. I. Чинъ братотворенія; особая молитва при брато-
твореніи; апокрифическая легенда о томъ, какъ Провѣ называлъ Христа
братьемъ, въ видѣ источника братаніи; когда побратимство достигло цер-
ковнаго узаконенія? II Церковное побратимство и его виды: побратимство,
освѣщаемое чиномъ братотворенія; побратимство молитвой; п. евангеліемъ;
п. клятвой; п. крещеніемъ въ одной и той же водѣ; п. купаніемъ въ
Юрдавѣ; п. совѣтствіемъ хожденіемъ по святынямъ (Св. Иванъ Риль-
скій, Св. Гора, гробъ Господень); п. по договору для испрошения милости
Божіей; п. по званію (напр., священники между собой).—III. Народное
побратимство: п. по крови; п. устанавливаемое надъ домашнимъ очагомъ
(„вѣрюютъ ли во меня О. и С. и Св. Д. и въ Евангеліе? вѣрюютъ ли
въ огнь?“—вопросы священника); п. хожденіемъ на „росенъ“ (нахучій
цвѣтъ—*Dictamnus albus*); п. поцѣлуемъ; п. обѣщаніемъ. Виды и по-
воды случайного побратимства: побратимство съ ровесникомъ или близ-
нецомъ; п. молокомъ (молочное братство). (Неок.)—*Начовъ, Н.*, Экскурсъ
въ нашу народную поэзію (продолж.); см. выше).—*Бѣльковскій, Гр.*
А., Денежная система въ Болгаріи (прод.).

Кн. LI. *Палаузовъ, Н. Х.* По поводу статьи: «Болгарскія коло-
ніи въ Россії».—*Уста-Генчевъ*. Нѣсколько словъ о народномъ ваяніи.—
Начовъ, Н. Экскурсъ въ нашу народную поэзію (продолж.).—*Начовъ,*
Н. А. О побратимствѣ (продолж.).—Рец. *А. П. Стоилова* ва «Сбор-
никъ отъ македонскіи български народни пѣсни. Събрали Наумъ К. Таховъ. Софія. 1895 стр. 220. Ц. 2 л. 50 ст.

Кн. LII—LIII. *Начовъ Н. А.* О побратимствѣ. IV. Вѣрность, чи-
стота нравственныхъ отношеній; религиозный синкретизмъ; отношеніе къ
полу и возрасту; колективность; иерархизмъ; родство; права наслѣд-
ства; всенародность и торжественность обычая. V. Эпическое побратимство:
побратимство съ стихіями природы; п. въ животномъ эпосѣ; посестримъ во-
сь видами; побратимство въ легендарныхъ сказаніяхъ: съ Богомъ, со свя-
тыми, съ ангеломъ и дьяволомъ; побратимство въ свадебномъ ритуалѣ;
военно-разбойническое (гайдуцкое) побратимство; п. въ быту: широкое
употребление названия «побратимъ» не въ первоначальномъ смыслѣ. VI.
Побратимство—общеславянский обычай; византійская адѣлфотопія и ея
славянское происхождение; причины долговѣчности южно-славянского побра-
тиства; заключеніе.—*Начовъ, Н.* Исследованіе о стихосложеніи нашихъ

народныхъ пѣсень. I. Строфы. II. Число слоговъ въ стихѣ. III. Цезура. IV. Припѣвы. V. Вольные стихи. VI. Дополненіе: какъ создаются народные пѣсни; создаются ли теперь народныхъ пѣсни у насъ; нѣкоторые новые народные пѣсни; подражаніе у нашихъ стихотворцевъ нашивъ народныхъ пѣснъ. *Флоринский Т. Д.* Д-ръ Францъ Рачки, первый предсѣдатель Югославянской академіи. Критико-біографич. очеркъ. Перев. И. Михаилова.

Кн. LIV. *Златарскій В. Н.* Очеркъ болгарской истории.—*Аргирьевъ С.* Баландарь-рабошъ (деревянная палка съ «чертами и рѣзами»).—Критика. *Дриновъ М.* Рец. на кн.: *Найденъ Геровъ. Рѣчицъ на болгарскій языкъ съ тлъкованіе рѣчтѣ на болгарскѣ и на русскѣ.* Часть I. А—Д. Пловдивъ. 1895. LII+396 стр., 8°. (перев. съ русск. си. Т. I кн. 2 «Извѣстій Отд. русск. яз. и слов. И. Ак. Наукъ.)

Газеты и Журналы.

Владимирскія Губ. Вѣд. 1897. 1. Какъ встрѣчали Рождество русскіе царинцы.—4. Географія Владимира губ., сост. Смирновъ (бібл. зам.).—6. Добрынины. Вновь возникшіе промыслы въ Муромскомъ уѣздѣ. I сбѣръ тальниковъ прутьевъ.—8. То же. II. Вылушивание желудей.—19. Сперанскій. Объ упадѣвъ народного плененного творчества (приведено много новѣйшихъ „кушетовъ“).—22. Добрынины. Производство мочалъ въ Меленковѣ. уѣздѣ.—26. Селиц. Ильинскій. Александрова гора близъ гор. Переяславля-Залѣсскаго, какъ место хоромъ Александра Невскаго.—28. Нефедовъ. Причтитанія Владимира уѣзда (сообщено 7 причтитаній похоронныхъ дочери по отцѣ и женѣ по мужу).

Гродненскія Губ. Вѣд. 1897. 20. К. В. Бируля. Краткое описание Гродненской губ. (продолженіе, между прочимъ, главы: населеніе и его занятія). Н. Илья Мстисловской вол. Волковского уѣзда. (О ворожбѣ цыганки).—30. Кобринецъ. Илья Кобринскаго уѣзда. Трасца (повѣріе о лихорадкѣ).—29, 33, 34. М-ск. Путевые заметки по Кобринскому уѣзду. III. Пять дней въ сѣнокосѣ.—66. Ф. Д-чичъ. Темные силы въ деревне (захарство въ Слонимскомъ у.).—74. А. Г. Мѣльникъ, заштатный г. Гродн. губ. (Условия жизни и занятій).—70. Способы обработки земли въ Бѣлоруссии 300 лѣтъ тому назадъ („Вѣд. Вѣд“).

Духовный Вѣстникъ грузин. экзархата. 1897. 11, 14. Хлысты (обрядовая сторона секты). Свящ. И. М.—12, 15. Обзорные церкви экзархата Грузии Владимиромъ. И. К. (приводятся сказания и свѣдѣнія о построении церквей).—14. Кахсубанскій монастырь Пресв. Богородицы, свящ. П. Карбелова.

Иверія. 1897. 103. Описание манускрипта XVII в. съ лѣчебникомъ и „кикою“.—114, 115. Истор. справка о союзеніяхъ армянъ съ грузинами.—134. Клануши въ дер. Ворбalo.—144. Тайба двухъ деревень мохавцевъ.—155. Землевладѣніе въ Кизикии.—165. Баградъ-мирза (истор. повѣсть). Пари.—191. Конгрессъ ориенталистовъ въ Парижѣ. А. Хаханашвили.—199. О воинскихъ надписяхъ. Татарканъ Дадешкелани.—203. Шав-набада (легенда). Н. Асламазишвили.—227. Мингрельскій языкъ въ обществѣ и литературѣ. А. Хаханашвили.—246. Образованность у словаковъ (перев. съ рус.).—240. Индійскіе женщины (изъ Revue encyclopédique).—258, 261. Древняя груз. рукопись „Служба Іакова“. М. Джанашвили.

Кавказское Сельское Хозяйство. 1897. 183. Хозяйство мингрельцевъ. Н. Курнашъ.—187. Илья Озургетскаго уѣзда (экономич. очеркъ).

Кавказъ. 1897. 143. „Землевѣдѣніе“ съ приложеніями под. ред. Д. Н. Ануцина. Бібл. А. Хах-овъ.—160. О дворянскомъ землевладѣніи въ Кизикии. Д.—161. Несколько словъ о нашемъ военно-историческомъ музее. В. Потто.—172. „Батонеби“ (геніи болѣзни) въ Кутаис. губ. П. Петровъ.—176. Извѣстки практики сельскихъ судовъ. А. Китшидзе.—178. Иравы и обычаи хевсуръ. А. Никитина.—185. Осетинские бѣсоватые. Кесаева.—199. Свадебные обычай у моковъ. Ф. Д.—204. Бібл. Материалы по истории Грузіи. 9. Жорданіа.—206. Письма изъ Кизикии. А. Натроевъ.—210. Погребеніе у мусульманъ. Сенц. Иванцикало.—228, 245. Древняя история Кавказа по клинообразнымъ надпи-

самъ Вана. *M. Дж.*—312. Судъ присяжныхъ на Кавказѣ.—314. Библ., „Землемѣріе” за 1897 г. Кн. I—II. *A. Х.-ев.*—316. А. А. Марлинскій (Бестужевъ) *B. Потто.*—1898. 6. Царица Тамара въ народной легендѣ и у Лермонтова *А-ндрѣя Бесселовскаго*.

Казбекъ. 1897. 63. Надежда и разсудокъ. Легенда *Осика Шубина* (съ ав-
мецкаго).—101. Можно ли вѣрить женѣ. Казачья сказка.—109, 110, 113. Го-
ры въ ущелья отъ Теберды до Большого Зеленчука.—118. Пастухъ и басъ
(осетин. сказание). *Кесаева*.

Калужскій Губ. Вѣд. 1897. 33. Ливонская сага о происхожденіи Чудского
озера. (Изъ „Прав. В.”)—35. Важная археол. находка. (Барельефы въ г. Турѣ,
во Франции; изъ „Нар.”).—50. Древнее кладбище (болѣе 200 лѣтъ тому назадъ
въ Житомирѣ; изъ „Н.”)—66—69. Сиамскій король и его страна (изъ „Н.
В.”).—73. Почтальон. Открытие большого клада. (Найдено оружіе, польские и
голландскіе дукаты и пр. Изъ „Р. С.”)—83 Археологическая находка въ по-
гостѣ Дворцахъ, Псковской губ., Новоржев. у. (2 колокола XVI в. и котель-
и мѣдными монетами. *Пск. Г. В.*”—105. Всероссійской миссионерской съездѣ
въ г. Казани.—О хлыстовской сектѣ.—116. Внутр. изв. Суевѣріе относи-
тельно убитаго молдавскаго въ Абхазії (изъ „Р. С.”).

Квадри. 1897. 34, 35. Народное преданіе о временахъ XVII в. (господство
турокъ въ Имеретіи).—23, 37. Тушинскія пѣсни.—30. Нѣкоторые обычай
и нравы.—38, 39. Историко-археологическое описание дер. Уде (Ахалцыхск.
уѣзда, Тифл. губ.).—41. Философское сочиненіе католиcosa Антонія I. *А
Хаханашвили.*—50—52. Два акта („гуджары”), касающіеся экономического
быта тушин. *Д. Албанецъ.*—50. Грузин. рукописный словарь С. С. Орбе-
лiani, хранишійся въ Гелатѣ.

Ковенскій Губ. Вѣд. (Прибавленіе). 1897. 52—56. Общественное призрѣніе
у крестьянъ.

Мировые Отголоски. 1897.—46. Находчивый человѣкъ: посредничество между
жителями того свѣта и земными обитателями. (Изъ „Самар. Вѣст.”)—47.
E. Шмурло. Сибирскія письма.—Малороссія. Отношеніе къ переписи: она
истолкована въ смыслѣ ревизскихъ сказокъ, имѣющихъ цѣлью заключеніе
недвижимости. (Изъ „Кiev. Слова”).—48. Сибирь. Замѣтка о новоселахъ въ
Бытоводскомъ участкѣ Маринск. окр. (Изъ „Сибир. Вѣст.”).—Отношеніе
сибирскихъ крестьянъ къ переписи: мнѣніе о томъ, что описанный будетъ
зачисленъ по мѣсту его записи. (Изъ „Енисея”).—49. Периодическая печать.
Замѣтка о вѣрѣ китайцевъ въ загробную жизнь. (Изъ ст. Краснова въ
„Книжкахъ недѣли”).—50. Сибирь. Замѣтка о жизни инородцевъ въ Вилюй-
скомъ округѣ (Изъ „Нижегород. Листка”).—52. 58. 65. 79. *I. Е. Шесченко-
Красноярский.* Отъ Касиин до Аму-Дарьи. (Рисунки къ № 79 въ № 80, къ
№ 52—въ № 53).—53. *Теофрастъ Ремодо.* Парижскій карнавалъ.—Запад-
ній край. Розыски пропавшаго человѣка при помощи указаній гадалки. (Изъ
„Смолен. Вѣст.”),—58. Ялтинское побоище. Описаніе побоища между рус-
скими и турецкими рабочими въ Ялтѣ (см. также въ № 64 изъ „Южн. Край”).
—59. Екатеринославскій Соломонъ. Воръ выдастъ себя подъ видѣніемъ угрозы,
что соломенка, находящаяся у того, кто украдъ, должна увеличиться.—60.
Шполянскій погромъ. Описаніе еврейскаго погрома въ мѣстечкѣ Шпола.—61.
Приднѣпровье. Минная святая и ея видѣніе на деревенскую молодежь. (Изъ
„Смолен. Вѣст.”)—63. 66. 67. 69. 70. 76. 80. 82. 84. 85. 92. 94. *Юр. Кази-Бект.*
Письма изъ Константинополя.—Периодич. печать. Выдержка изъ статьи „Генераль
Кирѣевъ о штундистахъ”, помѣщ. въ жур. „Revue internationale de Théologie”.
65. Выгодныя невѣсты. Слухъ о томъ, что преступленіе дѣвушекъ, отрѣ-
завшихъ голову мужику, можетъ загладиться и дѣвушки будутъ освобождены
отъ наказанія, если онѣ выйдутъ замужъ.—66. Охота на тура въ Кавказскихъ
горахъ (съ рисункомъ).—Смѣсь. Бракъ между умершими—обычай, существо-
вавший прежде среди татаръ.—Половые. Выдержка изъ помѣщеннаго въ „Ни-
жегородск. Листка” отчета о состояніи Васильево-Слободской библіотеки (Ба-
лахн. у.); данные объ отношеніи крестьянъ къ книжѣ (см. также № 76) —71.

Изъ данныхъ германской уголовной статистики. (Изъ ст. В. Срезневского (въ март. кн. Журн. Мин. Юст.) Наблюденія изъ практики Мирового Судьи. Изъ ст. г. Тулуба въ той же кн.).—72. С. Рыбаковъ. Состояніе просвѣщенія среди нашихъ ивородцевъ и коренного населенія.—74. Изъ Туркестанскаго края. Замѣтка о туркестанскомъ винодѣліи; о травѣ артемизіи („дармиза“).—75. Периодическая печать. Описание карнавала въ Ниццѣ (Изъ „Москов. Вѣд.“).—Деревенская газета. О газетѣ, издающейся въ с. Павловѣ, Нижегород. г. (Изъ „Волгара“).—Изъ Туркестанскаго края. О санитарныхъ условіяхъ жизни сартовъ и отношеніи ихъ къ русскимъ врачамъ.—Поволжье. Женщина въ качествѣ повѣренного на мировомъ судѣ. (Изъ „Казанск. Тел.“).—Служихъ среди крестьянъ о войнѣ съ турками; извѣніе о цѣли построенія жел. дор. въ Сибири и о переписи. (Изъ „Саратовск. Дневн.“).—Югъ. Замѣтка о несоглашаемъ среди старообрядцевъ Кіевск. г. (Изъ „Кіевск. Слова“).—О землевладѣліи ивощихъ колонистовъ въ Крыму. (Изъ „Новороссійск. Тел.“).—79. Поволжье. Самарскій зачинатель бѣсовъ (Изъ „Саратовск. Газ.“).—81. Антонію Консельєро—чёрный пророкъ. Минимій пророкъ новой религіи (о ея сущности ве говорится), составившій себѣ отрядъ изъ 10.000 послѣдователей и наводящій ужасъ на Бразилию своими разбойни. —Нильз Бронскій. Лондонскіе отголоски. Здѣсь, между прочими, есть краткая замѣтка объ исторіи развитія пьянства въ Англіи и его statu quo (по ст. Arthur'a Shadwell'a „Історія пьянства въ Англіи“ и ст. Джона Мура „What London Drinks“ въ янв. кн. 1897 г. „Cassell's Family Magazine“).—82. Новый народъ карликовъ, открытый на Памирѣ датскими офицерами Олуесеномъ и Филиппсеномъ.—83. Сибирь. О земледѣліи у киргизовъ (изъ „Сибирск. Вѣсти“).—Еж. Уманецъ. Успеніевъ день въ Бахчисарѣ.—86. Поволжье. Погребеніе самоубийцы на кладбищѣ, какъ причина засухи у крестьянъ Сергачск. у. (изъ „Нижегор. Листка“).—87. Н. Рильникъ. Современная деревня. I. Исканіе правды. Исторія одной покупки земли всей деревней, раскрывающая внутреннія деревенскія отношенія.—Юго-западъ, край. Замѣтка о чехахъ-колонистахъ (изъ „Волыни“).—Сврный зеprъ, какъ суррогатъ водки (изъ „Екатерин. Г. В.“).—Югъ. Транспортъ переселенцевъ въ Примурскій край (изъ „Нов. Обозр.“).—87. Восточная фантазія (легенда).—Александъ Николаевичъ Пыпинъ. Краткая замѣтка о его дѣятельности; тутъ же его портретъ.—90. Изгнаніе домовыхъ въ Мюнхенѣ (изъ „Münchener Neueste Nachrichten“).—91. Изъ малайскихъ аравотовъ. Факты, характеризующіе отношенія между супружами.—Д. К.-ій. Типы современной культуры.—Техническое образованіе въ Японіи.—Кавказъ. Замѣтка о переселенцахъ на Кавказѣ (изъ „Нов. Обозр.“).—Туркестанъ. О мусульманской сектѣ, напоминающей нашихъ хлыстовъ (изъ „Окраны“).—О сближеніи между русскими и кочевниками магометанами (изъ „Киргизск. Степи. Газ.“).—92. Засѣданія ученыхъ обществъ. Замѣтка о докладѣ П. Козлова о его трехлѣтн. путешествіи по центр. Азії, совершившемся въ 1893—95 гг.—Северъ. О съѣздахъ безпоповцевъ (изъ „Ватик. Г. В.“).—Поволжье. Лѣкарство „кіндеръ-бальзамъ“, какъ суррогатъ водки (изъ „Нижегор. Листка“).—Сибирь. Выкоркія пушныхъ звѣрей на дому—промысел тобольскихъ ивородцевъ (изъ „Южн. Кр.“).—94. Поволжье. Эксплоатациія потайной милостыни съ преступной цѣлью.—95. И. М. Рубиновъ. Кулачный бой (Письмо изъ Америки). Состязаніе боксеровъ и отношеніе къ нему американцевъ.—96. Нильз Бронскій. Англійская предпріятія въ Персіи. Изложеніе ст. Эдуарда Кроу „English Enterprise in Persia“, помѣщенной въ „The Nineteenth Century“.—97. А. Федоровъ. Мирная задача арміи. Армія, какъ школа народа.—Школьный вопросъ въ Приволжскомъ краѣ.—97. Польский край. Дѣло о продажѣ дѣвушекъ въ гаремы („Волынь“).—Кавказъ. Паника въ Баку вслѣдствіе ожиданія чумы. („Сар. Ди.“).—98. 106 113. 132. 134. 137. 140. 145. 146. 147. 149. 154. Юрій Кази-Бекъ. Письма изъ Константиноополя.—98. III-рмк. Рецензія о книгахъ Милля „О подчиненіи женщины“ и Фаррара „Женщины у домашнаго очага“.—99. Свѣ.-зап. край. Стремленіе къ переселенію среди крестьянъ

Витебск. г. („Смол. Вѣст.“).—100. 127. 146. *И. Шееченко-Красноярский*. Отъ Каспія до Аму-Дарьи.—101. Нашла коса за камень. Восточная сказка. 103. Период. печ. Объ исторіи завоеванія Сибири (изъ ст. Дядкова въ „Книгахъ Недѣлі“).—104. *Д.-скій*. Киевскіе отълки (здесь, между прочимъ, съдѣнія о положеніи дѣла народнаго образованія въ Киевѣ и о санитаріи, состояніи Киева).—А. К. Изъ Ферганской области. О мастерскихъ разбояхъ.—Черноземья. Полоса. О бѣдственномъ положеніи переселенцевъ во время пути („Ор. В.“).—Малороссія. Фактъ, свидѣтельствующій объ усиленіи интереса крестьянъ къ книгамъ („Жизнь и Искусство“).—107. *Д.-ть*. Волки и овцы. Возраженіе на статью „Нов. Вр.“, отвосящіяся отрицательно къ аризанамъ въ Россіи.—Сибирь. О захарахъ въ Сибири („Томск. Л.“).—108. *Nick*. Письма изъ Германіи. О дѣлѣ д-ра Петерса, бывшаго имперскаго комиссара американскихъ земель, находящихся подъ протекторатомъ Германіи.—Н. Лесчинский. Два слова къ вопросу о пересмотрѣ законодательства объ артеляхъ.—Червогемская полоса. Стрепленіе къ переселенію у крестьянъ черноземной полосы („Калужск. Вѣстн.“).—110. Соврем. лѣтоп. Постощеніе могилъ родныхъ въ Финской недѣль въ Петербургѣ. *Ниль Бромскій*. Лондонскіе отголоски. Иллюстрація къ современному пылуству высшихъ классовъ англійского общества и его прекрасного пола въ особенности.—Статистич. данные по поводу переселенч. дѣла Курск. г. („Курск. Лист.“).—111. 119. По Окѣ. Изъ путевыхъ впечатлѣній.—111. Туркестанскій край. Корреспонденція, рисующая положеніе промышленности въ Туркестанѣ. кр.—А. Осмоловъ. Эксцезація реагіонаго чувства (сборы пожертвованій на аеонскіе монастыри) („Иверія“).—112. Захороненные фанатики. Заживо погребенные въ Тираспольскомъ у. („Одесск. Лист.“).—Лѣтописецъ. Литературная лѣтопись. Указывается на о тюшение васелія къ переписи и приводится рядъ выдержекъ изъ провинц. газ., рисующихъ впечатлѣнія счетчиковъ.—*Vas. Разинъковъ*. Воробычная ночь. Ночные грозы въ Малороссіи и отношеніе къ нимъ населения.—113. Поволжье. Статистич. данные о крестьянскомъ землевладѣніи въ Нижегородск. г. („Нижегородск. Л.“).—114. Рисунокъ изъ ст. „Отъ Каспія до Аму-Дарьи“.—Z. Шведскій изслѣдователь Азіи Свенъ Хединъ (Sven Hedin) (съ портретомъ).—Philharmonія. Побѣги и Арабески. Здесь, между прочимъ, заѣтка о поэзіи Сайтозара Гурбана-Ваянского „Иродъ“, въ которой описывается страданія словакіихъ саротъ, похищенныхъ мадьярами съ политической цѣлью.—116. А. Черкскій. Норвежская саги о чумѣ. I. Куропатка въ Инстадаль. II. Церковь въ Бальдерѣ.—117. Увеличеніе морскихъ и военныхъ силъ Японіи и ея финансы („Times“).—119. *Из. Д.-скій*. Киевскіе отголоски. Здесь, между прочимъ, о вліяніи городской культуры на малороссовъ.—Корреспонд. изъ Туркестанскаго края. Народная школа у мусульманъ.—Поволжье. Слухи, возстановляющіе крестьянъ противъ интеллигенціи („Сар. Ди“).—122. Царство приемея въ Азіи. Объ открытыхъ датскими путешественниками, Одессея и Филиппенъ, странахъ на Памирѣ съ населеніемъ очень небольшого роста.—Европейскіи души (статистика ихъ).—Ежегодныи самоубийства въ Европѣ (статистика ихъ).—Упадокъ рыбной промышленности.—Закаспійская область. Текстъ прошенія, поданаго жителями тохтамышскаго района, Мервск. у., рода Векиль, за имя начальника области, объ еставленіи у нихъ навсегда ихъ вачальника („Закасп. Обозр.“).—124. Маккевескіе беспорядки. Безпорядки въ слоб. Иактевѣ, вызванные темъ, что арендаторъ земли, на которой происходила ярмарка, взималъ съ продававшагося на ней скота особый сборъ въ свою пользу. („Приаз. кр.“). Ерейскій погромъ въ Херсонской г. („Волгарь“).—126. Периодич. печать. Случай изъ исторіи сибирск. суевія („Русск. Старина“).—Новые жертвы фанатизма. Новые данные о заживо погребенныхъ въ Тирасп. у. („Одесск. Нов.“).—127. Американскій азартъ. Случай увлечения азартными играми.—Заседанія ученыхъ обществъ. Замѣтка о докладѣ Свенъ-Гедина изъ отд. геогр. И. Р. Г. О.—А. Ф. „Хвѣба и сильные ощущенія“. О стрепленіи современного культурнаго человѣчества къ сильнымъ ощущеніямъ („Изложеніе ст. „Crime in current literature“ въ „Westmin-

ster Review"). — 128. Приуралье. Санитарное состояние местных городов („Ураль"). — Черновиц. под. Экономическое положение крестьянъ сельца Шевелева, Орловск. у. („Недѣля"). — Случай крестьянского самосуда („Сар. Дн."). — Рисунокъ № 12 гг. ст. „Отъ Каспія до Аму-Арьи"). — Л. Черский. Женева Ниагара (Ам-Тодорская легенда). — 129. М. Вернон. Письма кругосвѣтного путешественника. — 132. Скиталец. У скандинавовъ. — Поволжье. Несчастный случай вслѣдствіе свадебного обычая запирать спальню новобрачныхъ („Сар. Дн."). — 133. Черновиц. полоса. Сопротивление властимъ при измѣнѣ ведомости („Южн. Ер."). — Югъ. Новые данные о тираспольскихъ сектантахъ („Одесск. Л."). — 134. Внутр. почта Земельная недоразумѣнія у крестьянъ съ помѣщиками („Калужск. Вѣстн."). — 136. Періодич. печать. Описание китайского суда надъ хунхузами („Разведчикъ"). — 137. Нильз Бромской. Доводы отъ голоски. Новая женщина въ Англии. — Примѣры крестьянскихъ нопоекъ („Сальск. Вѣстн."). — 138. Robert Donald. Какъ живетъ французская деревня. — 139. Англичанинъ о Сибири. Свѣданія о путешествіи по Сибири подполковника Уотерса. — 140. Телефонъ и сувѣтіе. Крестьяне въ окрестностяхъ Вильнѣ-Валы (Австрія) думаютъ, что электрические проводники привлекаютъ тучи. — Статистика безработицы. — 140. Внутр. почта. Сопротивление властимъ („Одесск. Нов."). — 141. Внутр. почта. Приговоръ крестьянск. общества, отмѣняющій обществ. налогич. при выѣзѣ пастуха и т. п. едѣнкахъ („С. Л."). — 143. И. М. Рубинштейн. Письма изъ Америки. Воскресный отдыхъ и американское духовенство. — 144. Древность массажа. — Къ свѣданію русскихъ членовъ предстоящаго женскаго конгресса отъ Брюсселя. Библиографія женскаго вопроса. — Сельскохозяйственные очерки Забайкалья. Станица Могойтуевская, Ачинск. окр. — Краткое описание древняго клада, найденаго близъ дер. Сокъ, Опатовск. у. — 144. 145. Н. С. Новый видъ обскурантизма. Рецензія на ст. Людовика Кржижницкаго „Генезисъ идеи" („Миръ Б.", май, 1897 г.). — 145. Англичане и библія. Краткое изложеніе ст. о дѣятельности Британскаго и иностраннаго Библейск. Общ. въ „Me Clure's Magazine". — 145. 152. А. И. В-къ. Среди моря и скалъ. Извъ путешествія по Финляндіи. — 145. Бабій буздъ. — 146. Е. А-ди. Абиссинія, какъ будущая часть православнаго мира. — Послѣднія извѣстія. Сопротивление переписи со стороны татаръ. Слухи о томъ, что перепись производится съ цѣлью обращенія татаръ въ православіе и распространенія среди нихъ русской грамотности, при чемъ во всѣхъ татарскихъ деревняхъ построить аптеки и повѣсить возлѣ мечетей колокола („Волжск. Вѣстн."). — 147. Послѣднія изв. О цыганахъ въ Бессарабіи („Бессараб."). — 148. Посл. изв. о Федорѣ Ковалевѣ („Бессараб."). — 149. 150. 151. 153. Д. Райскій. Наши задачи на дальнемъ Востокѣ. — 149. Религіозная война въ Бразилии (О сектѣ Антоніо Коцельера (Масієля то-жъ)). — 150. Ч. Въ Палестину и Сирію. Извъ путевыхъ писемъ натуралиста. — 151. Носятъ. изв. Статистический свѣданія о Кавказѣ по послѣдней переписи. — 152. Пос. изв. Нищенство, какъ проиисѣль въ Пензенск. г. („Сар. Л."). — 153. Торговля въ Абиссиніи.

„Моамбэ". (Вѣстникъ, грузин. ежемѣсяч. журналъ). 1897. I, VI. Самурзакано. Письма туриста. Ф. Сахокія. — I. Новый годъ („Каландоба") г. Мингрелии. Ею-же. — II, IV, V, VII, IX, X XI. Дождь и вѣтъ въ поэзіи „Барсова Коша" („Венхисъ Ткаосати"). А С-моамбэ. — I, II, III, IV. Тушинскія пѣсни, собранные Д. Ростомашвили. — III. Бюрократія въ грузинскомъ царствѣ. А. Хаханашвили. — II, III, IV. Ранайана. Переводъ съ юмецкаго. А. С-шеми. — II, V, XI. Абхазцы. Этнографический очеркъ. Н. Джакамашвили. — X. Мингрельский посломици. Ф. Сахокія. Гурий-Адчара. Письма туриста. Ею-же. — VIII. Народныя пѣсни. Ею-же. — XII. Извѣстія арабскихъ и персидскихъ писателей о Грузии. Переводъ. — XII. Грузины-католики. Л. Исарлова. — Картинки изъ сельской жизни. Дас. Кадишвили.

Наука. 1897. 4, 5. В. М. Козаринъ. Жертва и жертвенные дѣти. (Гуцульская сказка, стр. 283—290; она носить на себѣ слады литературной обработки, по крайней мѣрѣ, въ слогѣ, хотя сказано, что она записана на

с. Плоской.—Библиографія: „На верблодахъ“ Уралова; „Наши родичи“, Желиховской.—6, 7, 8. **Н. Захарина** (Якунина). Каменная баба. (Дѣтская легенда).—**В. М. Козарину**. Капшукъ (кошелекъ, гудульская сказка, зап. въ с. Чёрногузъ съ такими же особенностями въ склонѣ).—Всячина. Похоронные обряды индѣйцевъ („Моск. Вѣд.“).

Невес Обозрѣю. 1897. 4620. Положеніе армянъ въ Грузинскомъ царствѣ. **А. Хах-оевъ**.—4626. Сютокрадство у горцінъ. **Гамно Б.**.—4622. Грузины и грузинки. **М. Д. м.**.—4679. Истор. справки (патр. Нерсесъ V. Татар. литографія въ Тифлисѣ). **А. Ерицовъ**.—4677. Безземелье въ Осетіи. **Г. Цаюловъ**.—4685. Венгерцы и кавказскія племена.—4719. Сванетія. (Экономический очеркъ).—4725. XI конгрессъ ориенталистовъ въ Парижѣ. **А. Хах-оевъ**. 4719, 4731, 4759. Сванеты. (Экономич. очеркъ). **К. Николадзе**.—4725, 4731. XI Международн. съездъ ориенталистовъ въ Парижѣ. **А. Хах-оевъ**.

Оренбургскія Губ. Вѣд. 1897. 36. Смѣсь. Переопись. Отношеніе къ ней изъ некоторыхъ образованій, обыкновеній.—Эскизъ постройки въ Оренбургѣ. Чумы изъ сѣга, выстраиваемые извозчиками для защиты отъ холода и вѣтра.—37, 43, 50. **Н. А. скій**. Очерки Примурья.—37. Смѣсь. Рамазанъ или рамаданъ. Краткое описание его.—38. **Ф. Г. Мановой**. дворъ въ 1896 г.—Островъ Крѣпъ (изъ „Правит. Вѣстн.“).—39. **А. Кузнецова**. О времени основанія сель и деревень. Краткая замѣтка, указывающая на то, что на основаніи данныхъ переписи можно судить о времени основанія сель и деревень.—40. Оренбургскія казачіи полки въ Харьковѣ. Всѧтие городка. Описание наименования праздника, на которомъ происходилъ взятие сѣвѣрного города и дигитовка (изъ „Харьк. Г. В.“).—41. Мысли и факты. Изъ листія изъ статьи Тилле (въ „Nord und Süd“): „Ворьба за обладаніе немыть шаромъ“ (попытка ответить на вопросъ, какая раса и какое племя одержать верхъ въ борьбѣ за миръ“), изъ „Русск. Вѣд.“).—Засѣданіе Оренбургск. Отд. И. Р. Геогр. Общ.—44. Взятіе сѣвѣрныхъ городовъ.—45. Рецензія на ст. Чернавскаго „Слобода Куртамышъ“ („Оренб. Еп. Вѣд.“).—46. Рассказы счетчаковъ („Приаз. кр.“).—47. **Н. Ивановъ**. Откуда появился медведь. Стихотворное переложеніе литовскаго преданія.—Письмо урядника Моршинскаго, переселившагося въ 1895 г. въ Уссурійск. казачье войско, къ своимъ оренбургскимъ землякамъ.—48, 49, 50. Изъ парижскихъ писемъ. **Масленникъ въ Париже**.—48. Смѣсь. Неумѣстное остроуміе. Отношеніе къ переписи изъ некоторыхъ образованій людей.—51. **Ф. Г. Хлѣбная торговля въ Оренбургѣ**.—**W. Ахмұтъ** замѣтка (ученіе о кончию мира). Рецензія на ст. Е. А. Малова (въ XIV т. Извѣстій Общ. Арх., Ист. и Этнogr.) объ этой книжкѣ, очень распространенной у татаръ, башкиръ и киргизовъ.—Засѣданіе Оренб. Отд. И. Р. Г. Общ.—52. Русская жизнь. О преувеличеннѣи страха чумы, распространившемся среди рабочаго населения (изъ Ек. Г. В.).—О дѣятельности И. Р. Г. Общ. и Антрополог. Общ. въ изученіи „Востока“ (изъ „Правит. Вѣстн.“ и „Московск. Вѣд.“).—Смѣсь. Происхожденіе слова „гость“.—53. Побоище русскихъ съ турками въ Ялѣ (изъ „Моск. Вѣд.“).—Интересная семья. Изъ наблюдений сельского счетчика.—58. Смѣсь. Греческія пословицы.—55. Русская жизнь. О жалованью промыслѣ въ Владімѣрск. г. (изъ „Влад. Г. В.“).—Стороннее сообщеніе. О собирании и изданіи народныхъ русскихъ скомокъ (отъ Отд. Этн. И. Р. Г. Общ.).—Смѣсь. Чума и наэрантъ. Обычай индійскихъ шітотовъ обсыпать покойниковъ шарапономъ (изъ нѣмеца. газ. „Врачебное Обозрѣніе“).—67. Изъ парижскихъ писемъ. „Ми-каремъ“—половина поста, парижскій праздникъ.—69. Отчетъ Оренб. Ученой Архивн. комиссии за 1895—96 г.).—70. **Н. Ивановъ**. Въ Слободкѣ. Изъ записной книжки оренбургск. счетчика (отношеніе раскольниковъ къ переписи).—71. Засѣданіе Оренбургск. Учев. Архивн. комиссіи.

Орловскія Епарх. Вѣд. 1897. 16—18. Пашковцы и ихъ ученикѣ (прод. и оконч.).

Отголоски. 1897. 67. Судъ и преступленія. Дѣло о насилияхъ по поводу всенародной переписи. (Слухъ, что перепись имѣть въ виду обращеніе въаселенія въ барскихъ крестьянъ). Изъ „Камско-Волжск. края“.—70. Еврейский погромъ; ложные слухи объ евреяхъ (изъ „Одесск. Нов.“).—Случай доб-

ровольного погребенія заживо девяти человѣкъ раскольниковъ на берегу Дѣтстроевскаго лимана (изъ „Олес. Нов.“).—72. Дополнительный свидѣніи объ заживо погребенныхъ.—80. Японія и японцы. Выдержки изъ корреспонденціи въ „Новомъ Вр.“ и изъ статьи проф. Краснова въ книжкахъ „Недѣли“.—82. Судь и преступленія. Фанатизмъ: послушникъ Никольского монастыря Буяновъ найденъ умершимъ въ пещерѣ и зарытымъ по грудь въ землю; овolo него просфоры, иконы, лампады, духовные книги. Онъ просилъ, чтобы его зарыли для спасенія его души (изъ „Уральца“).—90. Судь и преступленія. Случай изувѣрства („Оренб. Л.“).—91. Нравы современной деревни („Нов. Вр.“).—95. Разныя извѣстія. Духоборы въ пересыльной тюрьмѣ („Сар. Ди.“).

Пермскій Губ. Вѣд. 1897.—34. 36. Александъ Наумовъ. Исторія заселенія и просвѣщенія Зауралья.—Поклонники дьявола. (Изложеніе доклада, читанаго въ засѣданіи И. Р. Г. О.). —Лотосъ, какъ архитектурное украшеніе.—39. Изъ Самары. Своеобразная профессія: убирающіи иконы, выходиты изъ с. Мстери, Шуйск. у., Владимір. г.—40. Среди газетъ и журналовъ. Отношеніе населения къ переписи. (Изъ „Астрах. Листва“).—42. Африканские дикари. (Изложеніе доклада д-ра Папуковича о поездкѣ изъ Абиссиніи, читанномъ въ Антрополог. Общ.).—44. Разныя извѣстія. Рамазанъ. Замѣтка объ иагометан. празднике рамазанѣ.—45. Изъ с. Усть-Кемское. У остаковъ. Факты, свидѣтельствующій о непониманіи остатками христіанской религіи.—Жизнь въ тайге.—Разныя извѣстія. Вліяніе когдаы на количество иреступленій.—46. Вѣра китайцевъ въ загробную жизнь.—47. Изъ с. Троицкаго, Пермск. у. Житейскіе курьезы. Жалоба въ судъ на поминовеніе „за упокой“ при жизни.—49. Разныя извѣстія. О способахъ укрошенія на востокѣ дикихъ леопардовъ.—50. Кустарные издѣлія остатковъ.—51. О происхожденіи первыхъ обитателей о-ва Крита.—52. Десятины бабы. Отправление общественной службы женщиными въ Арханг. губ. (Изъ „Рус. Судоходства“).—Разныя извѣстія. Полезный обычай. Обычай amerеванцевъ устраивать дѣтскій праздникъ съ посадкой деревьевъ.—55. Среди газетъ и журналовъ. Замѣтка о жизни и дѣятельности знаменитости Федосеевскаго раскольничаго толка въ Москвѣ—матери Евники (Изъ „Свѣта“).—56. Лѣченіе „внутренней грысти“ укусами крысы. (Изъ „Врача“).—59. Судебная хроника. Киншиневский окружной судъ. Дѣло о продажѣ снаidобій и веществъ, имѣющихъ будто бы сверхъестественную силу.—60. Изъ Бійска „Войниши“. (Кулачные бои на масленицахъ).—60. Русскія менониты. (Изъ „Крыма“).—61. Изъ Мѣхонскаго села Шадринск. у. Санкція нищенства. Ниціе погорѣльцы съ напитками на шапкахъ и на груди удостовѣрѣніями сельскихъ властей („покормленіи“) (Изъ „Урала“).—61. Брачное условіе. Засвидѣтельствованія полиціей письменныхъ условій гражданск. брака. (Изъ „Луча“).—62. Самара. Адвокатъ загробного мира. Старикъ, промышляющій посредничествомъ между крестьянами и обитателями того свѣта.—64. Среди газетъ и журналовъ. Отношеніе крестьянъ къ различнымъ русскимъ авторамъ. Изъ статьи г-жи Волковой въ „Образованіи“.—70. Сормово, Бадахш. у. Гусиные бои.—75. С. Покровъ, Сергаченск. у. Неугомонный удивленіній. Взглядъ крестьянъ за погребеніе самоубийцы на кладицѣ, какъ на богопротивное дѣло.—79. Среди газетъ и журналовъ. Изъ сибирскихъ воспоминаній д-ра Благодороваго: сакъ, характеръ, крещеныхъ братъ.—80. Тобольскъ. Новый кустарный промыселъ: питомники пушныхъ звѣрей у иородцевъ.—81. Среди газетъ и журналовъ. Факты, свидѣтельствующіе о непониманіи русскими народомъ догматовъ христіанства.—Судебная хроника. Поруганіе надъ трупомъ съ сувѣрюю цѣлью.—82. Среди газетъ и журналовъ. Замѣтка о положеніи жещины у русскихъ менонитовъ (изъ „Крыма“).—Деревенскій журналъ. О издающемся въ с. Павловъ, Нижнегородск. г. журнаѣ, посвященномъ интересамъ крестьянск. самоуправлѣнія.—84. Разныя извѣстія. Телеграфъ и китайцы. Объ отношеніяхъ китайцевъ къ телеграфу (Изъ „North China Daily News“).—Погибшій материкъ. Изложеніе публичной лекціи объ Атлантидѣ, чит. д-ромъ геологіи Карно-

жикимъ въ Петерб.—83. Разныи извѣстія. Примѣты вотяковъ.—92. В. Кричевскій. Добровольная ссылочная. Беллетристич. очеркъ, въ которомъ изображаются крестьянскія женщины, добровольно следующія въ ссылку за мужемъ.—94. Ловля жемчуга. Изложenie доклада И. П. Бартенева „О жемчужномъ промыслѣ, по р. Повѣвчанѣ Олонецк. г.,“ читанаго на Московской выставкѣ рыболовства и рыболовства.—95. Свадебный постройки. О свадьбахъ постройкахъ, открытыхъ во Флоридѣ (Америка) экспедиціей подъ начальствомъ проф. Франка.—96. Отходкіе заработка новомъжскихъ крестьянъ. Краткая записка, указывающая на отсутствие правильнаго распределенія рабочихъ рукъ во время ютней рабочей поры. Помѣщательство на религіозной почвѣ (изъ с. Пирога, Кременчугск. у.)—97. Кри-кри. Знобы два. О предразсудкахъ относительно майскихъ браковъ (боязнь вѣнчаться въ маѣ, чтобы не маяться всю жизнь). Указывается на распространенность этого предразсудка.—98. Исторический очеркъ умеждженія на уральскихъ горныхъ заводахъ. Изложenie доклада г. Бокова, читанаго въ периской комиссіи Уральск. Общ. любит. естествозн.—99. Обрядъ присяги у китайцевъ.—100. Земская школа и расколъ. Замѣтки объ отношеніи старообрядцевъ въ школѣ. (По Ежегоднику, издав. Московск. губернск. управ.). — Среди газетъ и журналовъ. факты обзыва супругами въ Звенигородск. у. (Изъ „Киевлян.“)—101. Среди газетъ и журн. „Забѣжки“ — лица, помогающія юнагдымъ барышникамъ въ Казани обмазывать неопытныхъ крестьянъ. (Изъ „Канско-Волжск. Кр.“)—Самый старинный романъ. Объ „Исторіи двухъ братьевъ“, сочиненной 3200 лѣтъ тому назадъ сибирск. писателемъ Энцапъ (Изъ „Моск. Вѣд.“).—102. Результаты первой всероссийской переписи.—Власть тымы. Заживо погребенные фанатики въ Тирасполѣ.—103. Поздніе извѣстія. Женщина, изъ желанія опозорить мужа, ползла на четверенькахъ, а дочь заставила вести ее на веревкѣ. (Изъ „Новостей Дня“).—По поводу 150-лѣтія Алтайскихъ горныхъ заводовъ и рудниковъ. (Изъ „Сибир. Листка“).—105. Н. А. Синицынъ. Періодич. печат. Здѣсь, между прочимъ, изложены статьи: Н. Х., „Среди новоселовъ“ (Русская М.); М. Кроли, „По кочевымъ забайкальскимъ бурятъ“ (Нов. Сл.); Каталова. Отчетъ о поземкѣ въ Миусинскій окр., Епіс. г. (Учен. Зап. Каз. ун.); Н. Попова, лекція по общей психопатології (тамъ же). 106. Еще о заживо погребшихся фанатикахъ. (Изъ „Одесск. Д.“)—Статистика Петербурга.—О китайскихъ предразсудкахъ и суевѣрянѣ.—111. Новые подробности о заживо погребенныхъ (Бессарабецъ).—114. С. Сестренка. Камышловск. у. Интересный субъектъ. Человѣкъ, выдающій себя за сына полковника, странствующаго по совѣту И. Кроншт. (Изъ „Сар. Дн.“)—Хвалынск. у. Мракъ вѣвѣжества. Экспломатія крестьянъ человѣкомъ, выдающими себя за Христа („Сар. Дн.“)—115. Среди газетъ и журн. Поставовление схода крестьянъ дер. Медвѣдевки, Аткарск. у., отмѣняющее обычай пить магаричъ при наймѣ пастуховъ и т. п. сдѣлкахъ („Сар. Дн.“).—116. 122. 126. П. Б. Письма съ дороги. (Изъ Перии въ Петербургъ).—Лженпророчица Виталия. Свѣдѣнія о сектантѣ Виталии, игравшей выдающуюся роль въ исторіи съ занурованными раскольниками („Одесса. Нов.“).—Посланіе лженпр. Виталии („Рус. Вѣд.“).—118. Мараловодство въ Сибири.—Настоящіе индійские факиры. (Изъ ст. М. Стада въ „Borderland“)—119. Движеніе въ Сибирь и обратно („Сиб.“).—Сопротивленіе властямъ („Од. Нов.“).—Мошенничество на религіозной подкладѣ (Ниж. Лист.“).—Кочевники переселенцы („Нов.“).—120. Свѣнъ Гедиль шведскій путешественникъ. —122. Эксплоатациѳ религіознаго чувства русскаго человѣка аенонекими келютами („Иверія“).—125. Въ скиту у заживо погребенныхъ („Р. Вѣд.“).—127. Китайскіе паепорты.

Пермскія Епархиальные Вѣдомости. 1897. 4, 5, 7, 8, 12. Селя. П. Помонаревъ. Расколъ въ предѣлахъ Савинскаго прихода.—5, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 18, 19. Протестантскій піетизмъ, какъ родоначальникъ южнорусскаго штундизма.—12. К-овъ. Виачеткія счетчика при переписи одного зараженного расколомъ прихода Пермскаго у.—7, 8, 9. Отчетъ о дѣятельности Пермскаго

епархиального комитета православного миссионерского общества. (Миссионер-ская школы; составъ учащихся по вѣроисповѣданію и народности; указаніе на отношеніе инородцевъ къ миссионерск. школамъ).—13, 14, 15, 16, 17. Отчетъ Пермскаго епархиального училищаго совѣта о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Пермской епархіи за 1895—96 г. (Статистика православнаго населенія Пермской епархіи; церковно-приход. школы, школы грамоты и начальн. училища другихъ видомъ; статистика раскола и яко-вѣрцевъ).—18, 19, 21. Народная мудрость. Тенденціозный подборъ пословицъ съ цѣлью охарактеризовать народное міровоззрѣніе („Пенз. Еп. Вѣд.“).—18, 19, 21. Отчетъ Пермскаго епархиального училищаго совѣта о состояніи церковно-приходск. школъ и школъ грамоты Пермск. еп. за 1895—96 г.—18. Откуда произошло и что означаетъ обычай украшать гробы умершихъ цветами и устилать путь къ кладбищу древесными вѣтвями („Самарск. Еп. Вѣд.“).

Подольскій Губ. Вѣд. 1897. 32. Георгій Побѣдоносецъ во народн. возврѣ-ніемъ.—33—34 Южно-русскій народн. праздникъ „Рахманъский Вѣлыкденъ“.—34—35. Переселенческое двѣло въ Сибири.—52. Сіамъ или страна „Злааго Слона“.—64. Древне-русскій приходъ.

Прибалтийскій Листокъ. 1897. 59. П.—С. Ливовскія саги. О происхожденіи Чудскаго овера или Пейпуса. (Переп. въ Кал. Губ. Вѣд. 33).—68. Корре-спонденціи. Астаханъ (о бытѣ и вѣрахъ калмыцкихъ жрецовъ, изъ „Астр. Листка“).—76. Е-ніка Летышскія сказки. О происхожденіи водопада близъ Гольдигевы; О чёмъ бесѣдуютъ вѣдьмы въ ночь на Ивановъ день.—75. Ж-чеджи. Въ бытіяхъ демона, кавказская легенда Юрія Кази-Бека.—84. Къ правамъ и быту калмыцкихъ жрецовъ (изъ „Астраханскаго Листка“).

Сельскій Хозяинъ. 1897. 24. М. К-съ. О рабочихъ въ Малороссіи и вѣнчаніи ихъ на ходъ местнаго хозяйства. Попытка объяснить положеніе хозяйства въ Малороссіи этнографически, особенностями малороссійскихъ губ.—25. Сот-никъ А. Шестаковъ. Полтавскій участокъ Южно-Уссурскаго края. Краткое указание на способъ обработки земли у китайцевъ.—28, 29, 30, 31, 32, 41, 42, 43, 44, 45, 47. Л. Ф. Ариинскій. Русское лѣто съ точки зрения народныхъ примѣтъ.—38. Д. Ф. Корреспонденція изъ Новороссіи. Свѣдѣнія о сельско-хозяйств. рабочихъ въ югѣ Россіи.

Уфимскій Губ. Вѣд. 1897. 50, 51. Федоръ Чубрикъ. Село Минскій заводъ, Уфимской губерніи.—63, 64, 65. И. А-скій. Очерки Приуралья.—70. Мелочи. Екатериновскій Соломонъ. Воръ выдалъ себя, испугавшись того, что у него соломинка сдѣлается длиннѣе (изъ „Мир. Отг.“).—76. В. Шоховъ. Село Топорнино, Уфимск. у. Описание местной ярмарки.—79. О сближеніи между русскими и кочевниками магометанами (изъ „Киргиз. Степн. Газ.“).—86. Въ вѣдѣніи Ипп. Общ. любитъ древ. письмъ. Замѣтка о докладѣ г. Волкова: „Дѣйствительно ли была безыменна большая часть трудовъ древне-руssк. писателей?“ (изъ „Правит. Вѣсти“).—87, 89, 90, 91. М. Колесни-ковъ. Черемисы язычники въ Белебеевск. у.—90. Деятельность Читинскаго отдѣленія Привамурск. отд. И. Р. Г. О. въ 1895 г. (изъ „Правит. Вѣсти“).—91. Газетныя извѣстія и свѣдѣнія. Объ истории гор. Монахово (възъ „Правит. Вѣсти“).—93, 95, 97, 99. Герасимовъ. Изъ впечатлѣній санитара по записной его книжкѣ. О санитарномъ состояніи Уфы.—93. Замѣтка о исторіи и современ-номъ положеніи Фессаліи (изъ „Правит. Вѣсти“).—94. Замѣтка о состояніи Еянсейскаго музея (изъ „Правит. Вѣсти“).—100. С. Мастеевскій. Мед-рессе.—105. Пунктуальные отвѣты. Случай непонимавшія рубрики перепис-наго листа.—107, 109, 110, 111. Н. Оленичъ. Водное богатство и рыбное хозяйство въ Уфимск. у.—114. С. Мастеевскій. Паломничество магометанъ въ Мекку.—116. Ипп. Русск. Геогр. Общ. Замѣтка о докладахъ г. Вильсона о переписи въ Петербургѣ и г. Семенова о переписи во всей Имперіи („Правит. Вѣсти“).—Царство пигмеевъ въ Азіи („Миров. Отг.“). 187, 168. Краткій очеркъ крестьянскаго хозяйства въ сѣверной полосѣ Белебеевск. у.—170. Замѣтка о коллекціи чудскихъ вещей, доставленной изъ Кунгура, Пермск. г., въ Уральское Общ. любитъ естествозн.—179, 187. З. Е. Никоновъ.

Описывіе селевій Балтаевской волости, Мензелинскаго у.—183, 185. Изъ статей „Деревенская монографія“, помещенныхъ въ №№ 7, 8 и 9 Вѣстника Птицеводства за 1896 г. Изъ деревни Уракъ-Тау, Стерлитамакск. у.—183. О дѣятельности Подольского епархиального статистич. комитета („Правит. Вѣстн.“). 186. Али Искандеровъ. Еще о мусульманскомъ медрессе. По поводу ст. „Русский идасъ при медрессе въ Уфѣ, (№ 81 Уф. В.“) и „Медрессе“ (№ 100).—191. О происхождении символа свободы въ видѣ шапки египетскаго покрова („Правит. Вѣстн.“).—198. Н. Оленичъ. Системы власти администрации въ Оренбургск. краѣ до 1865 г.—200. Слѣды изысканства въ домашнемъ обиходѣ чувашъ.—М. Фетисовъ. Описание Новотроицкой волости 4 земельного участка, Бирск. у.—231. А. Семеновъ. Бирская бесплатная библиотека читальня.—232, 235. Замѣтки наблюдателя. Очерки Приуралья, 1896 г. Письма изъ Троицк. у., Оренб. г.—234. Н. Оленичъ. Нѣсколько мыслей объ Уфимскомъ музее.

Уфимскіе Епархиальные Вѣдомости. 1897. 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11. Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Уфимской епархіи за 1895/6 г. (Статистика школъ, расцвѣта и иновѣрцевъ).—10. Свящ. Николай Разумовъ. Открытие прихода при ц. села Тюлюга Златоустовск. у. и освященіе 15 дек. 1896 г. вновьстроеннаго въ этомъ селѣ храма.—21. Отчетъ Уфимскаго Епархиальнаго Комитета Православнаго Миссионерскаго Общества за 1896 г. (Здѣсь свѣдѣнія о религиозно-нравственномъ состояніи крещеныхъ инородцевъ Уфимской епархіи).

Хозяинъ. 1897. 12. Л. Льюисъ. Письма изъ Степного края. II (начало въ № 43 за 1896 г.). О казачьемъ хозяйствѣ.—15, 16. Илья Молодецъ. Вольные земли.—15. И. Странскій. Изъ Лужскаго у. О ловѣ рыбы въ р. Лугѣ.—19. Н. Оберь. Экономический упадокъ и отхожий промыселъ крестьянъ Останиковск. у.—22, 23, 24, 25, 26. Е. Решко. Путевые впечатлѣнія русскаго хозяина.—22, 24. А. Мартыновъ. Письма съ сѣверо-запада. Характеристика сельского хозяйства въ сѣверо-зап. краѣ и Царствѣ Польскомъ.—25. Я. Паллеровъ. Нужды киргизскаго хозяйства.—29. В. Акимировъ. Изъ постоличай деревни.—Д. Нескучна. Сельскохозяйственная жизнь въ Россіи. Изъ Константиноградскаго у., Полтавск. г. (Отношение малоземельныхъ и безземельныхъ крестьянъ къ сельскохозяйств. машинамъ. Мѣстные „хозийственные“ крестьяне и ихъ хозяйство).—31. Передовая статья. О связи между грамотностью населения и его экономич. благосостояніемъ.

Циобисъ Пурцели. (Листокъ извѣстій на грузин. яз.). 1897. 216. О безполезныхъ обычаяхъ народныхъ.—223, 226. О составлении нового груз. словаря.—235. Библ. Материалы по истории Грузии. Ф. Жорданія.—243. Шелководство въ Имеретіи.—379. Библ. Отрывокъ изъ „Диларіаніи“, изд. З. Чичинадзе.—384. Библ. Жизнь героя Саакадзе въ XVII в. напис. Иосифъ Тбилисі. (Изд. Имадешвили и Чихадзе. Тиф. 1897).—403. Замѣтки по поводу издававшіе „Диларіаніе“.

Черниговская Губ. Вѣд. 1897. 1134. Новое племя карликівъ ва Памирѣ (изъ „Нов. вр.“).—1160, 1184. Кустарная промышленность въ Чернигов. губ.—1187. Сіамъ.—1209. О вразахъ и обычаяхъ племенъ, населяющихъ Индокитай (нѣсколько свѣдѣній о племенахъ „мои“ и „буонгъ“, взятыхъ изъ путешествія Россета).—1211. Золотопромышленность въ Бухарскомъ ханствѣ (артели для разработки пріисковъ).—1213. Дольмены въ Японіи (изъ „Прав. В.“). 1235. Цвѣты кожи негровъ (ваблюденія д-ра Колинъона надъ постепеннымъ измѣненіемъ цвета кожи новорожденныхъ негровъ. Изъ „Прав. Вѣстн.“)—1239. Тихановъ. Старинныя „публики“ (публикаціи),—обозначеніе пріимѣть въ документахъ; пріимѣты языка, прически и проч.—1247. Доисторическое становище въ Швейцербильдѣ въ Шаэгаузенскомъ кантонѣ (изъ „Прав. Вѣстн.“)—1254. Китайская энциклопедія, пріобрѣтенная Берлин. этнограф. музеемъ.

Черноморскій Вѣстникъ. 1897. 36. Поклонники дьявола. Извложenie доклада В. А. Романова „Изслѣдованіе объ іезидахъ“, читанаго въ Геогр. Общ. (изъ

„Народа“).—Разные разности. Косметика у японскихъ женщинъ.—37. Медицина на Востокѣ (изъ „Петерб. Листка“).—43.—Разные разности. О праздновавшихъ масленицы у грузинъ и армнъ.—46. очеркъ Самурзакані.—48. Тивульская каменно-угольная волы. (Наброски очевидца).—51. Хроника. Случай кровной мести.—56. Колонизация восточного Черноморья (книга Шаврова „О мѣрахъ для развитія русскаго торгового мореходства“).—62. Разные разности. Записаніе духовъ у племени Оравъ-сламъ на Молуккскомъ островѣ Галемехера (изъ „Forschungsreise in den Molukken und in Borneo“, проф. Кюкенталья).—66. С. Коноваловский. Женщины и дѣти въ Австралии (перенодъ).—69. А. Изъ жизни пятой части свѣта. Экономический строй Новой Зеландіи.—70. Обзоръ периодической печати. Санитарное состояніе уральскихъ поселеній (изъ „Окрайны“).—72. Давно прошедшее. Изъ воспоминаній о Кавказѣ. „Киринъ Сары“ . Очеркъ г. Сандра (изъ „Варшава. Диаса.“).

Ярославскій Епарх. Вѣд. 1897. З. Святочные празднества на Руси въ древности и въ XVIII вѣкѣ (изъ „Нов. Врем.“)—11. Вербные празднества въ Россіи и другихъ странахъ (приведено извѣто повѣрій и поговорокъ, относящихся къ Вербному воскресенію и вербѣ, преимущественно изъ сѣвер. губ.).—Къ вопросу объ ереяхъ въ древнемъ Египтѣ.—25. Праздникъ Ивана Купала и Аграфены Купальницы.—26. Петровъ день за Русь (Рус. Сл.).—36. Распятіе въ Китаѣ.

Новости этнографической литературы.

Адриановъ, С. А. Рецензія ва кн.: *Дмитріевъ, А. А.* Пермская старина. Сборникъ историческихъ статей и материаловъ, преимущественно о Пермскомъ краѣ (Оттискъ изъ отчета о присуждениі наградъ гр. Уварова). Спб. 1896. 4°.

Акты XVI—XVIII вв., извлеченные *А. Н. Зерцаловымъ*. Изд. Моск. Архива Минист. Юстиціи. Москва. 1897.

Ананьевъ, П. А. Къ предстоящему столѣтію города Василькова Киевской губ. Кіевъ. 1897, брош.

Апостолиди, Е. Н. Королевство Сіамъ. Историко-этнографический очеркъ (По поводу прибытія сіамского короля Чулалонгкорна I въ Россію). Спб. 1897.

Апостоловъ, Л. Я. Географический очеркъ Кубанской области. Приложенія: двѣ карты области (20-верстная и климатическая), планъ Екатеринодара и другіе рисунки (Изъ Сборника материаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. 23). Тифлісъ. 1897.

Аристовъ, Н. А. Замѣтки объ вѣническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей и свѣдѣнія о ихъ численности (Изъ «Жив. Стар.»). Спб. 1896.

Архангельскій, А. С. Къ исторіи нѣмецкаго и чепскаго луцидаріусовъ. Казань. 1897.

Асанасьевъ, А. Н. Народныя русскія сказки. Изд. 3-е, дополненное биографическимъ очеркомъ и указателями, подъ ред. *А. Е. Грузинскаго*. (Въ двухъ томахъ. Съ портретомъ). Москва. 1897. Ц. 3 р.

Багалѣй, Д. И. Къ исторіи заселенія и хозяйственного быта Воронежскаго и Курскаго края (По поводу изслѣдовавія И. Н. Миглашевскаго: «Къ исторіи хозяйственного быта Московскаго государства». Изъ отчета о присуждениі наградъ графа Уварова). Спб. 1897.

Баралевскій, В. Восточные окраины Русского царства: Камчатка, Амуръ, Уссури. Съ картою. Изд. Высоч. учр. Постоянной комиссіи по устройству народн. чтеній. Спб. 1896.

Бокъ, В. Г. О коптскомъ искусствѣ. Коптскія узорчатыя ткани. Москва. 1897. 4°, fasc.

Бориневичъ, А. Новороссія въ царствованіе Имп. Екатерины II (Изъ Записк. И. Общ. сельск. хоз. южной Россіи. 1897). Одесса. 1897.

Бранденбургъ, Н. Е. Старая Ладога. Юбилейное изданіе Имп. Русс. Археологическаго Общества. Рисунки и техническое описание акад. В. В. Суслова. Спб. 1896. 4°, 323 стр., карты, рисунки, фототипії.

Ч. I. Городъ Ладога: топографія, періодъ легендарный и доисторический, періодъ исторический. Ч. II. Староладожское городище («Юркова крѣпость»). Ч. III Атласъ рисунковъ и чертежей. Въ одномъ томѣ.

Братская помощь пострадавшимъ въ Турции армянамъ. Литературно-научный сборникъ. Съ рис., портретами, видами, типами и пр. Москва. 1897. Стр. 752—128. Ц. 5 р.

Будиловичъ, А. С. О значеніи русскаго похода въ 1849 г. для австро-угорскихъ вародовъ (Оттискъ изъ «Русской Бесѣды»). Спб 1896. 8°, бр.

Быль и легенды о могилахъ Аскольда. Съ прилож. древнихъ плановъ Кіева (1638 г.) и Печерской его части (1695 г.). И. Т—а. Кіевъ. 1897.

Бѣлловскій, К. А. Къ вопросу объ антропологическомъ типѣ преступника. Спб. 1895.

Виды села Княжей Пустыни (Бостромъ. г. Кологривск. у.). Рисунки художника Г. А. Ладыженского. Одесса 1895. 4° (4 вида).

Водовозова, Е. Какъ люди на болотѣ свѣтъ живутъ. Англичане. Съ 10 картинъ. Изд. 2-е. Спб. 1897.

Волгинъ, Ф. Аиуръ (природа и люди Амурск. края). Челезная библіотека Сойкина: Спб. 1896. Ц. 50 к.

Выборка изъ свѣдѣній, доставленныхъ Имп. Московскому Археологическому Обществу православныи духовенствомъ, по распоряженію рижскаго архіепископа Арсения. Москва. 1896. 4°.

Вышогродъ, Я. Д. Материалы для антропологии кабардинского народа (Адыге). Докт. диссерт. Спб. 1895.

Геккеръ, Н. Л. Къ характеристику физического типа якутовъ. Записки по этнографіи Имп. Русск. Геогр. Общества. Иркутскъ. 1896. Ц. 1 р.

Германъ, К. А. Полный эстско-русский словарь. Юрьевъ. 1896.

Гёрнесъ, М. Исторія первобытного человѣчества. Пер. съ нѣм. съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. Березина. Съ 45 рис. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Геронтій (іером. Задонскаго Богородицкаго монастыря). Историко-статистическое описание Кирилло-Вѣлозерскаго (Успенскаго) муж. первоначального монастыря Новгородской епархіи. Москва. 1897.

Гонеггеръ, І. Исторія человѣческой культуры. Пер. съ нѣм. М. Чепинской. Спб. 1896 г. Ц. 60 к.

Грамматика каважурского языка. Курсъ 3-й. Словосочиненіе.

Дерингъ, П. В. Путешествіе по Верхней Бирмазіи. Крайняя Индія. Изд. 6-е. Пенза. 1897.

Диваевъ, А. Древне-киргизские похоронные обычаи (Оттискъ изъ Извѣстій Общ. Археол., Исторіи и Этногр. при Казан. универс. 1897 г.). Казань. 1897.

Дикари Африканскіе (Семья ашантіевъ въ Крестовскомъ саду и театрѣ). Изд. Касаткина. Спб. 1897. 24 стр. съ картинками.

Думы Кобзарськи. Выдано підъ додглядоиъ Б. Гринченка. У Чернігови. 1897.

Жбанковъ, Д. Н. Вліяніе отхожихъ заработковъ на движение населения (Изъ «Врача», № 25). Спб. 1895, бр.

- Заборовский.** Доисторический человеческий, перев. съ франц. Общепомезная библиотека для самообразования. Ц. 40 к. М. 1897.
- Збірники чоловічих писень.** Одесса. 1896.
- Зеркаловъ, А.** О раскопкахъ въ Московскомъ Кремль въ XVIII вѣкѣ. Москва, 1897.
- Ивановский, В., свящ.** Къ исторіи древнихъ обитателей Тульской губерніи и ихъ удельныхъ князей. Тула, типогр. Губерн. правл. 38 стр.
- Ивановъ, Ив. Ив.** Путеводитель по Волгѣ на 1897 г. Казань. 1897. 8⁰, брош.
- Изъ недавнаго прошлаго Слободской Украины (Оттискъ изъ «Кiev. Стар.») Киевъ. 1896.**
- Ильинский, М.** Народы земного шара. Homo sapiens L. и его раздѣление на племена съ означеніемъ ихъ черепныхъ указателей. Таблица просмотръна проф. А. И. Таренецкимъ. Спб. 1897 г. Стр. 12.
- Ингрэмъ, Д.** Исторія рабства отъ древнійшихъ до новыхъ временъ.
- Кавказъ.** Изд. Высоч. учр. Постоянной комиссіи по устройству нар. чтеній. Съ картою Кавказа. Спб. 1897.
- Канчаловский, П.** Отъ Москвы до Архангельска по Моск.-Яросл.-Архангельской ж. дор. Описаніе всѣхъ мѣсть на пути и въ окрестностяхъ и имѣющихъ историческое или промышленное значеніе. Съ рис. въ текстѣ. Вып. I и II. Москва. 1897.
- Карский, Е. Ф.** Материалы для изученія бѣлорусскихъ говоровъ. Вып. 1. С б. 1897. 8⁰, брош.
- Каталогъ Абиссинско-санитарно-этнографической выставки.** Москва. 1897.
- Кирпичниковъ, А. И., проф.** Взаимодѣйствіе иконописи и словесности народной и книжной (Отвѣтъ на 40 вопросъ программы VIII Археол. съѣзда). Москва. 1895. 4⁰.
- Кирпичниковъ, А. И.** Къ литературной исторіи русскихъ языкоисследований. Спб. 1897. 8⁰, бр.
- Клоустом, В. А.** Народні казки та вигадки, їх вандрівки та перенесенія. З англійської мови переложив А. Кричевський. Львів. 1896. 8⁰, 183 стр. Ц. 50 кр. («Літературно-наукова бібліотека», вид. Івана Франка, 2 серія, кв. 6).
- Клячко, Л. Р.** Руководство къ изученію религіозныхъ обрядовъ и обычаевъ. По кодексу «Шултанъ-Арухъ, Орахъ-Ханиъ», для юношества. Ч. I. Обряды и обычаи для будней. Варшава. 1897.
- Кольбъ, Г. Фр.** Исторія человѣческой культуры. Съ очеркомъ формъ госуд. правлений, политики, развитія свободы и благосостоянія народовъ. Пер. съ 3-го изд. подъ ред. А. А. Рейнгольда. Вып. I и II. Киевъ—Харьковъ. 1896.
- Констаксій, М. А.** Участіе Казанской губ. на XVI Всероссійской выставкѣ (1896) и труды мѣстнаго вспомогательн. комитета по экспонациі. Казань. 1897.
- Копаневичъ, И. К.** Рождественскія снятки и сопровождающія ихъ народныя игры и развлеченія въ Псковской губ. Псковъ. 1896 (Оттискъ

изъ «Псков. Город. Листка» или «Пск. Губ. Вѣд.»?). Псковъ. 1896, брош.

Коршъ, Ф. Е. Мысли о происхождении новогреческаго языка. Одесса. 1896, бр.

Курчевиць-Севрунъ, В. М. Выводъ о происхождении прозвищ Севрунъ и Курчевичь-Севрунъ, дополненный и исправленный. Минскъ. 1897.

Кушнеревъ, свящ. Судакская долина и генуэзская древняя капелла. Феодосія. 1896.

Латышевъ, В. В. Сборникъ греческихъ надписей христіанскихъ временъ изъ южной Россіи. Съ 13 таблицами. Спб. 1896.

Литвиновъ, М. А. Исторія крѣпостного права въ Россіи. Съ 3 портретами (Общеполезная библіотека, изд. М. В. Блюкина, № 5 — 6). Москва. 1896. 8°, брош.

Литвинъ, С. К. Среди евреевъ. Спб. 1897.

Лозинскій, А. Еще о борьбѣ со знахарствомъ (Изъ «Врача», № 26). Спб. 1895, бр.

Лоранъ, Эмиль. Уголовная антропология и новые теоріи преступности. Пер. В. В. Баршевскаго, подъ ред. проф. И. А. Сикорского. Кіевъ. 1897.

Марануевъ, В. Н. Полѣсье и Полѣшушки (Изъ путевыхъ записокъ). Чтеніе для школьн. Изд. 4-е. Одесса. 1897.

Маривардтъ, К. Самоціяне и самоціянки. Краткое описание страны и обитателей Самоційскихъ острововъ въ южной части Великаго Океана. Вильна. 1896, брош.

Материалы по археологии Кавказа (см. ниже: гр. Уварова).

Мейнъ-Саркисянъ, С. А. Муганская степь. Естественно-исторический и сельско-хозяйственный очеркъ (Изд. Мин. Землемѣрія и Госуд. Имущ. Отдѣлъ земельныхъ улучшений). Спб. 1897.

Мечъ, С. Центральная Азія. 4-е испр. изд. Москва. 1897.

Меодій, іеромон. Буддійское міровоззрѣніе или лакамзъ и обличеніе его. Ставрономъ. 1897.

Миндошичъ, Фр. Изобразительные средства славянского эпоса. Переводъ А. Е. Грушинскаго (Изъ I вып. Трудовъ Славянской комиссіи при Ипп. Моск. Археол. Общ.). Москва. 1895. 4°.

Миронъ. Южнорусская пасхальная драма (Оттискъ изъ «Кіев. Стар.»). Кіевъ. 1896.

Михайловъ, П. П. Роль и значеніе первобытной женщины. Сообщ. въ Археологическомъ Институтѣ 23 марта 1895. Спб. 1897. Стр. 40.

Мошковъ, В. А. Скіоны и ихъ современники фракійцы. Слѣды этихъ народовъ въ наше время. Этнографический этюдъ. Варшава. 1896 г. Ц. 50 к.

Навроцкій, А. А. (Броцкій, Н. А.). Изъ волжскихъ преданий. Коромыслова башня. Княжья могила. Нижній-Новгородъ. 1897.

Онеговъ, М. И. Молодецкая кручинка. Пѣсенникъ Москва. 1896.

— Новый пѣсенникъ. Кіевъ. 1896.

Олексенко, С. Народное обычное право въ общинахъ землевладѣй.

Бердинского уѣз. Таврич. губ. (Изъ Записокъ И. Общ. сельск. хоз. южн. Россіи 1897). Одесса. 1897.

Орглерть, А. И. Медико-топографическое и статистическое описание слободы Головчины, села Антонова и дер. Тололей Грайворонского уѣзда Курской губ., съ картами, планомъ, диаграммами и таблицами. Курскъ. 1896.

Оршанский, И. Г., проф. Законы наследственности, извлеченные изъ сочинений того же автора: «Etude sur l'hérédité» въ Mémoires de l'Académie Imp. des Sciences de St. Pétersbourg, 1894. Съ предисловиемъ проф. Цезаря Ламброзо. Харьковъ. 1896. 8°.

Отчетъ о присуждении Ломоносовской преміи въ 1895 г. Спб. 1897. 158 стр. Разборъ сочинения проф. Варш. унив. Г. К. Ульянова: «Знаніе глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языке». Iч. Основы, обозначающія различія по залогамъ. Варшава. 1891. II ч. Основы, обозначающія различія по видамъ. Варш. 1895 (Разборъ составленъ проф. Моск. унив. Ф. Ф. Фортунатовъ).

Отчетъ о присуждении премій проф. А. Еотляревскаго въ 1895 г. Спб. 1896. (И. В. Ялич, разборъ сочинения проф. П. А. Кулаковской: «Иллиризмъ. Исследование по истории хорватской литературы периода возрождения». Варш. 1894 г.—В. Н. Щепкина, разборъ труда П. А. Лазарева: «Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарского языка»—А. И. Соболевскаго, разборъ посмертного труда проф. А. Л. Дювернуа: «Материалы для словаря древне-русского языка». М. 1894).

Пайсель, И. З. Материалы для антропології тарапчей (Докт. дисс.). Спб. 1897.

Памятки українсько-руської історії і літературі, видає комісія археографічна Наукового товариства імені Шевченка. Т. I. Апокриї старозавітні зібрані з рукописів українсько-руських (Monumenta linguae neopion litterarum ukraino-russicarum Ruthenicarum a collegio archaeographico Societatis scientiarum Sivchenkiana editae). У Львові. 1896. 8°.

Площанський, В. Несколько словъ объ иностранной эксплоатации древней Руси (Изъ «Литовскихъ Епарх. Вѣдом.»). Вильно. 1897.

Погодинъ, А. Основной курсъ общаго языкознанія (Руководство къ самообразованію). Спб. 1897.

Понтилло, В. Морской путь на русский дальний востокъ. Спб. 1897, брош.

Полтавцевъ, Алексѣй. Впечатлѣнія и очерки Бавказа. Харьковъ. 1897. 12°, брош.

Полѣновъ, А. Д. Оживашій сѣверъ (ХХ отдѣлъ Всероссійской выставки 1896 г. въ Нижн.-Новгородѣ. Крайний сѣверъ. Частный павильонъ Общества Московско-Ярославско-Архангельской желѣзной дороги). Съ 15 фоторит. Москва. 1896 г.

Порогинъ, М. Т. Къ антропології бурятъ. Буряты-аларцы (Докт. диссерт.). Спб. 1895.

Попѣловъ, С. Медвѣдья икура. Рассказъ изъ жизни на сѣверѣ. (Съ рисунками). Изд. Ступина. Москва. 1896.

Потапенко, проф. По поводу статьи ч. пр. Э. Ф. Беллина: «Судебно-медицинская экспертиза въ дѣлѣ мултенихъ вотиковъ, обвиняемыхъ въ принесеніи человѣческой жертвы языческимъ богамъ». Харьковъ. 1896.

Пташицкій, С. А. Средневѣковыя западно-европейскія повѣсти въ русской и славянской литературахъ. I. Исторіи изъ Римскихъ Дѣяній. Спб. 1897.

Бустынъ, Андрусова — Николаевская, Олонецкой губ. Историческо-статистический очеркъ. Изд. 3-е, испр. Спб. 1897.

Путешествіе Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россіи въ полови-
иѣ XVII в., описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ.
Переводъ съ арабскаго Г. Муркоса (по рукописи Моск. Главн. Архива
Минист. Иностранныхъ Дѣлъ). Вып. 2 й. Отъ Днѣстра до Москвы.
Москва. 1897. 8°. 202 стр.—VI (Изъ «Чтвѣтъ въ И. Общ. исторіи и
древн. россійскихъ», 1897, октябрь).

Савеловъ, Л. М. Коротоякскій уѣздъ въ историко-географическомъ
отношениі. Москва. 1897.

Совиковъ, Г. А. Военный пѣсенникъ, заключающій въ себѣ триста
военныхъ пѣсенъ. Пятисотъ-лѣтній юбилей русской артиллеріи (1389 —
1889, 8 ноября). Москва. 1897.

Сборникъ материаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа.
Изд. Управления Кавказск. Учебнаго Округа. Вып. XXII и XXIII. Тифлисъ.
1897. Но 2 р.

Свѣдѣнія о Сибири. Описаніе Енисейской губерніи. Хозяйство у корей-
цевъ въ Уссурійскомъ краѣ (Ш-е прибавленіе къ «Календарю Сельского
Вѣстника», 1895 г.). Спб. 1895.

Свѣдѣнія о Сибири. Сборникъ статей «Сельскаго Вѣстника» о Сибири
и переселеніи. Съ картою Россійской имперіи. Изд. ред. «Сельск. Вѣстн.».
Спб. 1897.

Сениговъ, Іос. Народное воззрѣніе на ученіе и воспитаніе. Спб.
1896. 8°, брош.

Сибирь на Всероссійской выставкѣ 1896 г. Описаніе экспонатовъ Си-
бири, Степного края и Дальн资料го Востока, въ связи съ общимъ состояніемъ
промышленности и торговли Сибири. Томскъ. 1897.

Сильницкій, А. Архивные материалы къ исторіи событий на дальнемъ
востокѣ Россіи съ 1847—55 гг., извлеченные изъ дѣлъ Владивостокскаго
портового архива. Хабаровскъ. 1897. 4°.

Симони, П. К. Миѣніе иконописца Евгения (Болховитинова) о русскихъ
нарѣчіяхъ, изложенное въ частномъ письмѣ къ акад. П. И. Бенину,
1820 г. (Изъ «Извѣстій Отдѣл. русс. яз. и словесности И. Ак. Наукъ»).
Спб. 1896.

**Сказаніе о хожденіи въ Тибетскую страну Мало-Дѣрбетскаго База-
Бакши. Калмыцкій текстъ съ переводомъ и примѣчаніями, составленными
А. Поздѣевымъ.** Изд. факультета восточн. языковъ Имп. Спб-скаго уни-
верситета ко дню открытия XI международного съѣзда ориенталистовъ въ
Парижѣ. Спб. 1897.

Сліозбергъ, Г. Б. Записка по вопросу о правахъ евреекъ на пріѣздъ и постоянное пребываніе въ Сибири. Спб. 1896. 8°.

Словарь Киргизско-русский. Оренбургъ. 1897.

Солониню, А. Дневникъ сновидѣній (Материалъ къ психологіи сновидѣній). Николаевъ. 1897. 8°, броши.

Ствѣрь крайній и его просвѣтители (Изд. Высоч. учр. Ностранной комиссіи по устройству народн. чтеній). Спб. 1897.

Тардъ, Г. Происхожденіе семьи и собственности. Перев. съ франц. съ прибавленіемъ очерка Л. Е. Оболенского. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Твори Степана Руданського. Видання Василя Лукіча. Т. I (1895) впорядковавъ *M. Комар.*, ц. 40 кр.; т. II (1896), ц. 50 кр. и т. III (1897), ц. 50 кр., впорядковавъ *A. Кримський*. У Львови коштомъ редакції «Зорі» и Наукового Т-ва імені Шевченка (Ожидается т. IV и послѣдній). Во всѣхъ стихотворныхъ произведеніяхъ Руданского обработано множество народно-поэтическихъ темъ, въ тоиъ числѣ и апокрифическихъ).

Тиграновъ, Н. И. Закавказскій нар. пѣсни и танцы. См. въ Нов. Бр. 1897, № 7616, ст. Д. Борецкаго о сборникахъ закавказск. мелодій Н. И. Тигранова («Transkaukasische Volkslieder u. Tänze» и «Orientalweisen»).

Токмановъ, И. Ф. Историко-статистическое и археологическое описание города Устюжны съ уѣздомъ, Новгородской губерніи. Изд. П. Д. Иконниковъ. Москва. 1897.

Тороповъ, П., свящ. Трехсотлѣтіе города Верхотурья. Изд. 2-е, дополн. Пермь. 1897.

Уварова, гр. П. С. Материалы по археологіи Кавказа. Вып. IV. Христіанские памятники.

Уманець, М., і А. Спіна. Словарь россійско-український. Т. 3-й. П—С. Львів. 1897. Ц. 3 руб.

Филипповъ, Н. Н. Очеркъ тысячелѣтней борьбы Балтійско-Полабскаго славянства съ язычами до возрождения Сербо-луцицкаго племени (IX в.—1848 г.). Изд. книгопрод. Н. Г. Мартынова. Спб. 1897.

Фирсовъ, А. И. По Окѣ. Тула, тип. Губ. правл. 36 стр.

Хребтовъ, А. Н. Положеніе жемчужной промышленности въ Россіи. (Изслѣдованія, сдѣланныя въ Олонецкой губ. въ 1895 г. и въ Архангельской губ., въ уѣздахъ Онежскомъ и Кемскомъ въ 1896 г.). Спб. 1897.

Шендриковский, И. И. Материалы къ антропологіи бурятъ-саленгинцевъ (Докт. диссерт.). Спб. 1894.

Шмидлеръ, Густ. Наука о народномъ хозяйствѣ, ее предметъ и методъ. Пер. Котляревской. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Москва 1897.

Штальбергъ, В. Гуманность въ исторіи человѣчества. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Леонтьевой. Изд. ред. журн. «Образованіе». Спб. 1897.

Штернъ, Э., фонъ. О поддѣлкѣ предметовъ классической древности изъ Россіи (Читано на X Арх. съездѣ въ Ригѣ). Спб. 1897.

Штраусъ, Ф. А. Путешествіе на востокъ. Египетъ и Св. писаніе. Переводъ Н. Виноградова. Сергіевъ Посадъ. 1897, брош.

Энгельцъ, Е. Р. Материалы къ антропологии белоруссовъ. Рославльский уѣздъ Смол. губ. (Докт. диссерт.). Спб. 1896.

Энгельгардтъ, А. П. Русский съверъ. Путевые записки. Изд. Суворина. Спб. 1897.

Этнографический фондъ имени Н. О. Эмина при Лазаренскомъ Институтѣ Восточныхъ языковъ.—Вып. II. Изслѣдованія и статьи Н. О. Эмина по армянской мифологии, археологии, истории и историкѣ литературы (за 1858—1884 гг.), съ прилож. переводовъ изъ армянскихъ историковъ. Москва. 1896. Стр. VII+431. Ц. 2 р.—Вып. III. Переводы и статьи Н. Эмина по духовной армянской литературѣ (за 1859—1882 гг.). Апокрифы, житія, слова и пр. Москва. 1897. Стр. XXII+367. Ц. 2 р. Выписывающіе все три выпуска (вып. I—Исторія Армении Монсея Хоренскаго) платить 5 р.

Етнографічний Збірник. Видає Наукове Товариство імені Шевченка, за редакцією *М. Грушевського*. Т. I—II. У Львові. 1895—96. 8°.

Юрасовский, А. Н. Легенда сельца «Гремучаго Ключа» Мценского уѣзда. Изъ Орловскихъ преданий. Орелъ. 1897, брош.

Юшкевичъ, А. Литовскій словарь съ толкованіемъ словъ на русскомъ и польскомъ языкахъ. Вып. I. Изд. Огдѣленія русс. яз. и словесн. И. Ак. Наукъ. Спб. 1897.

Beedeker, K. La Russie. Manuel du voyageur. Avec 14 cartes et 22 plans, 2-e édition. Leipzig. 1897.

Brunn, Jvo. Die griechischen Tragödien als religionsgeschichtliche Quelle. Кіевъ. 1894.

Bücher, Karl. Arbeit und Rhythmus (Abhandlungen der philologisch-historischen Classe der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. Bd. XVII. № V). Leipzig. 1896, 8°, 130 стр. (Главы: Vorbemerkung.—I. Die Arbeitsweise der Naturvölker.—II. Rhythmisiche Gestaltung der Arbeit.—III. Arbeitsgesänge. 1. Einzelarbeit und Gesellschaftsarbeit. 2. Arbeiten im Wechseltakt. 3. Arbeiten im Gleichtakt.—IV. Ursprung der Poësie und Musik.—V. Der Rhythmus als ökonomisches Entwicklungsprincip.—Anhang. Schiffsgesänge.—Nachträge).

Delitzsch, Friedr. Das babylonische Weltschöpfungsepos (Abhandlungen der philolog.-hist. Classe d. K. Sächs. Gesell. d. Wissensch. Bd. XVII. № II). Leipzig. 1896. 8°, 160 стр. (По клинообразнымъ таблицамъ).

Hurt, J., Pastor. Bericht über seine Sammlung estnischer Volksüberlieferungen. (Докладъ Арх. съезду въ Ригѣ. Оттискъ изъ «St.-Petersburger Zeitung»). St.-Petersburg. 1896.

Lindwurm, Ann. Ueber die Geschlechtsliebe in social-ethischer Beziehung. Ein Beitrag zur Bevölkerungslehre. Leipzig. 1897. 8°

Pedersen, Holger. Albanesische Texte mit Glossar (Abhandl. der philol.-hist. Classe der K. Sächs. Gesellsch. der Wissensch. Bd. XV. № III). Leipzig. 1895. 8°, 208 стр. (35 *евазокъ* и более 230 *п'есенъ*, собр. въ 6-мѣсячную поездку въ Эпиръ въ 1893 г. Съ этимологич.-смисл. введеніемъ)

Ribot, Th. L'évolution des idées générales (Bibliothèque de philosophie contemporaine). Paris. 1897.

Roscher, W. H. Das von der «Kynanthropie» handelnde Fragment des Marcellus von Side. Mit 3 Textfiguren (Abhandlungen der philologisch-historischen Classe der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. Bd. XVIII. № III). Leipzig. 1896. 8°, 92 pp. (главы: I. Das Märchen von den Töchtern des Pandareos und deren Hundekrankheit (*χύων*).—II. Die Beziehungen des Hundes zu den Dämonen des Todtenreiches.—III. Die Beziehungen des Wolfes zu den Dämonen des Todtenreiches.—IV. Schlussfolgerungen.—V. Anhang I. Die Beziehungen des Geiers zu den Dämonen des Todtenreiches.—Anh. II. Das Fragment des Marcellus Sidetes περὶ Λυκανθρώπου.—Nachträge. Alfabetische Uebersicht).

Seelig, Wilh. Die innere Colonisation in Schleswig-Holstein vor hundert Jahren. Kiel. 1895.

Ueber den vorbereitenden archäologischen Congres in Moskau (Описание изъ «Sitzungsberichte d. Gelehrten Estnisch. Gesellschaft, 1897». Jurjew. 1897. 8°, брош.)

Извѣстія и замѣтки.

*Засѣданія Приамурскаго Отдѣла И. Р. Геогр. Общества
11 и 13 ноября 1897 г.*

(Чествование Н. Л. Гондатти).

Въ виду живого общественнаго и научнаго интереса, возбужденнаго трехъ-
лѣтнимъ пребываніемъ нашего сочленна Николая Львовича Гондатти на край-
немъ сѣверо-востокѣ въ должности начальника Анадырскаго края, занимствуюсь
изъ „Приамурскихъ Вѣдомостей“ (№ 203, 1897 г.) свѣдѣнія о сдѣланнѣхъ имъ
сообществѣахъ о результатахъ своей дѣятельности на Анадырѣ въ торжествен-
номъ собраниѣ Приамурскаго Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. въ Хабаровскѣ, по
возвращеніи его съ Анадыра прошлой осенью.

11 ноября въ залѣ Хабаровскаго Военнаго Собрания состоялось въ присут-
ствіи главнаго начальника края, С. М. Духовскаго, первое въ этомъ сезонѣ
общее собраніе членовъ Приамурскаго Отдѣла И. Р. Г. О. Собрание отличало-
лось особою многолюдностью, такъ какъ было предназначено сообщеніе Н. Л.
Гондатти, члена-основателя Приамурскаго Отдѣла.

„Имя Гондатти,—замѣчаѣтъ газета,—пользуется въ нашемъ краѣ широкой
популярностью, ибо слава о его плодотворной дѣятельности въ отдѣленіи
шемъ уголкѣ нашего отечества, въ дебряхъ приполлярной Анадырской тундры,
проникла не только на страницы мѣстной печати, но и печати всероссійской,
какъ столичной, такъ и провинциальной.“ Населеніе, среди котораго пришло
дѣйствовать г. Гондатти,—что чукчи, главные населеніи Анадырскаго края.
Они почти до послѣдн资料 не желали признавать чѣй-либо власти
надъ собою, съ оружиемъ въ рукахъ отстаивали свободу, завѣщанную предками,
неоднократно одерживали побѣду надъ русскими казаками и въ теченіе почти
столѣтія вели кровавую борьбу съ ними. 122 года тому назадъ на рѣкѣ Ана-
дырѣ была заложена крѣпость „Анадырский острогъ“, вооруженная пушками
и имѣвшая свыше 700 человѣкъ гарнизона. Но ни громъ пушекъ, ни испы-
танный удаль русскихъ казаковъ не могли привести чукчей къ покорности
русскому правительству. Огромныя затраты на содержаніе войска, чрезмѣр-
ные труды и лишенія русскихъ служивыхъ людей и видимая безрезультат-
ность борьбы съ чукчами побудили русское правительство вывести изъ Ана-
дырскаго края свою военную силу, и этотъ край, обильно орошенный кровью
русскихъ казаковъ, былъ предоставленъ самому себѣ. Но въ то время какъ
мы не обращали на Чукотскую землю никакого вниманія, на нее обратили

все свое внимание ваши предпримчивые соуди—американцы. Было время, и не такъ даво, когда воды, омывающія Аяндырскій край, славились чрезвычайнымъ множествомъ морскихъ животныхъ: китовъ, моржей, лахтаковъ, нерпъ. Эти богатства Берингова моря и Ледовитаго океана способствовали развитию у береговъ Чукотской земли китобойного и рыбнаго промысла, который американцы захватили въ свои руки и, производя его въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, получали миллионы барыша, эксплуатируя местныхъ жителей. Вся торговля съ чукчами также была въ рукахъ американцевъ. Такимъ образомъ на русской землѣ увѣренно развивался американский флагъ.

Съ началомъ русской колонизации за Амуръ и Уссури, большее внимание русского правительства было обращено именно на югъ Примуру, а съверъ его, Охотскъ, Гиннга, Камчатка и Аяндырской земли—остались въ сторонѣ, въ забвеніи. Аяндырскій край, дикий и суровый, но богатый морскими звѣремъ, пушниной и оленемъ, водящимся тамъ громадными стадами, сталъ предметомъ ближайшаго вниманія русского правительства лишь съ 1889 года, когда признано было необходимымъ, по инициативѣ, насыщивать этотъ край, его населеніе, физическія свойства, его богатства и опредѣлять его роль въ экономической жизни нашего отечества.

Докторъ Гриневецкій первый взялъ на себя эту тяжелую задачу, но за болѣнью, а потомъ и смертью, оставилъ вопросъ о Чукотской землѣ открытымъ. Дѣло, начатое Гриневецкимъ, продолжалъ Н. Л. Гондатти, назначенный на должность Аяндырскаго окружнаго начальника приамурскимъ генерал-губернаторомъ, С. М. Духовскимъ, въ 1893 г. За 3 года своей службы въ Аяндырскомъ краѣ г. Гондатти изѣздилъ его изъ конца въ конецъ. Три года работы въ Аяндырскомъ краѣ, населенномъ свободолюбивыми и воинственными чукчами, имѣющей цѣлью, съ одной стороны, изученіе края, а съ другой—распространеніе русской власти на крайніхъ предѣлахъ Россіи и покореніе чукчей не силой оружія, а силой нравственнаго вліянія культурнаго человѣка на необузданного дикаря, есть дѣло, доступное человѣку, обладающему высокими нравственными свойствами.

Результаты трехлѣтнаго пребыванія Н. Л. Гондатти въ Чукотской землѣ выразились: 1) обширными материалами, имѣвшими составить всестороннее описание Аяндырскаго края; 2) огромной естественно-исторической коллекціей, дающей полное представление о природѣ и населеніи, русскихъ и инородцахъ, краинаго сѣверо-востока Азіи, ихъ одѣждѣ, жилищѣ, промыслахъ и т. д.; 3) въ сборѣ и доставленіи, куда слѣдуетъ, исака, собранного съ чукчей, какъ съ сидичихъ, такъ и сливовыхъ, и, наконецъ, 4) въ просьбѣ чукчей, предъявленной чрезъ Гондатти къ администраціи Примурскаго края, принять ихъ подъ покровительство и защиту русскаго Царя, съ обязательствомъ вносить въ государеву казну то количество исака, какое будетъ указано.

Этимъ достаточно выясняется служба г. Гондатти въ Чукотской землѣ.

Передъ началомъ сообщенія г. Гондатти, предсѣдатель Приам. Отд. И. Р. Г. О., Н. И. Гродековъ, обратившись къ собранию, сказалъ:

„Въ прошломъ году, членъ Отдѣла, А. П. Сильницкій, дѣлалъ общему собранию сообщеніе объ Аяндырскомъ краѣ и тогда же демонстрировалъ привезенный имъ съ Аяндыра коллекціи, пожертвованной Хабаровскому

музею Н. Л. Гондатти, и доложилъ собранию о той просветительской деятельности, которую проявилъ среди чукчей членъ-учредитель нашего Отдѣла Н. Л. Гондатти. Сего дня мы услышали самого Н. Л., и сегодня онъ будетъ демонстрировать новые подарки, привезенные имъ въ даръ нашему музею. Эти коллекціи, съ привезенными въ прошломъ году, не поддаются никакой оценкѣ. Достаточно указать на остатки мамонта, которые очень рѣдко находятся въ европейскихъ музеяхъ. Н. Л. есть членъ-учредитель Отдѣла, а его труды украшаютъ "Записки Отдѣла". Согласно постановлению совета, приглашаю общее собрание привѣтствовать Н. Л. съ пребываніемъ въ наши страны и благодарить его за ту дѣятельность, которую онъ проявлялъ и проявляетъ на пользу нашего Отдѣла".

Собрание шумными рукоплесканіями привѣтствовало г. Гондатти. Покровитель Отдѣла, С. М. Духовской, при неумолкающихъ рукоплесканіяхъ публики, подойдя къ Гондатти, подалъ ему руку и, отъ имени Приморской, благодарилъ его за его полезную, самоотверженную дѣятельность въ Амурскомъ краѣ.

Въ краткихъ, но прочувствованныхъ словахъ, поклонившись привѣтствовавшей его публикѣ, г. Гондатти благодарилъ за оказываемое ему вниманіе. Затѣмъ, съ пренами истаго оратора, съ разсказомъ публикѣ объ Анадырскомъ краѣ: топографіи, климатѣ, орошевіи, флорѣ и фаунѣ, о его лекціяхъ и ихъ превосходствѣ. Богата содержаніемъ, мастерски изложенная лекція прослушалась публикой съ глубокимъ вниманіемъ. Послѣ часового чтенія и маленько перерыва, г. Гондатти демонстрировалъ свои коллекціи, выставленные на эстрадѣ, при чемъ обнаружилъ въ себѣ глубокого знатока Анадырского края; объясненія давались tanto proposito и ясно, tanto занимательно, что публика слушала эти объясненія съ тѣмъ же вниманіемъ, какъ и лекцію, въ теченіе около $1\frac{1}{2}$ часовъ.

13 ноября состоялось второе сообщеніе Н. Л. Гондатти при громадномъ стечениіи публики. Лекція г. Гондатти была прослушана съ тѣмъ же захватывающимъ интересомъ, и лекторъ былъ награжденъ буквально громомъ аплодисментовъ или, точнѣе, овацией. Чтеніе точно также закончилось демонстраціей коллекцій, съ мастерскими объясненіями. Нѣть словъ описать всю силу едноводящаго призыва публики, который выразился върывомъ аплодисментовъ послѣ демонстраціи коллекцій по адресу талантливаго лектора.

Предѣдатель Отдѣла, Н. И. Гродековъ, обратилъ къ многолюдному собранию съ слѣдующими словами: „Поблагодаримъ, гг., Николая Львовича за его прекрасное сообщеніе, обогатившее наши познанія о крайнемъ сѣверѣ; пожелаемъ Н. Л. окончательно исправить свое здоровье, дабы онъ, въ полномъ объемѣ силъ, могъ принести отечеству и науки ту пользу, которую мы все отъ него ожидаемъ. Наибольший успѣхъ всякаго дѣла даетъ гармоническое сочетаніе трехъ элементовъ: капитала, знанія и труда. У Николая Львовича знаній и труда много, но капиталь, т. е. здоровье, сильно расшатано; во окончаніи первого сообщенія, овѣ говорилъ инѣ, какъ ему такого дѣлать находженіе на ногахъ въ теченіе 4—5 часовъ. Вспомнимъ, что Н. Л. провелъ три года въ туздрѣ и сѣдалъ 8000 верстъ по

единицъ пустынамъ. Пусть же И. Л., себиряющейся временно оставить настъ край, иъ больше никогда не вернется въ кругу своихъ родныхъ, наверетася силь и возвратится къ нацъ обновленный и окрѣпший."

Несмолкаемые, дружные, громкие аплодисменты публики покрыли слова Н. И. Гроденова.

Покровитель Отдѣла, С. М. Духовской, ставши близъ лектора, обратился къ собранию съ следующими замечательными словами:

"Съ особеннымъ удовольствіемъ и вину инициативу Примурскаго Отдѣла Географическаго Общества къ дѣятельности за наше краинъ съвер Н. И. Гондатти. Н. И. подвигъ выше знанія именно того направлениія, которое имъ наиболѣе желано и наиболѣе полезно для Примурскаго края. Нашъ край—молодой; каждый день все болѣе убѣждается настъ, что мы его знаемъ еще мало, и, чтобы его узнать, требуется подчасъ необычайная борьба съ местной природою и трудностями. Между тѣмъ, безъ основательнаго изученія местныхъ условій, никакіе административныи, ни иная дѣятельность не могутъ быть правильными. Здѣшнему краю особенно нужны не тѣ люди, кои думаютъ кое-какъ исполнить свой долгъ и торопятся спрятаться въ большину толпу; честь и слава шонерааго работы отъ всего сердца и силъ, хотя скромной, но благородной, съ ириинскіемъ запасомъ знаній, путеводитомъ сильного волею и прѣпѣтъ характеромъ. Я очень счастливъ надѣять, что такія работы въ именъ края не только поддерживается, но развивается, и что такія учрежденія, какъ Примурскій Отдѣль И. Р. Географическаго Общества, одобряются и укрѣпляются ею. Благодара Николая Львовича, не могу ее поблагодарить и членовъ Отдѣла общества. Въ заключеніе же, вмѣстъ со всѣми присутствующими, выражу желаніе, да множатся къ нашему краю дѣятельности тѣ, кои теперь наиболѣе нужны, и да укрѣпляется и развивается ихъ трудами сила, мощь и слава Россіи на дальнемъ Востокѣ".

Слова главнаго начальника края вызвали единодушное, громкое, "ура" присутствовавшихъ; подъ громъ аплодисментовъ, подъ неуклюжіе, мощные клики "ура", покровитель Отдѣла, С. М. Духовской, подойдя къ г. Гондатти, обнялъ его.

"Много труда и времени—говорить далѣе газета—встрѣтилъ г. Гондатти во время своей трехлѣтней службы въ Чукотской землѣ^{*)}), во пріемъ, ему оказанный въ Хабаровскѣ, съѣзъ выразить, насколько окупаетъ ихъ. Въ нашей необыкновенной Россіи есть много тружениковъ, есть много примеровъ высокаго самоотверженія, но не исѣ они дѣлаются известными. Въ нашемъ же молодомъ, необыкновенномъ краѣ труды и служба Гондатти за пользу отечества не остались безвестными. За его дѣятельностью внимательно слѣдила цѣлая корпорація примурской интеллигентіи, именуемая Примурскимъ От-

^{*)} Объ этихъ лишеніяхъ писалъ, между прочимъ, г. Гондатти въ свою письмъ, напечатанномъ въ "Землевѣдѣніи" 1897 г., ии. I—II, стр. 137—143 а также д-ръ А. П. Сильницкий въ своемъ очеркѣ: "Повадка въ Камчатку и на р. Анаидырь"—въ "Запискахъ Примур. Отдѣла И. Р. Г. О.", т. II, в. 3 (1897). Ред.

дломъ И. Р. Геогр. Общества. Надежды, которых возлагалъ на г. Гондатти Приамурскій Отдѣлъ и его покровитель, онъ оправдалъ въ полной мѣрѣ, и чествование Гондатти, публичное вовданіе ему долгаго за его самоотверженные и полезные труды, понесенные вилъ въ Чукотской землѣ, укрѣпляетъ сознаніе, что каждый работникъ Приамурья, при всѣхъ невзгодахъ и лишевіяхъ, неизбѣжныхъ въ нашемъ суровомъ краѣ, найдетъ себѣ должную оцѣвку въ Приамурскомъ Отдѣлѣ И.-Р. Г. Общества, въ составъ втораго входить, вся интеллигенція Приамурскаго края."*)

Подробнаго содержанія сообщеній И. Л. Гондатти газета не приводятъ, конечно, будуть обработаны авторомъ и напечатаны въ видѣ отдѣльнаго изслѣдовавія или официальнаго отчета. Нѣсколько его работъ объ Анадырскомъ краѣ, присланыхъ еще съ изѣта службы, напечатаны въ „Запискахъ Приамурскаго Отдѣла И. Р. Г. О“, т. III, выш. 1 (1897). Именно: 1) „Сводънія о поселеніяхъ по Анадыру“, 2) „Осѣдлое населеніе р. Анадыра“, 3) „Составъ населенія Анадырской округи“. Замѣтка по языку, присланная миъ оттуда же въ Этногр. Отдѣлъ И. О. Л. Е., А. и Ѹ., нижется въ виду для напечатанія.

Въ настоящее время И. Л. Гондатти, пользуясь отпускомъ, возвращается сухимъ путемъ черезъ Сибирь въ Европейскую Россію и прежде всего въ Москву, чтобы повидаться съ родными, отдохнуть, заняться приведеніемъ въ порядокъ добытыхъ матеріаловъ и свѣдѣній, а также познакомить столичный ученый міръ съ результатами своихъ изслѣдований.

Красноярский музей.

Красноярскій городской музей основанъ въ 1889 году изѣтымъ купцомъ Матвеевымъ. Спустя годъ послѣ основанія Матвеевъ пожертвовалъ его городу. Нынѣ музей помѣщается на Береговой улицѣ, въ городскомъ зданіи, винѣсть съ приходской школой. Не смотря на то, что музей существуетъ уже восемь лѣтъ, отчетовъ по нему было составлено только два: первый черезъ годъ послѣ основанія, а второй въ 1892 г. Сравнивая оба отчета, мы видимъ, что музей за годъ своего существованія пополнился многими предметами. Въ послѣднія же пять лѣтъ музей почти ничего не пріобрѣлъ, а если и пріобрѣлъ, то очень немного. Объясняется это тѣмъ, что нѣтъ почти никого, кто-бы принялъ на себя трудъ посодѣйствовать развитію музея. Въ этомъ

*) Въ томъ же засѣданіи Приамурскаго Отдѣла было объявлено, что, съ разрѣшеніемъ г. генераль-губернатора С. М. Духовского, открыта подписка въ предѣлахъ Приамурскаго края на памятникъ въ г. Хабаровскѣ Семену Дежневу, открывшему въ 1648 г. проливъ, названный виослѣдствіемъ Беринговымъ. О казакѣ Дежневѣ см. соч. Н. Омобона: „Семенъ Дежневъ (1638—1671). Новые данные и пересмотръ старыхъ“. СПБ. 1890. (Извѣ Ж. Мин. Н. Пр. 1890 г., окт.). Краткія свѣдѣнія см. также въ брош.: „Замѣчательные русскіе люди Ерофеѣ Хабаровъ и Семенъ Дежневъ“, под. ред. журн. „Досугъ и Дѣло“, СПБ. 1891.

отношениі соѣдній Минусинскій музей находится въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, имена у себя такого сотрудника, какъ Н. М. Мартыновъ.

Красноярскій музей состоять изъ шести отдѣловъ: естественно-историческаго, археологическаго, нумизматическаго, сельско-хозяйственнаго, этнографическаго и промышленнаго. Предметовъ во всѣхъ видахъ отдѣлахъ насчитывается до десяти тысячъ.

Въ этнографическомъ отдѣле костюмовъ только восемь. Изъ нихъ особенно интересны три, а именно: 1) „Парка“ — верхняя одежда шамана Качинцевъ; состоитъ она изъ короткой кожаной куртки съ болѣшимъ отложнымъ воротникомъ; воротникъ сдѣланъ тоже изъ кожи и украшенъ бѣлыми раковинами. Подъ воротникомъ пришиты длинныя ленты, доходящіе, вѣроятно, до колѣнь. Ленты преимущественно красныя и зеленые, на концѣ каждой изъ нихъ пришито по одной раковинѣ. Эти ленты, идя отъ воротника, прикрываютъ, следовательно, спину и бедра, тогда какъ передъ курткой лежать только короткия висюльки, сдѣланыя изъ кожи, въ видѣ тонкихъ трубочекъ. Полы куртокъ и рукава расшиты красной лентой шириной вершка въ два. Застегивается куртка маленькими кѣдными пуговицами. Рукава небольшіе, къ нимъ снизу привѣшено по одному колокольцу и, кроме того, много кѣдныхъ, жесткихъ и езивцовыихъ побрякушекъ. Къ воротнику пришито семь довольно большихъ колокольцевъ, а при каждомъ изъ нихъ — по одному круглому колокольцу. При этомъ костюмъ находится головной уборъ. Это — конусообразная мягкая шапка, украшенная бѣлыми раковинами. Сверху прикреплены два желтыхъ пера, которыя спадаютъ сзади на воротникъ. Къ одному краю шапки пришиты ленты длиною въ аршинъ. Судя по украшениямъ на шапкѣ и перьямъ, ленты эти пришиты спереди и должны прикрывать лицо. Кронѣ этого костюма, есть цѣлая коллекція принадлежностей того-же шамана, употребляемыхъ имъ при кампаніи. Состоитъ она изъ двадцати двухъ предметовъ. Здѣсь есть средства отъ головной боли, отъ ломоты лопатокъ, при трудныхъ родахъ, отъ падучей болѣзни, капша, глазныхъ болѣзней и т. д. Всѣ они почти одинаковы, состоятъ или изъ прутиковъ, перевязанныхъ разными лентами, или просто куски древесной коры, есть также и металлическія пластинки.

2) Второй костюмъ шамана Соють. Это — простой барабаній полуушубокъ, доходящій только до колѣнь. Здѣсь полуушубокъ увѣшанъ длинными лентами, передъ — короткими. Къ каждому изъ рукавовъ сзади пришито по кольцу съ пучками лентъ. Цѣста преобладають свѣтлые. Сзади, немногого пониже плетъ, вшито также по кольцу съ пучками лентъ. На самой спинѣ прикреплены кольца съ конусообразными побрякушками изъ кѣди и жести. Головной уборъ состоитъ изъ окольши, сдѣланного изъ мягкой матеріи. Верхъ его закрытъ перьями, которыя торчатъ вверхъ. Спереди на окольши сдѣлано подобіе лица. Глаза изъ синихъ бусъ, носъ изъ куска жести. Немногого выше глазъ по бокамъ прикреплены два тонкія металлическія прута длиною въ четверть, торчащіе впередъ. При этомъ костюмѣ находится семь штуцкъ маленькихъ плодовъ, употребляемыхъ шаманомъ при кампаніи. Идолы эти имѣютъ видъ туловища человѣка безъ ногъ. Туловище сдѣлано изъ тряпокъ. Само оно желтаго цвѣта, а голова красная съ бѣлыми пояскомъ на лбу. Отъ шеи къ правому бедру идетъ красная лента. Величиной такой идолъ вершка три.

3) Третий костюмъ шамана якутовъ и самойдовъ; состоитъ изъ кожаной куртки, такихъ же брюкъ и сапогъ. Полы куртки украшены длинными тонкими ремнями. Спереди куртки, начиная отъ ворота, наспадаетъ кожаная пелерина, украшенная металлическими бляхами въ видѣ стрѣлъ. Края и вязь пелерины расшиты мелкими разноцветными бусами. Оба рукава украшены четырехугольными бляхами, а спина различными металлическими кобрикушками продолговатой и круглой формы. Сапоги спереди расшиты металлическими пластинками шириной въ вершокъ. Головного убора при этомъ костюме не имеется, но есть привадлежности при каманѣ, состоящія изъ бляхъ, колокольцовъ, шкурокъ авѣрей и итлицъ, металлическихъ прутьевъ. Кроме этихъ предметовъ, есть еще туловище человѣка, сдѣланное изъ тряски, и картина, изображающая пляшущихъ шамановъ.

Далѣе слѣдуетъ обратить вниманіе на женскій костюмъ инородцоў Ачинскаго и Минусинскаго округовъ. Костюмъ этотъ, правда, очень не сложенъ, и состоитъ изъ ситцеваго барабана съ широкими рукавами. Концы рукавовъ и вставка подъ вини сдѣланы изъ краснаго ситца, весь же костюмъ болѣе съ различными рисунками. Остальные четыре костюма особеннаго интереса не представляютъ. Это — обыкновенные зимніе остиціе костюмы, сдѣланыи изъ оленыхъ шкуръ, шерстью заверхъ.

Изъ отдельныхъ предметовъ въ этнографическомъ отдѣлѣ имются слѣдующіе: иконы на рукаицы инородцевъ Минусинскаго округа, меховая шапка (форма зимней татарской шапки), кисетъ для табака, обувь курдовъ — кожаныя туфли съ поднятыми вверхъ носками, безъ упрашений, иконскія туфли, монгольская икона, имѣющая видъ квадрата величиною четверти въ дѣй (разобрать рисунка невозможно, потому что краски ярки и наѣтлены очень густо, только по срединѣ иконы можно различить сидящую человѣческую фигуру). Есть также около двадцати предметовъ инородческой домашней утвари, состоящей изъ простыхъ деревянныхъ чашекъ, ложекъ, корыть, кусокъ тиски (бересты), употребляемой свернѣнныи инородцами для погрызія юртъ; остиціе карты; остицій лукъ съ стрѣлами, на стрѣлахъ сдѣланы различные металлические напончики; ваконецъ, шесть инородческихъ череповъ.—Вотъ вся предѣсты этнографического отдѣла.

Естественно-исторический отдѣлъ состоять изъ коллекціи иѣстныхъ иѣцъ (25 экз.), коллекціи иѣстныхъ пухъ (67 экз.), иѣстныхъ бабочекъ (52 экз.), и коллекціи жуковъ (69 экз.). Гербарій въ 84 видовъ растеній засоры Туруханскої тундры.—Въ небольшомъ отдѣлѣ палеонтологіи находится черепъ ископаемаго зубра, два отдельныхъ отпечатка рыбъ, черепа мамонта и носорога.—Въ отдѣлѣ минералогіи — коллекція горныхъ породъ, въ которыхъ образовалась почва Минусинскаго округа; 3 коллекціи полезныхъ ископаемыхъ, какъ-то: руды, соли, краски, и строительный материалъ.—Въ нумизматическомъ отдѣлѣ насчитывается 928 монетъ.—Въ археологическомъ отдѣлѣ — мѣдная кошачуга и такой же шишакъ, мѣдная вилка, каменный тоноръ и, наконецъ, большая коллекція, состоящая изъ каленыхъ, костиныхъ, желѣзныхъ, мѣдныхъ и другихъ предметовъ, числомъ 2190.—Промышленный отдѣлъ состоитъ изъ коллекціи производства Алексѣевскаго крупчаточного завода, цѣлой группы привадлежностей охоты и рыболовства.—Въ сельско-хозяйственномъ отдѣле

находится коллекция сажань полевыхъ растенийъ, огородныхъ и бахчевыхъ, и, на конецъ, образцы производствъ Абаканскаго механическаго завода и образцы Коноваловскаго сарвероваго и стеклянаго завода. Кроме того, три наслобойки, жатвенная машина системы Джонстона, ручная молотилка, склоносажка и одноволосный плугъ.

Вотъ краткѣ описание состава всего Красноярскаго музея.

Въ концѣ считаю вѣ личину упомянуть слѣдующее: авторъ одного изъ отчетовъ по музею пишетъ между прочимъ: „Нашт музей пополняется всевозможными предметами изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей Сибири и сопредѣльныхъ съ нею странъ, и всего несметное количество предметами мѣстными. Причинъ тому весьма много, самая же главная, по нашему мнѣнію, отсутствие сотрудниковъ“.

То же самое говорилъ и въ теперешней хранитель музея Е. М. Кирберть.

Л. Масюковичъ.

Автобіографіи этнографовъ.

Вновь поступили, кроме упомянутыхъ въ №. XXXIII „Этногр. Обозрѣнія“, автобиографические материалы для исторіи современной русской этнографіи отъ А. А. Диваева въ Ташкентѣ и С. и П. А. Диляторскихъ въ Вологдѣ, съ приложениемъ фотографическихъ карточекъ.

А. А. Диляторъ посвящаетъ свою научную занятія главнымъ образомъ изученію русского Туркестана. Его материалы и работы помѣщены: 1) въ мѣстномъ „Сборнике материаловъ для статистики Сырь-Дарьинской области“, тт. I—VI (1891—97), 2) въ казанскихъ „Извѣстіяхъ Общ. Арх., Исторіи и Этнографіи“, тт. XIII, XIV, 3) въ „Ученыхъ запискахъ И. Назавскаго университета“ (1897), 4) въ „Запискахъ Вост. Отдѣленія И. Р. Археологич. Общ.“, т. X. Кроме того, въ периодич. мѣстныхъ изданіяхъ (напр. „Туркест. Вѣдомости“, „Оренбург“) также появляются время отъ времени его статьи.

Братья Серг. Альф. и Прок. Альф. Диляторские, проживавъ въ Вологодской губ., собираютъ для мѣстныхъ изданій и для Этнографіи. Отдѣла атнографические материалы. Имена ихъ можно встрѣтить въ „Вологодскомъ иллюстр. Календарь“ (1894), въ литературномъ сборнике „Вологжанинъ“ (1894—95), въ „Волог. Губ. Вѣдомостяхъ“ (1890—91—93—95), въ „Этногр. Обозрѣнія“ (XXI, XXIV). Нѣкоторые материалы по языку П. А. Диляторскій доставилъ И. А. Науки; кое-что изъ его материаловъ и статей остается еще вѣ камечатаннымъ у насъ. Подпись его иногда обозначена сокращенно: П. Д., или П. Иторский, а также П. Александровъ („Этн. Обозр.“ XIX, 145).

Повторяю снова нашу просьбу о присыпкѣ автобіографическихъ сѣдѣній въ редакцію „Этнографическаго Обозрѣнія“, съ приложениемъ фотографій.

,ЗЕМЛЕВѢДѢНИЕ“.

Періодическое издание Географического Отдѣлениія ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи,

выходитъ 4-ми книжками въ годъ, размѣромъ въ 10—12 печати. частовъ, съ приложеніемъ картъ, фототипій и рисунковъ въ текстѣ. Цѣна годовому изданію шесть рублей съ пересыпкой. Гг. изогородные благоволять обращаться по адресу: Москва, въ Географическое Отдѣлениѣ И. Общества Любителей Естествознанія, Политехнический Музей.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народного Просвѣщенія поставлено: рекомендовать издаваемый Геогр. Отдѣл. И. О. Л. Е. журналъ „Землевѣдѣніе“ особенному вниманію педагогическихъ союзовъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и городскихъ училищъ для приобрѣтенія въ фундаментальныхъ и учительскихъ библіотекъ».

За 1897 г. вышли книжки I—II и III—IV. Цѣна миъ, безъ приложенийъ, каждой по 1 р. 50 к. Приложениями къ нимъ служать II—III и IV (послѣдній) выпускъ (въ двухъ книжкахъ) сочиненія Ф. Нансена.—„Среди льдовъ и во мракѣ полярной ночи“. Годовымъ подписчикамъ „Землевѣдѣнія“ за 1897 г. выпускъ эти высылаются бесплатно Первый выпускъ Нансена вышелъ при послѣдней книжкѣ „Землевѣдѣнія“ за 1896 годъ.

За 1896 г. вышли четыре книжки „Землевѣдѣнія“. Цѣна I-й книжки въ отдельной продажѣ 1 р. 50 к., II-ой—2 р., III—IV-ой—1 р. 75 к., съ отдельнымъ приложениемъ (Нансенъ, вып. I)—2 р. 50 к., а несъ годъ 5 руб.

За 1895 г. вышли четыре книжки. Цѣна I-ой книжки въ отдельной продажѣ—2 р., II—III книжки 2 р. 50 к., IV-ой—1 р. 50 к., а несъ годъ 5 руб.

За 1894 г. вышли четыре книжки. I-ая книжка 1894 года осталась лишь въ некогдѣ вкремплярахъ и можетъ быть получена только при условіи выписки полной серии за четыре первыхъ года (1894—1897).

Выписзывающіе четыре года, 1894, 1895, 1896 и 1897, могутъ получать ихъ за 20 р., а съ 1898 годомъ за 25 р. съ пересыпкой.

Другія изданія Географического Отдѣления И. О. Л. Е., А. и З.

А. Н. Красновъ. Травяныя степи сѣвернаго полушарія. М. 1894. Ц. 1 р. 50 к.
„Изъ путешествій по Восточной Сибири, Монголіи, Тибету и Китаю“. Сборникъ статей А. В. Потаниной. Съ біографіей путешественницы, ея портретомъ, пятью таблицами рисунковъ и политиражами въ текстѣ. М. 1895. Ц. 3 р.

Нансенъ. Среди льдовъ и во мракѣ полярной ночи. Переводъ А. А. Круберга, подъ ред. Д. Н. Акучина. Съ картами, таблицами (автотипіями), рисунками въ текстѣ и съ приложениемъ статей: 1) Ф. Нансенъ, біографический очеркъ, и 2) Неизвѣстныя полярныя области. М. 1897. 98. Ц. 4 р. Подписчики на „Землевѣдѣніе“ за 1897 г. получаютъ это сочиненіе бесплатно.